

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

12

2014

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

12/2014 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. 3

СТАТЬИ

Е.О. Науменкова — Палата лордов в конституционно-правовой системе Великобритании XIX — начала XX в. 20

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В.В. Вяткин — Александр Андреевич Спицын 38

СООБЩЕНИЯ

Чжун вз Чжо — Стахановское движение и советские профсоюзы в 1935—1936 гг. 51

К.Н. Максимов — Калмыки в годы первой мировой войны 69

А.А. Клейменов — Битва при Политимете: крупнейшее поражение армии Александра Македонского 84

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

И.М. Нохрин — Межэтнические отношения в Канаде в конце XVIII в. 98

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- И.Н. Мухина, Б.В. Петелин** — Ханнелоре Коль: рядом с канцлером 110

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Г.В. Кретинин, Л.М. Фуксон** — Повышение квалификации учителей в 1950-х гг. в Калининградской области 120
- С.А. Пискунов** — Правовое регулирование сельскохозяйственной миграции в РСФСР в 1946—1991 гг. 126
- С.А. Репинецкий** — Как читало общество на заре Великих реформ середины XIX в. 131
- А.Х. Абазов** — Нальчикский горский словесный суд в конце XIX — начале XX в. 141
- Э.Р. Вагабова** — Азербайджанская печать накануне и в годы первой мировой войны 149

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Н.М. Валеев** — Переписка К.И. Невоструева и митрополита Макария 157

ИСТОРИОГРАФИЯ

- О.Е. Ермолаева** — А. Рибер. Борьба за евразийские приграничные территории от становления современных империй до окончания первой мировой войны 163
- С.А. Толстогузов** — Митани Хироси. Национализм-революция-народ 167
- Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2014 году 171

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г.

Заседание от 24 февраля 1931 г.

Присутствуют гг. Милашевский, Марков, Минахорян, Мальгин, Лозовой, Лазарев, Якушев, Новожилов, Калюжный, Климушкин, Нестеров, Кузятин, Воронович, Ригана, Сталинский, Брушвит, Постников.

Председательствует г. Минахорян.

Доклад г. Климушкина о земельной политике ПСР.

Г. К л и м у ш к и н. Я постараюсь по мере возможности быть кратким. Я думаю, что многое из того, что мне придется сказать, уже известно товарищам, поэтому постараюсь указать общую линию нашей политики, как она мне представляется. Предварительно сделаю одну оговорку. Не только я, но и все мы рассуждаем здесь на конференции, так сказать, вне времени и пространства. Наши суждения имеют относительное значение. Мы можем составлять программы, но ручаться за то, что они будут соответствовать действительности — мы не можем. Поэтому свои выводы я буду обосновывать исключительно на фактах прошлого опыта. Наша политика в земельном вопросе должна стоять возможно ближе к действительности, иначе может случиться тоже самое, что случилось с проектом, предложенным С. Масловым¹: как только мы приступили к рассмотрению его, остались лишь рожки да ножки, теория столкнулась с действительностью, Петроград с деревней, и деревня победила его. Хочу сказать, что если мы не учтем опыт прошлого, то с нами может случиться то же самое.

Что является определяющим в нашей политике? Из защиты чьих интересов мы должны исходить в наших построениях? Класса? Государства? Социализма?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам необходимо в нескольких словах остановиться на земельном законе в СССР.

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2014. № 8—11.

Этот закон состоит из 8 статей, но сущность его передается 4 статьями: а) все земли и недра земли составляют собственность рабоче-крестьянского государства; б) вся земля находится в ведении Земкома; в) трудовое право землепользования; г) допускается землепользование общинное, хуторское и товарищеское ².

Наш земельный закон, по существу принятый Учр. Собранием, сводится к почти тем же положениям.

Но была существенная разница в первом пункте. Вся земля изымалась из частной собственности и составляла о б щ е н а р о д н о е д о с т о я н и е. Таким образом, если согласно законам СССР, меняет государство формы землепользования, в лице правомочных органов, по смыслу нашего закона изменения могло производить лишь Учр. Собрание.

Этим была придана формам землепользования максимальная устойчивость. У нас было также трудовое землепользование. Только труд дает право на владение землей. Мы также допускали общинное, хуторское и товарищеское землепользование. Следует только заметить, что хуторское землепользование допускалось лишь с согласия ²/₃ большинства общины, что сводило на практике на нет эту форму землепользования. Как видите, различия между этими двумя законами не так велики. Но можно иметь хороший закон, а на деле провести плохую политику. В чем состоит сущность политики большевиков? Как известно, первоначально она определялась ставкой на бедняка (комбеды). Эта ставка не определялась ни экономическими потребностями страны, ни интересами государства в целом, а политикой власти; нужно было углубить гражданскую войну, притянуть на свою сторону неимущих крестьян. Результаты этой ставки вам известны.

Однако вскоре большевики вынуждены были считаться с экономическими потребностями страны и вместе с «НЭПом» они начали делать ставку на «хозяйственного мужичка». Нужно было прокормить город, восстановить расшатанный аппарат власти.

Но результатов эта ставка не дала, поэтому большевики перешли снова на ставку на бедняка. Одновременно также стали ориентироваться и на середняка, потому что роль средних слоев крестьянства в распределении сил революции в эти дни была громадная. В зависимости от того, на чью сторону перейдет, определялось все. Вот что об этом писал Ленин: «В деревне наша задача — уничтожить помещика, сломить сопротивление эксплуататора и спекулянта-кулака; опереться для этого мы можем прочно только на полупролетариев, на бедноту. Но средний крестьянин нам не враг. Он колебался, колеблется и будет колебаться: задача воздействия на колеблющихся не одинакова с задачей низвержения эксплуататора и победы над активным врагом. Уметь достигнуть соглашения с средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту, — это задача момента, ибо именно теперь поворот в среднем крестьянстве в нашу сторону неизбежен в силу вышеизложенных причин» (т. XV, с. 564) ³.

Само собою разумеется, что отношение Сталина ничем не отличается от этого. В брошюре «Ленин и вопрос о союзе с середняком» он пишет: «Во всей своей работе в деревне РКП по-прежнему опирается на пролетарские и полупролетарские силы ее, организует их прежде

всего в самостоятельную силу, создавая партийные ячейки в деревне, организации бедноты, особого типа профессиональные союзы пролетариев и полупролетариев в деревне и т.д., сближая их всемерно с городским пролетариатом и вырывая их из-под влияния деревенской буржуазии и мелкособственнических интересов.

По отношению к кулачеству, к деревенской буржуазии политика РКП состоит в решительной борьбе против их эксплуататорских поползновений, в подавлении их сопротивления советской политике».

Кроме того, дальше: «Есть ли у нас в партийном арсенале такая формула, такой лозунг? Да, есть. Такой формулой является лозунг Ленина: уметь достигать соглашения с средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту. Вот почему я думаю, что этот лозунг является наиболее целесообразным и всеохватывающим лозунгом, что его нужно выдвигать на первый план именно теперь, именно в данных условиях работы в деревне»⁴.

Таким образом, после всех колебаний формула политики большевиков остается той же, какой она была и в начале: ставка на бедняка.

Каковы результаты этой политики? Продукция с.х в 1925—1926 гг. составляла 89% довоенной и только в 1929 г. достигла уровня 1913 г. — 102%. Посевная площадь в тысячах десятин с 115 в 1929 г. дала незначительное повышение — 127, сбор зерновых хлебов по сравнению с довоенным почти не изменился. Так, против 102 мил. пудов в 1913 г. мы имеем в 1929 г. — 103, причем если в 1913 г. на душу населения номинально приходилось 5,8, то в 1929 г. эта сумма определяется в 5,5. Вот таковы результаты практики! Ясно, что такая политика не могла разрешить проблему. И большевики прибегали все время к репрессивным мерам. Карательные отряды действовали, как вам известно, всюду, что в конечном итоге еще больше ухудшило положение крестьянства в России. Неудовольствие росло, крестьянство встало перед фактом голода, разорения, и было неминуемо восстание. Нужен был выход из положения, и таким выходом оказалась колхозизация. Этот выход диктовался не только экономическими, но и политическими соображениями. Нужно было еще больше углубить гражданскую войну, натравить одну часть деревни на другую, на сей раз шло уже о физическом уничтожении зажиточного мужика, необходимо было кровопролитием, самой кровью крестьян через самих же крестьян закрепить за собою бедняцкое крестьянство. Вы знаете, что дала стране колхозизация. Она принесла новую разруху, с.х. скот по сравнению с довоенным уменьшился в общем итоге на 21,8%.

Вот в общих чертах все, что представляет из себя земельная политика большевиков.

Какую же политику должны строить мы?

Говоря об этом, я имею в виду данный момент. О будущем я не говорю. Снова я возвращаюсь к вопросу о нашей исходной позиции. Из чего мы должны исходить? Из интересов класса? Государства? Из догмы социализма? Все эти вопросы существенны. Как политика самодержавия, так политика большевиков исходила не из интересов государства в целом, а из интересов класса. И если при поддержке гос. аппарата раньше за счет крестьянства жило помещичье сословие, то теперь живет пролетариат. Куйбышев⁵ это считает «правом на фу-

раж рабочего» в борьбе за социализм. По этому пути мы идти не можем. Мы должны исходить в нашей политике из интересов настоящего момента, т.е. из интересов нашего поколения. В основу всей нашей политики, а также и нашей земельной политики, должно быть положено благо человеческой личности. Наша задача заключается не в том, чтобы зажиточного мужика довести до бедняцкого состояния, а, наоборот, в поднятии благосостояния последнего.

Перейдем к практике.

До революции основной тенденцией наших устремлений в зем. политике было охватить возможно большую земельную площадь. Эта задача была осуществлена февральской революцией. Поэтому теперь вопрос идет об усвоении, «переваривании» этого приобретения. И первое препятствие в этом направлении заключается в том, что мы переживаем период мирового земельного кризиса. Падение цен на с.х. продукты ставит под сомнение возможность нашей конкуренции с Америкой, Канадой и Аргентиной. Этот кризис — результат появления двигателя, и вывоз большевиков — демпинг в данном случае — значения не имеет. Большевики не боятся иностранной конкуренции, т.к. доступ в Россию для с.х. продуктов закрыт. Но для нас эта опасность имеет большое значение. Ее можно избежать только усиленной интенсификацией с.х. В качестве предпосылок в этой области надо провести широкую механизацию, мелиорацию, агрономическую помощь и т.д. Но одновременно необходим отказ от конфискации с.х. продуктов. Наша формула: право на продукт труда должно быть незыблемо. Конечно, могут быть исключения из общего правила, но они должны быть применяемы лишь в особых случаях и предусмотрены законом. Далее нам так или иначе придется считаться с тем наследием, которое оставят большевики. Я говорю о колхозах. Думать о декретном, насильственном уничтожении колхозов, значит идти навстречу новым развалам. Даже Струве ⁶ не будет в силах провести такую меру, если он окажется у власти. Мы всегда стояли за коллективное хозяйство. И те из существующих колхозов, которые выказывают способность к развитию и проявляют жизненность, мы должны поддержать. Но мы должны отвергнуть методы работы большевиков. Коллективизация требует не только должной механической подготовки и механизации, о недостатках которой теперь кричат сами большевики, но и психических предпосылок. Наш мужик не дошел еще до того уровня развития, чтобы должным образом понять примат общего интереса над частным. И вот по мере развития одновременно и технических, и психических предпосылок, мы должны развивать коллективные хозяйства, конечно, в порядке добровольном. Такая коллективизация ничего общего с общинным землепользованием не имеет. Я не сторонник идеализирования общины, и вопрос о том, как следует оценить положительные и отрицательные стороны с точки зрения хозяйственной, считаю далеко не разрешенным. По существу община имеет столько же положительных, сколько и отрицательных сторон. Положительные черты: общность интересов, солидарность, возможность сговора в работе, наличие готового аппарата. Отрицательные стороны: община держится на инерции и на привычке. Затем следует указать на малую подвижность в работе. Ведь выход из общины означает возвращение земли общине, а это воспре-

пятствует всякой интенсификации. Необходима устойчивость крестьянского землепользования. В тезисах я говорил о родовом владении. Под этим я подразумевал право данной семьи пользоваться без передела отведенной ей землей. Только при таком длительном пользовании возможно усилить и поставить дело интенсификации. И думаю, что это столь ясно, что не нуждается в объяснениях. Таким образом, мое заключение сводится к следующим основным положениям: 1. Вся земля является достоянием народа. 2. Пользование землей может быть общинное, хуторское и товарищеское. 3. Право на землю имеет каждый гражданин, пока он на ней работает.

Т. Н е с т е р о в. Земельная политика ПСР должна вытекать из общих положений партии в земельном вопросе. Земельную политику я отличаю от т.н. «аграрного вопроса», поэтому в дальнейшем я не буду заниматься идеологией партии в земельном вопросе, а ограничусь лишь несколькими положениями, определяющими излагаемую дальше политику.

1. Изъятие земли из товарного оборота и передача ее для пользования лицам, непосредственно на ней работающим, было и должно **о с т а в а т ь с я** основным положением программы ПСР.

2. Считаю, что земельные мероприятия большевиков не только не разрешили основного вопроса — передача земли в руки трудящихся — но еще больше осложнили его разрешение, надо признать, что прежние аграрные программы не в состоянии будут разрешить большевицкого наследия.

3. Программа ПСР до сих пор знает лишь одну социализацию земли, между тем, вопрос так сильно осложнился, что применением одной формы землепользования его разрешить нельзя. Поэтому требование социализации земли надо заменить в нашей программе более общими требованиями национализации земли.

4. Национализация земли даст возможность местами применить социализацию, т.е. передачу земельных фондов местного значения местным общинам для распределения ее между земледельцами.

Национализация не исключает возможность предоставления земли отдельным лицам или их объединениям во временное (возможно и многолетнее) пользование.

Национализация земли не потребует общего аннулирования проводимых большевиками мер по проведению коллективизации с.х.

Национализация земли допустима и в узком смысле этого слова, т.е. наша программа должна допустить наличие т.н. «высококультурных имений»...

1. Прогресс с.х. возможен только при параллельно растущей с.х. грамотности. Поэтому наша практическая политика должна предвидеть создание достаточного количества **В ы с ш и х и С р е д н и х ш к о л** как поставщиков специалистов-чиновников, так и учителей для земледельческого населения. Для последнего необходимо:

а) развить широкую сеть **н и з ш и х ш к о л**;

б) ввести обязательное обучение с.х. знаниям для крестьянской молодежи по окончании курса общей школы;

в) широко применять внешкольное с.х. обучение взрослых путем организации специальных курсов по отдельным отраслям с.х., устройством лекций, экскурсий, выставок и т.д.

2. Отрицая большевицкую индустриализацию с.х., мы должны стремиться к возможно большей механизации (машинизации) самого производства. Это потребует от нашей политики:

- а) государственного строительства заводов с.х. машин и орудий;
- б) организации областных, районных и местных складов по продаже и пропаганде с.х. машин;
- в) применения побуждающих и поощряющих мер к отдельным хозяйствам, пользующихся новыми машинами.

3. Организация т.н. «Агрономической помощи» населению мыслима в различных формах, но менять исторически себя оправдавшую «участковую» систему на какую-либо иную нет оснований. Во всяком случае, земледельческое должно быть обслуживаемо:

- а) специальным советом и руководством;
- б) предоставлением ему возможностей воспользоваться достижениями агрономической культуры, для чего должны быть организованы племенные и семенные станции, станции для проката с.х. машин, склады искусственных удобрений и т.д.;
- в) наглядным примером рационального ведения хозяйства путем создания опытных полей, показательных участков, организации показательных кормлений скота и т.д.;

г) с.х. литературой, доступной для населения.

4. Мероприятия экономического порядка должны преследовать ту же цель — поднятие благосостояния крестьянина как главного плательщика налогов и основного производителя с.х. продукции. В этих целях должно быть:

- а) установление рациональной налоговой системы, не тормозящей развитие с.х.;
- б) установление благоприятных для с.х. ж.-д. тарифов и пошлин;
- в) организация сбыта с.х. продуктов (государственные и кооперативные холодильники и элеваторы, нормирование цен, выдача авансов под урожай и т.д.);
- г) организация кредита на производственные цели и, в частности, мелкого кредита;
- д) сооружение местных шоссейных путей сообщения;
- е) проведение мелиоративных мероприятий.

С.х. колонизация. Наличие в России огромных земельных фондов, пополненных землями, улучшенными мелиорациями, рациональное распределение этих земель и прогрессивно растущая интенсификация с.х. на долгие годы должны избавить Россию от земледельческого перенаселения.

Правильная организация переселенческого дела должна быть одним из главных пунктов нашей земельной политики. Потери от войны, голода и революции местами привели к значительному обезлюдению (заколоченные избы), что дает возможность проводить т.н. внутреннюю колонизацию.

Добровольный исход земледельческого населения с мест перенаселенных должен быть направлен к колонизации окраин. Широкая государственная помощь и многолетние льготы должны быть источниками благополучия переселенцев в первые годы их существования на новых местах.

Программное положение, что земля предоставляется тем, кто лично на ней работает, нельзя понимать как запрещение использования наемного труда. Допуская индивидуальные хозяйства и требуя в то же время интенсивности и рационализации, мы тем самым допускаем и наемный труд, размеры и применение которого могут быть контролируемы государственными органами.

Точно так же, отдавая преимущество кооперативным и коллективным формам землепользования, надо одновременно предоставить свободу хозяйственной конкуренции и единоличным хозяйствам, предоставляя им все виды государственной помощи.

Т. Л а з а р е в. С.р. не стали бы экспроприировать и национализировать все жилища, дома, всевозможные здания и все производство страны. Но раз это сделано, раз все фабрики поступили в распоряжение государства, было бы нелепо восстанавливать старый порядок или передавать новым частным предпринимателям.

ПСР не стала бы открывать гонение на т.н. «кулаков», т.е. на зажиточных крестьян, успешно ведущих свое скромное хозяйство. Даже Бухарин одно время протрезвился и закричал: «Обогащайтесь!». Не стала бы партия насильственно насаждать и колхозы с совхозами. Но раз насильственная коллективизация совершилась, раз прежние мелкие хозяйства уничтожены, раз заготовлены и применены в колхозах сотни тысяч тракторов и других с.х. машин и орудий — жнеек, вялок, молотилок и т.п. — было бы нелепо создавать из них карликовые хозяйства, которые с.р. предполагали тоже уничтожить, но лишь путем постепенного перехода их в свободные и добровольные — производительные и потребительские кооперативы. Тогда с.р. остается только найти пути для внесения в колхозы и совхозы элемента личной заинтересованности в успехе предприятия, т.е. участия всех членов в доходах предприятия и права участия в определении способов ведения коллективного хозяйства. Насильственная пролетаризация крестьянства — хозяйственно нецелесообразна и прямо вредна. Ибо наемный рабочий, пролетарий, несколько не заинтересован того предприятия, в котором он работает, ни в интенсификации своего труда, ни в сохранении произведенных им продуктов. В городской промышленности, где производство совершается механически и над мертвыми продуктами, пролетаризация труда и выгодна, и необходима. Ибо только с отделения рабочего от его средств производства становится возможной концентрация и совершенствование средств производства, ибо производительность ремесленника всегда ниже крупного фабричного производства. Не таково положение в сельском хозяйстве, где рабочему приходится иметь дело с продуктами, производимыми не механически, а выращиванием, биологическим путем — при уходе за растениями и животными. Поэтому в с.х. для производительности предприятия требуется не просто затрата определенного количества труда, но и особенное, чисто любовное отношение, забота и внимание к живым произведениям, рост и размножение которых зависит от тщательной охраны их, от внимательного ухода за ними. При родах животных приходится проводить целые ночи напролет при уходе за ними.

Фабрику и завод нельзя поделить между рабочими, тогда как в с.х. главное средство производство — земля — может делиться до

крайней степени — до устройства огородов, оранжерей и просто цветных горшков, требующих специального ухода со стороны рабочего. А этого можно ожидать только от заинтересованного в продукте собственника в предприятии. Поэтому в сельском, крестьянском хозяйстве концентрация средств производства и само производство — при заинтересованности работника в продуктивности и интенсификации своего труда — могут быть достигнуты лучше всего только путем развития добровольных производительных коопераций, т.е. тех же колхозов.

Большевики заимствовали свою программу аграрную от нас, с.р. Они сделали это в чисто демагогических целях, чтобы отвлечь крестьян от с.р. и перетянуть на свою сторону. Прежде марксисты всегда относились враждебно к трудовому крестьянству как к мелкой и потому к самой малокультурной и реакционной буржуазии. Наоборот, народнический социализм даже во времена анархизма и бакунизма всегда стоял за интересы крестьянства, как и за интересы городского пролетариата. Народнический социализм заносил крестьян и городских рабочих в один трудовой класс, как активных работников, стоящих на двух полюсах одного и того же народного хозяйства, ибо без сельского хозяйства немыслимо развитие городской промышленности. Промышленные страны Европы могут существовать только потому, что существуют земледельческие страны, доставляющие им сырье и пищу.

Да, ПСР тоже стремилась к организации колхозов, т.е. производительной кооперации, но она предлагала достигнуть этого не сразу и не насильственно, а постепенно и добровольно, в силу сознания действительной выгоды.

Отсюда следует, что после большевиков колхозы уничтожать не следует, а следует перевести их на положение свободных ассоциаций при энергичной поддержке со стороны земств и государства.

Собрание закрывается в 8 1/2 часов вечера.

Заседание от 3 марта 1931 года

Присутствуют гг. Архангельский, Лозовой, Воронович, Кобяков, Милашевский, Лазарев, Якушев, Николаев, Нестеров, Калужный, Новожилов, Постников, Минахорян, Марков, Сталинский, Климушкин.

Председательствует т. Минахорян.

Прения по докладу т. Климушкина.

Т. К а л ю ж н ы й. Т. Климушкин смутил меня. Доклад по земельному вопросу, по его заявлению, построен им для сегодняшнего дня, для нас, живущих здесь за границей, а не для практических целей партии. Вместе с тем, само построение доклада и тезисов таково, как будто мы уже завтра приходим к власти. На мой взгляд, такая постановка неправильна. Мы должны исходить из сознания, что как партия — у власти или в оппозиции — мы существуем. И нам необходимо решать все вопросы одновременно в направлении пригодности их, как для осуществления их, так и для пропаганды их. Смакование впустую меня не интересует.

В докладе и тезисах т. Климушкина неясен основной вопрос, что он признает: национализацию или социализацию. Как будто национализацию, но получается впечатление, что он национализацию отождествляет с социализацией. Конечно, такое смешение понятий

неправильно. Национализация не есть социализация. Понятия эти надо точно установить и разграничить. Национализация земли означает, что собственником ее является государство. Социализация предполагает собственником общество, а государство лишь душеприказчиком. Когда мы говорили о государственном строе, то мы страшно боимся, как бы даже демократическое государство не получило излишней власти. Но когда дело идет о земле, мы как-то безразлично относимся, чьей собственностью будет земля.

Я не боюсь власти органов государственного управления в демократическом государстве, выполняющем волю народа. Но я против того, чтобы даже такому государству передана была такая власть над вещью, т.е. собственность на вещь. Власть над людьми через власть (собственность) над вещью наиболее опасна и наименее доступна для контроля. Передача государством в пользование принадлежащей ему земли не является еще гарантией, т.к. в последнем споре решающим является собственник вещи. Я признаю национализацию земли лишь в ограниченном размере, как это признавалось нами ранее. Мы всегда исходили из положения — земля народу. В настоящее время земля фактически и юридически не есть собственность народа. Народ лишен земли, и мы в первую очередь должны разрешить вопрос социализации земли. Второй вопрос — это вопрос о праве на свободный труд и праве на продукты труда. Его правильно формулирует §2 тезисов: «свободный и равный труд в с.х. всех, кто желает трудиться на земле и полное право на продукты своего труда». Но этой формулировке противоречит конец §3, где говорится, что «будущему правительству с неизбежностью придется принять наследие большевиков и долгое время, относительно, охранять тот порядок, который установился в русской деревне». Отсюда следует, что мы должны так или иначе поддержать то, что сделано большевиками, вопреки всякой свободе труда, о которой говорится в §2. Противоречие очевидное и автором не устраненное. В одном тезисе предлагает одно, в другом предложенное уничтожает. Я могу стоять за хозяйственное раскрепощение крестьянина, а не за продолжение его. Здесь не может быть двусмысленностей.

Третье мое замечание относится, говоря словами докладчика, к «наилучшей форме землевладения», к майоратной системе. Это — скрытая форма собственности на землю. После большевиков тяга к собственности, конечно, будет сильна. Но мы не должны эту тягу, как временную психологическую реакцию, культивировать. Родовое владение без передела сводится фактически к признанию частной собственности на землю. Докладчик предлагает эту меру как меру раскрепощения от общины, которая, по его мнению, связывает развитие с.х. Докладчик прав, когда он говорит, что община имеет и отрицательные стороны. Но в мире нет ни одного института абсолютно идеального. Община была и остается для нас привлекательна потому, что сумма ее положительных качеств превышает сумму отрицательных. И в положительных есть то, что делает ее способной к переходу к высшим коллективным формам хозяйства. У нас нет никаких оснований к разложению общины. В прошлом община играла огромную прогрессирующую роль. Мы должны поддержать ее и теперь, а не разрушать ее — она еще сыграет положительную роль в деле социа-

лизма и в дальнейшем. Докладчик не прав, когда утверждает, что община еще до большевизма являлась для крестьянства стеснительной формой. Это неверно уже потому, что крестьянство в февральскую революцию приняло социализацию земли. Но допустим, что докладчик прав, не по времени, а по существу. Допустим, что большевики до корня вытравили дух общины и разожгли непреодолимое стремление к собственности. Тогда ведь не только наши представления о земельной политике, но и весь проект этой политики самого докладчика излишен. Ибо в конечном итоге, призывая нас к раскрепощению крестьянства от общины в силу ее отрицательных сторон в развитии крестьянского хозяйства, докладчик, сам не замечая того, весь свой проект, в сущности, построил на положительных качествах общины. Но нам пока никто, в том числе и докладчик, не доказал, что община умерла. Наоборот, есть все основания думать, что в колоссальном сопротивлении, оказываемом крестьянством большевикам, прежде всего и раньше всего действует дух и традиция общины.

Т. С т а л и н с к и й. Докладчик счел нужным сделать внеочередное заявление, что является сторонником социализации земли. Это похвально, ибо доклад в этом отношении неудовлетворителен. Вообще он старался как можно ближе держаться народничества, но на деле вышло наоборот. Я думал, что докладчик обрушится на коллективизацию, но нет, его не смущает факт отнятия земли у крестьян с передачей в собственность партийному государству, вернее коммунистической партии. Мы, конечно, были и остаемся сторонниками коллективизации, но наше понимание не имеет ничего общего с тем, что проводится большевиками в России. Но зато докладчик обрушился на общину. Он затронул много вопросов, но острее всего было направлено против общины. Будто бы ПСР придавала общине значение по политическим соображениям. Я оспариваю такое утверждение. Община была базисом для разрешения экономических вопросов. Еще декабристы в своей программе выдвигали ее на первое место именно в этом смысле. ПСР продолжала отстаивать эту старую программу. Почему народничество придавало общине такое значение — известно; она была тем базисом, на котором должен был быть построен новый строй. Минувя капиталистический строй, через общину достигнуть социализма. Вот сущность взгляда народничества на значение общины. Т. Климушкин перечислил ряд отрицательных и положительных сторон общины, но самое главное упомянул в конце: это — начало уравнения. Именно поэтому она была положена во главу угла программы социализации земли. Докладчик нам разъяснил, когда земля является достоянием народным и когда составляет собственность государства.

Эту разницу он объяснил правильно. Но ведь община — тот трудовой орган, через посредство которого народ получает возможность урегулирования земельных отношений; на что же может опереться это право народа, если уничтожить общину. Далее он говорил о новых факторах земледелия, о тракторах; правильно указал, что для механизации сельского хозяйства необходимо объединить карликовые хозяйства. Но ведь опять-таки это объединение легче осуществить при общине и общинной форме землепользования, чем через предложенную докладчиком мораториальную систему. Вся критика общи-

ны, произведенная докладчиком, стара. Это есть резюме былых возражений марксистов, либералов, консерваторов, т.е. всех сторонников частной собственности на землю. Докладчик из своей критики должен был сделать логический вывод — признание частной собственности на землю. Но он как с.р. не мог высказаться за это и придумал майорат. Однако совершенно ясно, что с отрицанием переделов родовое владение ведет к частной собственности, и с отрицанием принципа уравнительного землепользования отрицается также программа социализации земли. Докладчик приводил нам ряд соображений против общины; община держится по инерции, говорил он, и чем это доказал? Ссылками на свои впечатления и наблюдения. Но я могу привести противоположные данные и говорить о других личных впечатлениях, чем у докладчика. Не следует забывать, что Столыпину⁷ при таком сильном нажиме, который он произвел в свое время, все же не удалось разрушить общину. В дни революции крестьяне возвращались в общину и, наконец, без общины, передел земли превратился бы в хаос и полную анархию. Почему крестьянство так единодушно стояло за социализацию земли? Потому что она была основана на существующих в народе общинных началах. Я просмотрел тысячи приговоров, и везде говорилось о социализации земли, предусматривалась всякая мелочь, относящаяся к делу и т.д. Как вам известно, Ленин стоял за социализацию земли не потому, что этого хотел, а потому что «этого требовали широкие народные массы», как говорил он. Они долго не могли выступить против настроения широких масс и только теперь делают это через посредство коллективизации. Должны ли мы отказаться от социализации земли? Конечно, нет. Мы же против всех отстаивали эту программу, и она победила. В дни революции наша программа оказалась единственной...

Т. Н и к о л а е в (с места). А где она теперь?

Т. С т а л и н с к и й. Где она? Там, где Учредительное собрание, демократия и т.д., за что боретесь вы. Социализация земли была искажена большевиками. Вообще она была не совместима с диктатурой, а теперь ее подтачивают коллективизацией. Мы, конечно, должны учесть происшедшие изменения, но отказаться от социализации мы не можем. Большевики проводят коллективизацию. Буржуазия требует восстановления частной собственности, что же предлагаем мы?

Т. Л о з о в о й. Как видно из доклада, докладчик не ограничился только вопросами земельной политики, а поставил перед нами всю проблему земельного вопроса в целом, что обязывает нас вновь пересмотреть наши взгляды на идейно-теоретические построения земельного вопроса (социализация земли) и, в частности, наши взгляды по отношению к общине.

Главное свое внимание я уделю общине, являющейся своего рода «основоположницей» нашей аграрной конструкции, и подойду к этому вопросу со стороны земельно-хозяйственной организации последней. Аргументация общины у докладчика была не совсем удачна и местами напоминала, как это ни странно, аргументацию противников общины, когда докладчик отмечал деконструктивные стороны общины.

При подходе к общине нельзя забывать следующего: февральская революция 1917 г., а до нее и весь ход истории, предрешила тор-

жество трудового земельного и с.х. строя. На территории всей России — торжество общинно-уравнительного порядка, что целиком вытекало и диктовалось исторически сложившейся практикой общинного быта русской деревни и трудовым правосознанием русского крестьянина. Общинному правопорядку подчинилось все крестьянское землепользование, господствующей формой крестьянского землепользования («царица полей») по-прежнему стала передельная община, охватившая, скажем, к началу 1927 г. по признанию наркомзема А.П. Смирнова ⁸ 99% крестьянского землепользования (На агр. фр., № 11—12, 1926 г.) ⁹. Как правило, вновь выделяемые поселки и выселки, предусмотренные земельным кодексом, сохраняли у себя общинный правопорядок. Участковая форма землепользования, имевшая поначалу некоторый рост, особенно в Белоруссии, постепенно начинает падать: с 6% в 1924 г. до 5% в 1925 г. и до 2% — в 1926 г., а в отношении всей землеустроенной площади составляла в 1926 г. 4,6% (С.Х. Жизнь, № 3—12, 1926 г.).

Проблема реконструкции сельского хозяйства, выдвинутая большевиками в 1927 г. упиралась, как известно, в проблему об общине, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Большевикам казалось, что пришло время, когда они могут безболезненно для своего земельного законодательства сбросить «с.-р.-скую сельмягу», по выражению Антонова-Саратовского ¹⁰, покончить с «с.р.-овщиной» в деревне — с общинным правопорядком. И большевики выступили против общины не потому, что она «палка в колеса капитализма» (эта «нелепость» теперь большевиками оставлена и забыта), а потому, что им не нравится «регулирующее начало» общины, т.е. неотъемлемое право мирян большинством голосов решать судьбы общины в целом. Для большевиков, по словам Суханова, «невыносим Дамоклов меч схода», не дает покоя «принудительный механизм» общины.

Под флагом борьбы с общиной протекали и все прения вокруг законопроекта «общих начал землепользования и землеустройства». И это несмотря на то, что так наз. «восстановительный процесс» в с.х. был преодолен благодаря общине и исключительно усилиями последней. По словам проф. Рудина, нельзя просто «отмахнуться» от общины. Земельно-хозяйственное строительство на много лет будет заключаться в переводе трехпольно, узко- и многополосного землепользования в общину усовершенствованную, многопольную и широкополосную.

Таким был восстановительный процесс в с.х., таким должен быть и реконструктивный путь с.х. И еще одно обстоятельство, которое никак нельзя опускать из вида: пока страна не разовьет промышленность, пока городская индустрия не потребует притока рабочих рук из деревни, община на долгие годы будет основным фактором борьбы с проблемой аграрного перенаселения в деревне. Община в прошлом, во многом, община современная, с ее частыми переделами, принудительным севооборотом, с мелко- и многополосицей, с дальнотемелием, с темя «клинами» (трехпольем), выгонным скотоводством и т.п., не являлась и отнюдь не является вечной и постоянной формой землепользования, а — переходящей, так или иначе видоизменяющей свой внутренний, производственно-хозяйственный мир при переходе общины, скажем, к более совершенным формам поле-

водства; развивается и усовершенствуется с общим ростом с.х. прогресса и с.х. культуры. И никогда, насколько это мне известно, в народнической среде не было сторонников сохранения во что бы то ни стало старых форм общинного землепользования. Посмотрим теперь на возможные формы реорганизации общины со стороны земельно-хозяйственной, и в этом случае надо признать, что в случае реорганизации общины последняя допускает весьма разнообразные формы и приемы. Короче говоря, при общинном порядке допустимы любые формы землепользования, в том числе и участковые (отруба, хутора), и смешанные, и др., что тоже технически вполне выполнимо, а в правовом отношении целиком зависит от воли самой общины, устанавливающей порядок этих форм. Необходимо отметить, что просто «участковые формы» землепользования вызывают в крестьянстве чисто психологическую иллюзию о собственности. Та же форма при общинном порядке такой иллюзии иметь не будет. Во всяком случае будет изжита скорее.

При наличии института труда (возмещения за вложенные в землю дополнительные ценности) само собой будет изжито «мужицкое нерадение», при урегулировании вопросов, связанных с выгонным скотоводством, отпадет принудительный характер севооборотов и т.п., что создает условия нормального развития производительных сил в с.х. В наших конструктивных построениях мы должны исходить из исторически сложившихся особенностей русской деревни. Нельзя забывать, что общинному порядку подчинено все крестьянское землепользование. Путь к рациональным формам с.х. поэтому лежит в строительном-агрономическом улучшении общины, «сростании» трудовых хозяйств, в объединении их в виде постепенного, но органического процесса кооперирования с.х. Такой путь требует определенной системы аграрного строя, превращающей всю с.х. площадь страны в строго организационную систему уравнилельно-трудового землепользования (при этом нужен гос. план, как в области переселения и расселения, так и в области агрокультурных мероприятий и т.п., что способствует не только поднятию производительных с.х. сил страны, но и переходу народного хозяйства в целом через кооперирование к коллективизму).

Наша аграрная конструкция (социализация земли) как раз этот путь и предусматривает и, по словам «Современника дней», из всех аграрных построений «была единственной программой, решавшей вопрос не эмпирически, а принципиально на основе права». И больше того: «на форме идеалистического энтузиазма первого периода революции сильная власть могла бы не без шансов на успех провести эту программу».

Отвечает ли такая аграрная конструкция современной пореволюционной действительности? Последнее мероприятие большевиков в области с.х. (сплошная коллективизация) безусловно осложнило аграрную проблему в России. С наследием большевиков придется считаться. Но не надо забывать, что в России установился трудовой с.х. и земельный строй, и что политика большевиков, направленная к упразднению исторически сложившегося земельного хозяйственного правопорядка в русской деревне, несколько трудового характера дореволюционного с.х. строя не нарушает и представляет собою все же

явление преходящего порядка. Трудовое начало, трудовое землепользование, наиболее отвечающее интересам русской деревни, а, следовательно, и интересам страны, должны быть руководящими и направляющими нашу политику в деревне. Политика ПСР должна быть направлена в сторону всестороннего раскрепощения труда в с.х. и проведения мероприятий по усовершенствованию общины, способствующих скорейшему переходу последней к более совершенным формам землепользования и землеустройства, способствующих в свою очередь созданию условий, благоприятствующих развитию с.х.коопераций и т.п. Формы землепользования будут складываться годами, параллельно с ростом и культурным самого с.х. населения. Предрешать эти формы, да еще в таком виде, как это предлагает докладчик, в меньшей мере нецелесообразно, хотя бы уже по одному тому, что «майорат» чужд исторически сложившемуся общинно-уравнительному порядку, не отвечает и трудовому правосознанию русского крестьянина, а, кроме того, устойчивость форм землепользования можно создать и при общинном землепользовании, чему нисколько не противоречит аграрная конструкция ПСР как единая общегосударственная система уравнительного трудового землепользования.

В заключении я должен отметить, что докладчик, на мой взгляд, допустил ошибку, подробно не остановившись на земельном законодательстве советов. Из последнего всего не выбросишь; со многим крестьянство сжилось, а многое не чуждо и нам самим.

Т. М и л а ш е в с к и й. Я родился и жил в деревне. Имею там друзей и родственников, в этой обстановке жизни и работы у меня сложились впечатления, о которых хочу сказать несколько слов. Как вам известно, в нашей группе я принадлежу к «крайне правому крылу»; невзирая на это, я должен откровенно признаться, что колхозы вполне соответствуют моим вкусам. Конечно, то, что я сейчас говорю — это область чувств, а не мысли. Живя до 26 лет среди агрономов, имея тесное соприкосновение с жизнью крестьян, я ничего другого не хотел бы, чтобы вся Россия покрылась колхозами. Как последовательный демократ, я не могу стоять за частную собственность в том смысле, как она существовала при самодержавии. Известно, что в демократических государствах этот принцип ослаблен, но даже в такой форме частная собственность мне не является симпатичной, ибо — основание неравенства среди людей — в частности земля, не может быть ничьей собственностью (земля ничья, земля божья). Поэтому все законы, регулирующие земельные отношения, должны быть построены на этом воззрении народа о земле. Государство является как бы душеприказчиком народа, но отнюдь не собственником земли. О общине я боюсь высказаться. Мой опыт в этой области — опыт «барина». И конечно за общину, но следует выслушать мнение простонародья и учесть их отношение к делу.

Земельный кодекс большевиков не должен быть рассматриваем нами как работа врага. Там много полезных вещей, которые следует использовать.

Т. Я к у ш е в. После речи т. Сталинского очень мало приходится говорить. Община имела не только хозяйственную, но и большую культурную ценность. Народники из этой полной ценности общины пришли к программе социализации земли, которая, конечно, ничего

общего с национализацией не имеет. Это определенное понятие — право всех на землю.

Ни вопрос о приросте населения, ни об уравнительном землепользовании большевиками не разрешен. Неверно утверждение докладчика, что аграрная проблема в значительной мере разрешена современной властью в России. Верно, что большевики из рук нетрудовых элементов землю изъяли, но крестьяне земли не получили, а ее владельцами сделались большевики.

Коллективизация — это тот капиталистический котел, куда бросили все крестьянское хозяйство большевики. Судьба крестьянского хозяйства тесно связана с пятилеткой, и чем она кончится — неизвестно.

Я несколько скептичен по поводу скорого конца большевицкой власти. Поэтому о их наследстве говорить не буду. Большевики, поскольку они остаются марксистами, должны будут развивать в крестьянском хозяйстве частнопроводные отношения к земле. Вот почему нам приходится беспокоиться за судьбу социализации земли. Мнение докладчика относительно значения трактора в русской деревне я считаю преувеличенным. В Америке это значение, конечно, велико, и с.х. кризис в значительной мере вызван им. Но в советских условиях, при отсутствии обученного персонала, индивидуальная обработка земли дала бы немалый эффект. В настоящее время снова наблюдается ставка на соху. Я согласен с докладчиком в том, что нам программу сейчас построить невозможно, ибо в каком состоянии найдем Россию — не знаем. Задача наша должна заключаться в том, чтобы вызвать наибольший эффект от хозяйства, причем конкретными нашими положениями должны быть социализация земли, как основа, обеспечивающая право каждого на землю и признание общины как регулятора земельных отношений.

Собрание закрыто в 8 1/2 часов вечера.

Примечания

1. Маслов Семен Леонтьевич (1874—1938) — из мещан, учился на медицинском факультете Московского университета, исключен. Окончил юридический факультет Казанского университета (1903). Помощник присяжного поверенного. С 1899 г. — поднадзорный, с 1902 г. — эсер. В 1906 г. арестован, выслан в Елец, но скрылся. С 1913 г. работал в кооперации. Автор трудов по истории земства, крестьянского хозяйства. Массон. В 1917 г. — делегат I Всероссийского съезда КД, член Исполкома Всероссийского Совета КД. Делегат III и IV съездов ПСР. Министр земледелия Временного правительства (октябрь). Обязательный кандидат ПСР в УС, баллотировался также в Киевском, Московском губернском и Балтийского флота округах. Участник заседания УС 5 января. Затем отошел от политической деятельности. Подвергался регулярным арестам в 1918—1921 годах. С 1926 г. — профессор Института народного хозяйства. В 1930 г. арестован и выслан на 3 года в Казахстан, с 1931 г. — в Уфе. В 1934 г. вернулся в Москву. Арестован в феврале 1938 г. и приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1988 году. См.: ВИНОГРАДОВ А.Е. Семен Леонтьевич Маслов — организатор и теоретик кооперативного движения в России: автореф. дис. канд. ист. наук. Иваново. 2001; ПРОТАСОВ Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М. 2008, с. 340; БОЛЬШАКОВА О.В., ГАЛИЕВА Т.М. Семен Леонтьевич Маслов — ученый и политик. — Вестник архивиста. 2010, № 1, с. 153—177.

2. П.Д. Климущкин говорит о Земельном Кодексе РСФСР, принятом Постановлением ВЦИК 30 октября 1922 г. и состоявшем из 226 статей. Раздел «Основные положения» Кодекса действительно состоял из 8 статей:

«1. Постановлениями Всероссийских Съездов Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, основанными на ясно выраженной революционной воле рабочих и крестьян, право частной собственности на землю, недра, воды и леса в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики отменено навсегда.

2. Все земли в пределах Р.С.Ф.С.Р., в чьем бы ведении они ни состояли, составляют собственность Рабоче-Крестьянского Государства.

3. Все земли сельскохозяйственного назначения, а также могущие быть использованными для сельскохозяйственного производства, составляют единый государственный земельный фонд, который находится в заведывании Народного Комиссариата Земледелия и его местных органов.

4. Право непосредственного пользования землями сельскохозяйственного назначения из состава единого государственного земельного фонда на установленных законом основаниях предоставляется: а) трудовым земледельцам и их объединениям; б) городским поселениям; в) государственным учреждениям и предприятиям. Земли, не находящиеся в непосредственном пользовании названных выше землепользователей, состоят в непосредственном распоряжении Народного Комиссариата Земледелия и предоставляются государством по особым постановлениям и на особых условиях: учреждениям, обществам, организациям и отдельным лицам.

5. Все земли, остающиеся в едином государственном земельном фонде после предоставления из него земель в непосредственное пользование трудовых земледельцев и их объединений, городов и поселений городского типа, составляют земли непосредственного государственного владения и являются государственными земельными имуществами.

6. Порядок и условия использования свободных земель (запасных и неиспользованных), находящихся в распоряжении земельных органов или земельных обществ, а также очередность при наделении из них землей различных землепользователей устанавливаются особыми правилами, издаваемыми Народным Комиссариатом Земледелия с учетом местных особенностей отдельных районов.

7. Все землепользователи, ведущие сельское хозяйство на землях, как находящихся в пользовании земельных обществ, так и предоставленных государством другим землепользователям, подчиняются общему контролю земельных органов и несут в отношении правильного использования предоставленных им земель обязанности, определяемые настоящим Кодексом и другими узаконениями.

8. Земельные права и обязанности землепользователей и их объединений определяются общими законами Р.С.Ф.С.Р., настоящим Кодексом, узаконениями и распоряжениями, издаваемыми в его развитие, а для земельных обществ — также их уставами (приговорами) и местными обычаями, когда их применение не противоречит закону».

3. П.Д. Климущкин цитирует статью В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина», впервые опубликованную в газете «Правда» 21 ноября 1918 г. (№ 252).

4. Речь идет о статье И.В. Сталина «Ленин и вопрос о союзе с середняком. Ответ тов. С.», впервые опубликованной в газете «Правда» 3 июля 1928 г. (№ 152).

5. Куйбышев Валериан Владимирович (1888—1935) — сов. гос. и парт. деятель. В 1926—1930 гг. — председатель ВСНХ, с 1927 г. — член Политбюро, с 1930 г. — пред. Государственной плановой комиссии при СТО.

6. Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — российский политический деятель, философ, экономист, историк, публицист. С 1920 г. — в эмиграции, редактор журна-

- ла «Русская мысль» (Прага), газеты «Возрождение» (Париж) и др., преподавал в Пражском и Белградском университетах.
7. Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) — российский государственный деятель. В 1903—1906 гг. — саратовский губернатор, руководил подавлением крестьянских волнений в губернии в ходе революции 1905—1907 годов. С 1906 г. — министр внутренних дел и председатель Совета министров Российской империи.
 8. Смирнов Александр Петрович (1877—1938) — с 1923 г. нарком земледелия РСФСР, секретарь Крестинтерна, заместитель председателя СНК РСФСР и секретарь ЦК ВКП(б). Репрессирован; реабилитирован посмертно.
 9. Имеется в виду выступление А.П. Смирнова на совещании крестьян — членов ВЦИК при Наркомземе РСФСР 20 ноября 1926 г., где обсуждался законопроект Основных начал землепользования. См.: На аграрном фронте. 1926, № 11—12 (ноябрь—декабрь), с. 131, 134.
 10. Антонов-Саратовский Владимир Павлович (1884—1965) — в Окт. революции пред. ревкома, один из организаторов вооруж. восстания в Саратове. В 1919 г. — член коллегии НКВД РСФСР, затем — пред. Курского губисполкома. В 1920 г. — пред. Донецкого губ. ревкома, наркомвнудел УССР, чл. Реввоенсовета 4-й армии. С 1921 по 1923 гг. — ректор Коммунистич. ун-та им. Я.М. Свердлова. В 1923—1938 гг. — пред. комиссии законодат. предложений при СНК СССР и чл. Верховного Суда. С 1939 по 1952 г. работал в Наркомате юстиции РСФСР. С 1941 г. — персональный пенсионер.

Палата лордов в конституционно-правовой системе Великобритании XIX — начала XX в.

Е.О. Науменкова

Осуществление первой парламентской реформы 1832 г. открыло новую эпоху в истории британского парламентаризма. В принципиально новом положении оказалась и палата лордов — отчасти из-за самих условий акта о реформе, отчасти в силу сопутствовавших его принятию обстоятельств. Консервативное большинство палаты лордов противодействовало реформе. Чтобы сломить его сопротивление, реформистское правительство лорда Грея пригрозило назначением большого числа новых либерально настроенных пэров. Тем самым наносился сильнейший удар по господствовавшей тогда конституционной теории смешанного управления, гласившей, что верхняя палата является интегрированной в государственный механизм структурой с независимыми законодательными полномочиями.

Можно не сомневаться — никакие новые пэры не были бы назначены, но незначительное количество старых пэров в критический момент воздержалось от голосования, и билль стал законом. Выводы напрашивались сами собой: правительство, палата лордов и корона потерпели адекватное поражение. После этого и вплоть до начала 1880-х гг. положение палаты лордов было гораздо слабее, чем палаты общин¹.

Господствовавшее в этот период представление относительно функций палаты лордов получило наиболее концентрированное выражение в классической работе авторитетного политолога и публициста У. Бейджхота «Английская конституция», первое издание которой было опубликовано в 1867 году.

Бейджхот выделял почетно-престижную и эффективно-практическую часть конституционного порядка. Палата лордов принадлежала к первой категории. Она вызывала в народе уважительное отношение и тем самым способствовала сохранению его лояльности к власти и короне. Но в законодательном отношении верхняя палата была

Науменкова Екатерина Олеговна — кандидат исторических наук, доцент Военной академии им. А.В. Хрулёва. Санкт-Петербург.

подчинена палате общин даже до 1832 г., когда эта зависимость существенно возросла ².

В дореформенное время верхняя палата, «если и не была руководящей, то, по крайней мере, была палатой руководителей», — образно писал Бейнджхот. Она стала «ревизирующей и откладывающей принятие решений инстанцией». Бейнджхот формулирует ограниченные законодательные возможности палаты лордов следующим образом: «Она может изменить билли и отклонять те из них, по которым палата общин четко и недвусмысленно не определилась — по которым нация еще не вынесла определенного однозначного решения. Ее право вето имеет гипотетический характер. Лорды говорят: “Мы отвергнем ваш билль один раз и во второй, и даже в третий, но если Вы продолжите его направлять, то, в конечном счете, мы его не отклоним”» ³.

Бейджхот считал, что палата лордов должна следовать в фарватере нижней палаты как истинного выразителя народных чаяний. Долгое время этой точки зрения в равной мере придерживались и либералы, и консерваторы. Последние отошли от этой позиции окончательно в начале 1880-х годов. Либеральная же партия придерживалась ее и много позднее. Этими соображениями руководствовалось либеральное правительство в 1911 г. при принятии парламентского акта, нанесшего почти смертельный удар законодательным претензиям палаты лордов. В этом плане весьма показательны выступления премьер-министра Асквита 2 декабря 1909 г., после того, как верхняя палата отвергла билль правительства по бюджету, а также 21 февраля 1911 г., при внесении билля о реформе парламента ⁴.

Однако Консервативная партия постепенно пришла к иной трактовке функций палаты лордов. Поскольку в ее рядах консервативные пары традиционно составляли внушительное большинство, партия была кровно заинтересована в поднятии ее престижа и максимальной активизации ее законодательной деятельности. Решающую роль в выработке такого подхода сыграл виднейший деятель британского консерватизма конца XIX в., бывший трижды премьер-министром маркиз Солсбери.

Всякий раз, когда его партия находилась в оппозиции, Солсбери пускал в ход набор приемов и методов использования верхней палаты против правительства, получивших название теории референдума или теории народного волеизъявления. Как ни странно, это важнейшее достижение консервативной общественно-политической мысли XIX в. довольно редко упоминается в работах специалистов ⁵. Более того, данную проблему обходят молчанием в ряде работ, посвященных жизни и политической деятельности самого Солсбери ⁶.

Основное содержание данной доктрины можно свести примерно к следующему. Важнейшей функцией палаты лордов является обязанность передавать на суд электората или нации в целом получаемые ею из нижней палаты законопроекты по важнейшим вопросам в тех случаях, когда имелись основания считать, что опиравшееся на большинство палаты общин правительство не имеет четко выраженного мандата народа на осуществление своих идей. Только после получения такого мандата в ходе парламентских выборов палата лордов могла (и даже была обязана) смириться с претворением спорного законодательства в жизнь.

Наиболее примечательной чертой этой теории народного волеизъявления было признание политическим барометром, на который следовало ориентироваться членам верхней палаты, не палату общин (как это было в построениях Бейджхота), а саму нацию. Только желаниями и стремлениями народа должна руководствоваться палата лордов, и только перед недвусмысленно выраженной на выборах волей нации должна склоняться верхняя палата.

На пропаганду данного тезиса консервативные публицисты делали особый акцент. Так, У. Энсом писал: «Это является постоянным и обязательным условием, на основании которого палата лордов действует в отличие от линии поведения в 1832 г.». В политической литературе начала XX в. подобная точка зрения была общепринятой ⁷.

Солсбери был одним из самых образованных деятелей британского консерватизма за всю его долгую историю. Историк Р. Блейк даже называл его «самым интеллектуальным» из них. Он всегда выделялся напористо наступательным духом. По мнению другого историка, его агрессивные инстинкты временами переходили пределы разумного ⁸.

Консерватор испытывал огромное недоверие к реформистской политике либералов. Особенно настороженно маркиз воспринимал Гладстона. Когда же в ходе дебатов в палате лордов ему приходилось упоминать о нижней палате, он неизменно делал это с нарочитыми нотками презрения, что приводило консервативных пэров в состояние эйфории. Современники заметили также, что сразу после перемещения в палату лордов (после смерти отца в 1868 г.) Солсбери стал чувствовать себя там «как дома, чего никогда не было в палате общин», где он провел пятнадцать лет ⁹.

Разработка теории народного волеизъявления началась уже в 1868—1869 гг., когда страну потряс острый конституционный кризис из-за проблемы отделения протестантской церкви от государства в католической Ирландии. Решающие события развернулись летом 1869 г. — палате лордов предстояло голосование по второму чтению соответствующего билля. Партийное руководство (не без колебаний) было за его отклонение. Однако Солсбери пошел по другому пути.

Маркиз предложил принять билль с тем, чтобы потом несколько видоизменить его при помощи поправок. Он пустился в пространные рассуждения относительно конституции, которые произвели большое впечатление на пэров и в значительной степени способствовали одобрению билля в верхней палате. Он отметил не просто высокое, но равное с палатой общин положение палаты лордов. Однако обе палаты должны склоняться перед волей нации. Солсбери дал свой ответ и на постулат о том, что палата общин как выразительница чаяний нации имеет приоритет в законодательном вопросе.

Для Солсбери это было абсолютно неприемлемо. В 99 случаях из 100 нация проявляет к политике откровенное равнодушие и отчужденность. «Во всех этих случаях я не делаю никаких различий — абсолютно никаких — между прерогативами палаты общин и палаты лордов», — подчеркнул оратор. Однако существовало незначительное количество случаев, когда «необходимо запросить мнение нации, и она должна определить политику правительства», то есть имелось в виду использование принципа прямой демократии.

К данной процедуре необходимо прибегать в тех случаях, когда имеются основания считать, что палата общин превратно толкует мнение населения. Тогда верхняя палата должна обеспечить народу возможность четко и недвусмысленно выразить свое мнение в ходе парламентских выборов ¹⁰.

Если пэры приходят к мнению, что палата общин адекватно отражает умонастроения избирателей, то в этом случае палата лордов должна подчиниться такому решению. Но это подчинение не палате общин, а самой нации, выступающей в роли высшего арбитра. На выборах 1868 г. электорат высказался против сохранения господства протестантской церкви в Ирландии. Поэтому Солсбери был за то, чтобы палата лордов выполнила это решение народа ¹¹.

Решающее голосование произошло в три часа ночи 19 июня 1869 года. Ветераны палаты лордов не могли припомнить такого высокого кворума. Несмотря на столь поздний час, галереи для публики были заполнены до отказа. Билль прошел большинством в 33 голоса (179 против 146). Его поддержали тридцать консервативных пэров во главе с Солсбери — между тем лидеры Консервативной партии проголосовали в рядах меньшинства ¹².

Для Солсбери это было важное событие в его жизни. С юных лет он был широко известен своей архиконсервативностью. Его называли и «феодалным бароном», и «главным ископаемым», и даже «реликтом елизаветинских времен». Отличала маркиза и глубокая религиозность, приверженность принципам государственного англиканизма. Но в данной ситуации Солсбери проявил большое самообладание ради того, чтобы избежать конфликта с только что избранной палатой общин. Этот конфликт мог бы спровоцировать серьезные политические потрясения и поставить под угрозу возможность использовать в будущем палату лордов против планов дальнейших реформ.

Речь маркиза от 17 июня 1869 г. содержала важнейшие элементы теории народного волеизъявления, полностью оформленной в конце XIX века. Реакция Солсбери на результаты парламентских выборов 1869 г. создавала прецедент для практического использования этой теории в будущем.

На деле, хотя некоторые время это и не осознавалось современниками, основные тезисы речи Солсбери от 17 июня обеспечили палате лордов внушительную пропагандистскую победу. Фактически именно верхняя палата проиграла выборы 1868 г. и вследствие этого вынуждена была проглотить горькую пилюлю в виде билля об отделении ирландской церкви. Но никогда ранее побежденная палата, стоявшая на пороге политической катастрофы, не получала более эффективного идеологического оружие, нежели концепция Солсбери ¹³.

Действия палаты лордов в 1869 г. положили начало новому периоду ее многовековой истории. В сентябре 1893 г. предстояло провести голосование по второму биллю о гомруле (самоуправлении) для Ирландии. Авторитетная «Таймс» призывала пэров отклонить законопроект на том основании, что население страны свой вердикт по этому вопросу еще не вынесло: «Конечно, был совсем иным 1832 г., когда они проигнорировали ясно выраженное на выборах... мнение избирателей в пользу билля о реформе и поставили страну на грань революции. Но эта серьезная ошибка была исправлена поколением

позже... Когда обращение к избирательным округам продемонстрировало мнение нации по этому вопросу, лорды смирились с отделением церкви от государства в Ирландии»¹⁴.

В дальнейшем палата лордов многократно имитировала тактику 1869 года. При этом нужно подчеркнуть: поскольку пэры декларировали подчиненность воле нации, они получили возможность гораздо меньше считаться с палатой общин.

После принятия закона об отделении церкви от государства в Ирландии ситуация в стране серьезно изменилась. Одно время даже казалось, что палате лордов больше не придется брать на вооружение теорию народного волеизъявления. Данные палатой торжественные обещания подчиниться воле народа привели к такому положению вещей, к которому большинство из них не испытывали не малейших симпатий. В повторных апелляциях к народу они усматривали грозную опасность подрыва традиционного социально-политического порядка.

Но Солсбери, отбросив одолевавшие его некоторое время сомнения, приступил к разработке целостной теории, которой могла бы руководствоваться палата лордов при принятии или отклонении законопроектов. Такая теория должна была обеспечить палате возможность осуществлять свои законодательные полномочия с минимальным политическим риском и при сохранении полной свободы действий.

Разработки и действия Солсбери в этом направлении сыграли решающую роль в последующей истории палаты лордов викторианского времени. Отдельные эпизоды, когда ставились вопросы о компетентности и правомочности парламента по решению данной проблемы и говорилось о необходимости переадресовывать ее решение электорату, имели место и ранее.

Например, во время дебатов 1829 г. относительно уравнивания в правах католического населения страны высказывались в этом духе такие парламентарии, как Гаскони, О'Нейл, Блэндфорд, Сэдлер, Пиль, граф Гилфорд¹⁵. В 1846 г. во время борьбы по вопросу отмены протекционистских хлебных законов сходные мнения высказывали Стэнли, Бэнкс и другие парламентарии¹⁶.

Но тогда ни один политический деятель калибра Солсбери не сделал попытки использовать теорию народного волеизъявления для усиления позиций верхней палаты. Несомненно, большую роль сыграли его личные качества. Он был слишком гордым, слишком активным, слишком боевитым, чтобы пассивно наблюдать за неспособностью палаты лордов эффективно противостоять напористому реформизму либерального правительства Гладстона.

В июне 1870 г. Солсбери писал своему близкому другу и политическому союзнику графу Карнанову: «Я посылаю Вам передовую статью Магира (в газете «Корн Экзаминер». — *Е.Н.*). Она очень хорошо иллюстрирует..., что с точки зрения власти и общественного веса, палата лордов идет к быстрому упадку. Я привожу только один пример наблюдений, с которыми сталкиваюсь повсеместно. Я убежден, что если мы сколько-нибудь существенно отступим от занимаемых нами очень умеренных позиций, наше положение станет чисто декоративным¹⁷.

Годом позже слабость палаты лордов была публично продемонстрирована во время ее конфликта с правительством из-за отмены покупки патентов на офицерские звания. Манера, в которой самоуверенно-напористый Гладстон решал проблему, была более унижительной для верхней палаты, нежели все происходившее ранее. Вероятно, именно этот эпизод подтолкнул глубоко оскорбленного Солсбери начать использовать теорию народного волеизъявления на постоянной основе против реформистского законодательства либералов.

Гладстон нанес решающий удар после того, как 17 июля 1871 г. пэры большинством в 25 голосов постановили отложить рассмотрение билля правительства до разработки более масштабной армейской реформы. Эта акция, по сути, была равнозначна отклонению билля и, как показывают результаты голосования, пэры встали на этот путь не без серьезных сомнений и колебаний. Многие, но не Солсбери. Он с самого начала настаивал на отклонении билля и привлек на свою сторону многих консервативных пэров. Историк А. Гардинг писал: «На него, очевидно, воздействовало застарелое чувство раздражения из-за униженного положения, в которое, по его мнению, была поставлена палата лордов, и он отнюдь не был против конфликта с палатой лордов»¹⁸.

Кранарвон, как и бывший лидер консервативной верхней палаты Кэрнс, склонялся к более миролюбивому образу действий, но уступил настроением большинства. После демарша пэров Гладстон огласил подписанный по рекомендациям министров королевой Викторией указ о прекращении продажи патентов на офицерские звания. Реакция консерваторов была крайне болезненной. В палате общин лидер партии Дизраэли назвал действия Гладстона «частью безнравственного и позорного заговора против неоспоримых прав другой палаты». Палата лордов осудила правительство за, как утверждалось, превышение полномочий и подрыв общественного доверия. Пространную речь при этом произнес и Солсбери. Видный либеральный политик герцог Аргайл назвал ее одной из самых односторонних и пристрастных на его памяти¹⁹.

Солсбери, защищая избранный палатой лордов образ действий, упрекал правительство за то, что оно, представив данный вопрос на суд парламента, затем прекратило его рассмотрение ввиду негативного к нему отношения. Правительство при этом так обошлось с верхней палатой, как ни один порядочный человек не обошелся бы с другим. Маркиз особо подчеркнул, что оно действовало так эмоционально и безрассудно, потому что получило достойный отпор. Взбешенный лидер либеральных пэров граф Гренвилл отреагировал на это ироническими приветствиями. Солсбери ответил уничтожающей репликой: «Я могу только сочувствовать благородному графу, который таким образом меня приветствовал, ибо он стал — я не сомневаюсь, самым невольным орудием оскорбления ордена, к которому он сам принадлежит».

Приписав Гренвиллу тезис об обязательности подчинения палаты лордов палате общин, Солсбери отдал авторство этого тезиса герцогу Веллингтону. Он саркастически заметил, что именно последний в период борьбы вокруг первой парламентской реформы «привел нашу палату к нынешнему высокому уровню авторитетности». Затем мар-

к из очертил позицию, которую он неоднократно занимал позднее. Палата лордов должна уделять особое внимание как действиям находящейся у власти партии, так и анализу господствующих в стране настроений. Но данный подход нельзя абсолютизировать. К примеру, если в рядах либералов нижней палаты верх берут экстремистские настроения, итоги голосований там не заслуживают особо серьезного отношения. Если большинство палаты общин используется для навязывания парламенту и стране крайнего радикализма, пэры должны передать решение спорных вопросов на суд избирателей и подчиниться их вердикту ²⁰.

Уже к концу лета того же 1871 г. Солсбери зафиксировал первые обнадеживающие признаки того, что страна начинает уставать от реформаторского пыла Гладстона. Дополнительные выборы в Восточном Суррее 24 августа 1871 г. обернулись серьезным поражением Либеральной партии. Кандидат консерваторов уверенно победил.

Несколькими месяцами позднее Солсбери писал Карнарвону о необходимости выработки постоянного механизма принятия или отклонения палатой лордов законопроектов, поступавших на ее рассмотрение из нижней палаты. Наиболее подходящим средством для этого он считал теорию народного волеизъявления.

Подобная концепция дала бы палате лордов подлинную законодательную независимость. Представляется, что ее основные конструкции Солсбери обдумывал в течение весьма длительного временного интервала. Так, еще в мае 1861 г. он произнес экстраординарную по стандартам того времени речь, в которой особо подчеркивалось значение внепарламентского общественного мнения. Кстати, в ней же проявилась сильная неприязнь маркиза к политической деятельности Гладстона. Примерно в то же время в своих публицистических статьях он неоднократно размышлял о судьбах палаты лордов, о ее прошлом и настоящем, пытаясь прогнозировать будущее ²¹.

Солсбери подробно изложил свои соображения в письме к Карнарвону от 20 февраля 1872 г., накануне решающего голосования в палате лордов по биллю правительства о введении тайного голосования при выборах в парламент. «Я, — писал Солсбери, — категорически за отклонение билля при втором чтении по следующим соображениям. Мне представляется жизненно необходимым, чтобы принятые нами билли, с которыми мы не согласны, регулировались на основе определенных принципов. По мнению либералов, мы должны одобрять все важные законопроекты, получившие значительное большинство в палате общин. На деле это привело бы к ликвидации палаты лордов.

Другой принцип — который, насколько мне известно, весьма привлекает Дерби (сына бывшего лидера консерваторов. — *Е.Н.*) — сводится к тому, чтобы следить за газетами, митингами и т.п. и отвергать только те билли, против которых выступает определенное таким образом «общественное мнение». Это... навлекло бы на палату лордов всеобщее презрение. План, которому я отдаю предпочтение, сводится к тому, чтобы откровенно признать нашим господином нацию, но не палату общин, и отказываться от нашего собственного мнения только в тех случаях, когда в ходе выборов нация выразила свое мнение самым определенным образом».

Эта доктрина, по мнению Солсбери, имела несколько достоинств. Она была, во-первых, теоретически основательна; во-вторых, популярна; в-третьих, неуязвима для враждебной агитации и, в-четвертых, была «редко применяема на практике, не затрагивала нашей независимости»²².

В постскриптуме Солсбери дописал: «Я забыл отметить относительно тайного голосования, что на выборах 1868 г. глава нынешнего правительства выступал против тайного голосования — таким образом, мнение нации не было испрошено»²³.

Нельзя сказать, что Солсбери был непримиримо враждебен к принципу тайного голосования, хотя своего недовольства он не скрывал. Но маркиз считал активное сопротивление по этому вопросу «частью общего принципа». Именно по этой причине он побуждал тогдашнего лидера консерваторов верхней палаты герцога Ричмонда организовать отклонение билля, хотя Дизраэли был против этого.

Речь Солсбери в палате лордов 10 июня 1872 г. явилась логическим развитием тех идей, которые он выдвигал в своих выступлениях 1868—1869 годов. Теперь его формулировки более определены и точны. Появляется новый термин «мандат» нации. Как и в вышеприведенном письме, Солсбери с особой силой настаивает на том, что волю нации палата лордов должна определять по итогам парламентских выборов. Примечательно, что в речи 17 июня 1869 г. маркиз высказался совсем иначе: «Каждый из нас должен принимать решение самостоятельно, руководствуясь совестью и чувством долга».

Солсбери вновь провел тщательное разграничение между палатой общин и народом как двумя самостоятельными общностями. Только от нации палата лордов должна принимать директивы при принятии тех или иных решений. «Я, — сказал он, — провожу максимально большое различие между мнением палаты общин и мнением нации». Тем самым Солсбери отвергал тезис о том, что нижняя палата непосредственно и адекватно отражает интересы народа.

Солсбери объявил подобную трактовку конституционной фикцией, удобной для практических целей, отвечавшей реальному положению вещей лишь в определенных случаях, когда на повестке дня оказывались вопросы, широко обсуждавшиеся накануне выборов. Во всех остальных случаях, по его мнению, палата общин представляет нацию лишь теоретически. После выборов электорат успеваешь благополучно забыть волновавшие его проблемы, ситуация в стране претерпевает серьезные изменения; во многом трансформируется и политика избранного палатой общин правительства. Вследствие всего этого палата общин перестает реально отражать интересы и мнения населения²⁴.

Поэтому, продолжал Солсбери, если имеются основания считать, что поступивший на рассмотрение палаты лордов из палаты общин законопроект не имеет мандата нации, долг пэров его отклонить и тем самым дать электорату вынести свой вердикт. В данном конкретном случае ситуация была именно таковой — нация не высказала своего мнения относительно тайного голосования, а его приверженцы сами были избраны открытым голосованием. «Население не имело возможности высказаться “за” или “против” тайного голосования», — подчеркнул Солсбери. По его мнению, при таких обстоя-

тельствах палата лордов должна действовать как уполномоченный нации и следить за тем, чтобы нижняя палата не превышала свои полномочия и полученный ею мандат доверия ²⁵.

Постоянное практическое использование теории народного волеизъявления началось несколькими годами позже — со следующего десятилетия. В 1873 г. либеральные министры не вносили в парламент спорные билли национальной значимости, а дополнительные выборы наглядно демонстрировали все возрастающее падение престижа правительства. Поэтому палата лордов могла отвергать билли либералов без использования концепции Солсбери. После убедительной победы на парламентских выборах 1874 г. Консервативная партия находилась у власти шесть последующих лет. Но в 1880 г. Гладстон взял убедительный реванш и вернулся на пост премьер-министра, имея рекордное большинство в палате общин. В следующем году умер Дизраэли, и Солсбери сначала стал лидером партии в верхней палате, а с 1885 г. — ее единоличным руководителем. Отныне он получил полную возможность воплощать свои идеи в практическую политику. И маркиз не стал терять времени даром.

Уже через два месяца после выборов 1880 г. Солсбери, выступая в Хэрни, дал понять, что теория народного волеизъявления занимает приоритетное место в его программе действий. Задачей первостепенной важности было сохранение независимого положения палаты лордов с тем, чтобы она имела возможность адекватно представлять постоянные, а не преходящие чувства нации. Двумя годами позже в Ливерпуле Солсбери подчеркнул, что палата лордов не должна допускать никаких принципиальных изменений в политических институтах страны до тех пор, пока народ не получит возможность всесторонне ознакомиться с таковыми планами и принять взвешенное и ответственное решение. На эту атаку Гладстон ответил повторением традиционного либерального постулата о том, что именно палата общин представляет целое и постоянное мнение страны. И как показали выборы, это мнение по своей сути является либеральным ²⁶.

На решение Солсбери реанимировать доктрину народного волеизъявления могли оказать воздействие некоторые события предшествующих лет. Согласно закону 1873 г., подготовленного либеральным лордом-канцлером Селборном, палата лордов лишалась апелляционной юрисдикции, что вызвало протесты определенной части общественного мнения. После выборов 1874 г. группа консервативных заднескамеечников потребовала от своих лидеров пересмотра данного акта, и новый закон 1876 г. данные полномочия палаты лордов восстановил. Историк Р. Стивенс особо отмечал, что «подлинной целью данной группы... было отстоять палату лордов как часть законодательной власти». Солсбери наверняка знал обо всех перипетиях этой истории. Глубокое впечатление на него произвел колоссальный успех предвыборных поездок Гладстона в шотландское графство Мидлотиант ²⁷.

В период пребывания в оппозиции в первой половине 1880-х гг. Солсбери, ставший к тому времени лидером партии, неустанно использовал теорию народного волеизъявления. Возможности для этого возросли после того, как Гладстон в целях борьбы с обструкционистской тактикой ирландских националистов ужесточил правила ведения дебатов в нижней палате и упростил процедуру их прекращения.

Одним из последствий этого стало, вероятно, непрогнозировавшееся министрами усиление опоры кабинета на палату общин. Любимым занятием Солсбери было проведение сравнений между тогдашней палатой общин и теми, которые существовали ранее в английской истории — понятно, не в пользу первой. Она, якобы, потеряла былое авторитетное положение и опускалась все ниже и ниже из-за диктаторски настроенного премьер-министра и возникших за пределами парламента разного рода партийных структур и организаций.

В Ливерпуле в 1882 г. Солсбери, осуждая разного рода политических махинаторов, заявил: «Порабощенная партийным механизмом и замороженная правилами дебатов палата общин станет совсем иной общностью, нежели та, которая до сих пор была славой английской истории». Единственным решением проблемы (и достаточно неудовлетворительным) было бы переизбрание палаты общин каждые три года или даже ежегодно, если палата лордов не сможет по каким-либо причинам выполнять свою референдумную функцию и тем самым сохранять реальное участие электората в политическом процессе.

В своей аргументации маркиз использовал и принцип прямой демократии, заявив: «Прямые действия народа имеют больше значения, чем не прямые его представителей». Эта программная речь Солсбери получила широкое распространение, так как была опубликована отдельной брошюрой Национальным союзом консервативных ассоциаций. В 1893 г. Солсбери использовал в пропагандистских целях контроль либеральных министров над проходившими в то время дебатами в нижней палате ²⁸.

В другой раз (в Шеффилде летом 1884 г.) Солсбери назвал нижнюю палату «самой сервильной палатой общин — сервильной перед министрами, сервильной перед партийными структурами — такое Вестминстерский дворец вряд ли видел когда-либо ранее». Новая серия атак последовала осенью того же года — с интервалом в несколько дней маркиз обрушился на палату общин в Келсо, Глазго, Демфризе. Впрочем, сходные мотивы звучали и в его речах первой половины 1890-х годов ²⁹.

Примечательно, что данные проблемы Солсбери поднимал в речах перед массовыми аудиториями в различных регионах страны (Мидленд, Север, Шотландия); они публиковались и широко обсуждались в прессе. В 1881—1885 гг., когда происходило постепенное укрепление позиций Солсбери в партии, он произнес за стенами Вестминстера около 70 речей. Особую активность проявил маркиз в период острого конституционного кризиса 1884 г., возникшего из-за подготовленного либералами проекта новой парламентской реформы. Солсбери продолжал активно защищать законодательную независимость палаты лордов (в этом плане особенно значимы речи в Манчестере, Глазго и Шеффилде).

Его ораторская деятельность, как и анализ содержания произнесенных Солсбери речей, наглядно показывают, что он не хуже Гладстона и даже великого демагога либерал-радикала Дж. Чемберлена освоил арсенал способов и приемов завоевания симпатий слушателей в условиях существенной демократизации политической жизни ³⁰.

Повсеместно Солсбери поднимал на щит концепцию народного волеизъявления как важнейшую функцию палаты лордов. При этом

должное внимание уделялось злободневным проблемам и учету настроения аудитории. По мнению одного современника, любимой формулировкой маркиза стало утверждение, что пэры обязаны бросаться в прорыв всякий раз, когда палата действует, не имея мандата нации. Эти усилия принесли свои плоды — его доктрина постепенно завоевывала популярность в первом спектре общественного мнения. Она сослужила палате лордов хорошую службу во время дебатов вокруг билля о третьей парламентской реформе. В частности, на ней строили свою аргументацию такие консервативные пэры, как Кэрнс, Бальфур оф Бэрли, Стенхоуп, Кадоган, Карнарвон, герцог Ратленд, Уэмисс и другие ³¹.

Столь же активно использовали консерваторы доктрину своего лидера и в 1893 г., когда на основе его аргументации палата лордов отклонила второй билль Гладстона о гомруле для Ирландии. Особую активность проявил герцог Девоншир, которого поддержали Плейфэйр и Райпон. В спор с ними вступили либеральные пэры Коупер и герцог Аргайл ³². Кстати, именно после того, как Гладстон взял курс на предоставление Ирландии автономии, взгляды Солсбери обрели дополнительную популярность за пределами Вестминстера. Такие авторитетные органы печати, как «Таймс» и «Спектейтор», ранее симпатизировавшие либерализму, после этого переадресовали свои симпатии консерваторам, а их передовые статьи нередко воспроизводили идеологическую аргументацию Солсбери ³³.

Палата лордов по инициативе Солсбери настаивала на необходимости получения мандата нации для принятия наиболее важных законов. Но не претендовала ли она на право определять, когда именно необходимо распускать палату общин для проведения новых выборов? Этот вопрос широко обсуждался в 1884 году. Гладстон многократно обвинял Солсбери в отстаивании подобной позиции. Точка зрения либерального лидера была предельно однозначной — в британской конституции места для подобных новаций нет ³⁴.

Солсбери отрицал, что палата лордов претендует на подобные полномочия, но, вместе с тем, он ясно давал понять, что находящееся у власти правительство должно выбирать между отказом от не имеющего мандата нации законопроекта и предоставлением электорату возможности решать его судьбу на выборах ³⁵.

Вышеприведенная точка зрения весьма близка к признанию принципа референдума, и в начале 1890-х гг. Солсбери назвал вещи своими именами. В ноябре 1892 г. он писал: «Я полностью согласен с вашим мнением, что некая форма референдума является решением, к которому мы движемся. Только таким путем можно положить конец постоянно возникающим между двумя палатами парламента разногласиям. Я испытываю некоторые сомнения, не преувеличиваете ли вы быстроту движения этого. Мне кажется, сначала придется преодолеть немало бурных вод». Весьма сходно высказался Солсбери и в некоторых публичных речах. Историк Дж. Мэрриот резонно отметил, что принятие Солсбери идеи народного референдума стало логическим развитием его тезиса о мандате нации ³⁶.

Примерно в это же время Солсбери пускает в ход принцип «главствующего партнера» в ходе его успешной кампании против подготовленного Гладстоном второго билля о гомруле. Имелось в виду,

что сначала Англия (и Шотландия) как ведущие составляющие Соединенного Королевства должны дать свое согласие на гомруль, и только после этого Ирландия могла обрести вожделенную автономию. Солсбери вел беспроигрышную игру — на выборах 1892 г. либералы в целом победили, но не смогли завоевать большинства в собственно Англии. В палате общин либеральное правительство опиралось на шаткое большинство в 40 голосов и сильно зависело от своих ирландских союзников. Впрочем, еще до выборов Гладстон был уверен, что консерваторы в случае его возвращения к власти будут использовать доктрину народного волеизъявления для отрицания легитимности его законодательных инициатив ³⁷.

Возможность активных действий консервативных пэров была дополнительно облегчена тем обстоятельством, что в палате общин билль о гомруле получил лишь незначительное большинство: второе чтение он прошел большинством в 43 голоса, а третье (1 сентября 1893 г.) — в 34. Уже через неделю возглавляемая Солсбери палата лордов отклонила билль при втором чтении подавляющим большинством — 419 голосов против 41. По мнению некоторых историков, лидер консерваторов считал, что подобная акция верхней палаты продемонстрирует английскому обществу, что в новом парламенте палата лордов более адекватно представляет общественное мнение, чем палата общин ³⁸.

Гладстон предложил своим министрам распустить палату общин и назначить новые выборы, главным пунктом повестки дня которых должен был стать вопрос о прерогативах палаты лордов, но не встретив поддержки, он уже в марте 1894 г. ушел в отставку. Новым премьер-министром стал Розбери. Первое же заявление нового главы правительства вызвало раздражение и недовольство в рядах его сторонников, но вместе с тем приятно удивило консервативную оппозицию. Говоря об ирландской проблеме, Розбери с одобрением процитировал одно из высказываний Солсбери. Особо он выделил следующие слова: «До того, как имперский парламент уступит ирландский гомруль, Англию как ведущего члена этого сообщества трех королевств надо убедить в оправданности и честности этого (мероприятия. — *Е.Н.*)» ³⁹.

Демарш Розбери серьезно осложнил положение либерального правительства. Видный консервативный политик Крэбрук резонно отметил, что солидарность Розбери с позицией Солсбери изменила всю связанную с гомрулем ситуацию. В самом деле, многие англичане считали несправедливым предоставление гомруля Ирландии в ситуации, когда большинство из них отнюдь не выразило этому безоговорочной поддержки ⁴⁰. Примечательно, что, спустя почти двадцать лет, в ходе дебатов по третьему биллю о гомруле премьер-министр либерального правительства счел необходимым особо подчеркнуть: «Сейчас мы имеем то, что отсутствовало в 1893 г. — большинство населения Соединенного Королевства за гомруль» ⁴¹.

Можно констатировать, что усилия Солсбери трансформировать функционирование палаты лордов в рамках конституционно-правовой системы дали весомые результаты. Видный публицист У. Стед констатировал: «На протяжении шестидесяти лет считалось частью неписанного конституционного закона, что палата лордов должна

склоняться перед волей нации именно после того, как таковая была выражена на выборах. В 1893 г. палата общин сразу после выборов, завязанных на проблеме гомруля, направила соответствующий билль в палату лордов, которая его немедленно отвергла большинством 419 против 41 голоса»⁴².

Тезис о преобладающей роли Англии в рамках Соединенного Королевства помог Солсбери решить стоявшую перед ним сложную задачу. Маркиз утверждал, что Гладстон по-настоящему мандата нации на выборах не получил. В 1892 г. он опубликовал наделавшую много шума статью о конституционном устройстве страны. В ней, в частности, утверждалось, что «валлийцы голосовали за радикальных кандидатов не из-за любви к гомрулю, но ввиду неприятия ими государственной церкви Уэльса. Шотландские арендаторы и крестьяне Норфолка были поглощены аграрными проектами и вожделениями. В атмосфере противоречивых изменений, интересов, требований ни в одном регионе не была зафиксирована мощная целостная поддержка гомруля», — отмечал Солсбери. Между тем, реализация этого проекта означала бы серьезный пересмотр конституционного устройства страны. По сути, собственно Англия и Шотландия голосовали против гомруля. А без их согласия никакая ревизия конституции подобного масштаба не может иметь место.

Палата лордов, считал Солсбери, должна обеспечить, чтобы «никакая подобная трансформация фундаментального характера не была привнесена в нашу древнюю политику, если только Англия и Шотландия не будут полноправными участниками этого процесса»⁴³.

Как ни странно, но тезис о решающей роли «ведущего партнера» при всем удобстве его использования в пропагандистских целях почти не упоминается в речи, которой Солсбери завершил дебаты по второму чтению билля о гомруле. Но он получил подробное освещение в другой речи, произнесенной в связи с ответом палаты лордов на тронную речь королевы 1894 года. Примечательно, что к этому времени Солсбери вычеркнул Шотландию из своего списка, отныне говорилось только об одном «ведущем партнере», которым, естественно, была собственно Англия⁴⁴.

Последний раз Солсбери обстоятельно изложил принципы теории народного волеизъявления весной 1895 г. в письме, опубликованном в «Таймс». Вскоре предстояли очередные парламентские выборы, и автор письма это, конечно, учитывал. Здесь концепция «ведущего партнера» была объединена с положениями его знаменитой речи 1869 года. Солсбери тогда отметил, что некоторые видные либералы цитировали его высказывания в поддержку отделения церкви от государства в Ирландии, а потом обвиняли его в непоследовательности — маркиз резко выступал против обсуждавшейся в то время в палате общин аналогичной реформы в Уэльсе.

Солсбери предложил такую интерпретацию событий 1868—1869 гг., которая представляла собой окончательный вариант доктрины референдумной функции палаты лордов. Маркиз напомнил: в 1868 г. все части королевства дали согласие на отделение церкви от государства в Ирландии, в том числе и Англия, хотя и с большими сомнениями и колебаниями, нежели другие части Соединенного Королевства. И больше к данному аспекту маркиз не возвращался. Но, спустя двад-

цать шесть лет он подчеркнул, что тогда за отделение ирландской церкви проголосовало значительное большинство во всех частях Великобритании. Таковой была позиция и большинства избирателей собственно Англии, то есть согласие на реформу было дано и «ведущим партнером».

Далее Солсбери писал: «В 1868 г... возникли глубокие разногласия между палатами по вопросу первостепенной важности. Эти разногласия были вынесены на суд избирателей... Не было сделано никаких попыток отвлечь их внимание возбуждением одновременно с этим нескольких других важных вопросов или же попыток отложить выборы с тем, чтобы спорная проблема постепенно была забыта. Вопрос был честно поставлен перед избирателями. В результате все части Соединенного Королевства вынесли свой вердикт против существования государственной церкви в Ирландии. Мнение палаты общин получило поддержку значительного большинства в Англии, Шотландии и Ирландии.

На следующий 1869 г. это решение было реализовано. Палата лордов пересмотрела свое прежнее голосование и приняла билль при втором чтении; я выступал и голосовал в том же духе. Я поступал так не потому, что изменил свое отношение к этой мере, но, как я говорил в то время, потому что ее поддержала более высокая и авторитетная инстанция, чем палата лордов. Я продолжал считать, что билль основан на опасных принципах и может привести к огромным бедствиям. Но было совершенно очевидно, что большинство нации во всех главных частях страны придерживается противоположного мнения»⁴⁵.

Подобная аргументация прозвучала чуть позже в речи, произнесенной Солсбери в Бредфорде 22 мая 1895 года. Оглядываясь еще раз на период 1868—1869 гг, маркиз отметил, что Гладстон представил свой билль только после того, как получил «значительное большинство во всех частях страны». Хотя либеральный лидер предлагал весьма крупномасштабные меры, задевавшие целостность империи и интересы ведущих классов, только в 1893 г. он поступил так без «подавляющего большинства за его спиной»⁴⁶.

В 1904 г. был опубликован второй том четырехтомного труда С. Уолпола «История двадцати пяти лет», в которой весьма подробно и квалифицированно излагается история Великобритании в 1856—1880 годах. Анализируя кризис 1868—1869 гг., Уолпол писал, что Солсбери стремится «правильно или нет, к тому, чтобы судьба ирландской церкви была решена избирателями в 1868 г. и чтобы в каждой части королевства электорат дал ответ, понятный самому ограниченному интеллекту». По мнению Уолпола, Солсбери был «слишком умен, чтобы не дать согласия на его (билля. — *Е.Н.*) положения»⁴⁷.

Для современников триумфальная победа Консервативной партии на выборах 1895 г. легитимизировала акцию палаты лордов в отношении второго билля о гомруле. Тогда же видный историк Дж. Дикинсон дал следующую оценку положения палаты лордов: «Пэры больше не настаивают на своих правах независимой и координированной структуры (как это было в начале 1830-х гг. — *Е.Н.*). Они признают, что после того как “воля народа” реально провозглашена, она должна стать законом. Если же они выступают против палаты общин, то делают это предельно откровенно на основании того, что представи-

тельная палата по-настоящему нацию представляет». Автор добавил: «Такое положение вещей стало настолько для нас привычным, что мы практически не замечаем того, что означает революцию в конституционной теории»⁴⁸.

Новую внушительную победу консерваторы одержали в 1900 году. В 1902 г. анонимный автор консервативного журнала «Куотерли Ревью» писал: «Выборы 1895 и 1900 гг. убедительно показали, какое сильное впечатление на общественное мнение произвела защита Солсбери палаты лордов как “демократической необходимости”». Не меньшее значение имела и «практическая демонстрация такого подхода, когда по его настоянию палата лордов спасла Великобританию от ирландского диктата, отвергнув билль о гомруле». Автор считал этот феномен возрождения палаты лордов прекрасной иллюстрацией огромных возможностей Солсбери как политического лидера⁴⁹.

В течение многих лет Солсбери настойчиво проводил мысль о том, что палата лордов точно так же способна определять и отражать волю народа, как и палата общин. Его усилия принесли свои плоды в 1890-е гг., когда такой подход поддержала значительная часть общественности. Как отметила одна современница, «впервые в истории пэры представляют мнение народа Англии, а палата общин — нет»⁵⁰.

Сам маркиз считал, что к концу своей политической карьеры он оставляет палату лордов более сильной, чем она была в 1868 году. В канун выборов 1895 г. он писал своему давнему политическому соратнику Крэнбуру: «Чтобы ни случилось с нами, положение палаты лордов значительно усилилось». Сходные оценки присутствовали и на страницах периодической печати. Впрочем, о положении палаты лордов высказывались и несколько иные мнения⁵¹.

Солсбери ушел в отставку в 1902 году. И премьер-министром стал его племянник А. Бальфур. Однако теория референдумной функции палаты лордов пережила своего создателя. Сразу после катастрофического поражения консерваторов на парламентских выборах 1906 г. он направил письмо лидеру консервативных пэров маркизу Лэнсдауну. В этом документе он определял стратегию оппозиции во взаимоотношениях с палатой общин. При этом палате лордов отводилась ключевая роль: «Я считаю, что палате лордов не удастся избежать обязанности вносить серьезные изменения в важные правительственные законопроекты. Но если это будет делаться с осторожностью и тактом, то я не думаю, то этим она причинит себе какой-либо вред. Напротив, отклонение билля о гомруле, несомненно усилило ее положение. Я считаю вполне вероятным, что ваша палата выйдет из этого испытания еще более сильной, а не ослабленной неизбежными в течение нескольких ближайших лет разногласиями»⁵².

Этот оптимистический прогноз опирался на опыт успешных действий Солсбери против либеральных правительств при активной помощи палаты лордов. Действия же последней основывались на референдумной теории маркиза. Не приходится удивляться, что приемники Солсбери пытались повторить его успех и толкали верхнюю палату на «тропу войны». Слишком поздно пришло осознание того, что в серьезно изменившейся обстановке в стране исход этого противостояния может быть совсем иным. Тем не менее, Лэнсдаун использовал аргументацию Солсбери, например, во время дебатов 22 ноября

1909 года. Он предложил отклонить билль правительства, который серьезно урезал отлагательное право вето палаты лордов по финансовым вопросам. По его мнению, «палата лордов совершила бы ошибку, дав свое согласие на этот билль еще до того, как свое решение по нему вынесла страна»⁵³.

В 1911 г. во время дебатов по сильно урезавшему права верхней палаты парламентскому биллю Лэнсдаун напомнил пэрам слова Солсбери, который назвал палату лордов «инструментом, обеспечивающим учет мнений избирателей и народа этой страны по всем ключевым и жизненно важным вопросам»⁵⁴.

Несколько позднее бывший лидер консервативных пэров и один из самых авторитетных политиков того времени герцог Девоншир подробно процитировал отрывки из речей Солсбери 1869 года. Он сказал: «Я считаю, что пока данная палата будет придерживаться этого канона, она гарантирована от совершения серьезных ошибок». По мнению Девоншира, действия верхней палаты в 1869 г. убедительно доказали готовность пэров без колебаний подчиниться воле электората даже в том случае, когда она противоречит их собственной. Показательно, что к подобной аргументации прибегали и некоторые консервативные депутаты нижней палаты⁵⁵.

Лишь первая мировая война положила конец использованию Консервативной партией теории народного волеизъявления. Таким образом, в течение многих лет эта доктрина эффективно служила правым, охранительно настроенным, силам Великобритании, тормозила дальнейшую демократизацию страны. Исключительная роль маркиза Солсбери в ее разработке и практическом применении очевидна. Уже в 1888 г. много лет возглавлявший либеральную фракцию верхней палаты граф Гренвилл отметил, что Солсбери воодушевлялся иными идеями, чем такие видные государственные деятели, как граф Абердин и Бенджамин Дизраэли — сравнение было явно не в пользу первого. Другой видный либерал Асквит сравнивал Солсбери со знаменитым герцогом Веллингтоном — и вновь не в пользу маркиза⁵⁶.

Известный публицист начала XX в. Дж. Гобсон писал в 1909 г.: «В 1870-е годы ни один английский либерал и помыслить не мог бы, что такой откровенно устаревший орган государственного управления, как палата лордов на протяжении жизни одного поколения станет столь активно проявлять боевой наступательный дух»⁵⁷.

Достижения Солсбери в этом плане уникальны. Начиная свою политическую карьеру с репутацией крайне правого ретроградного тори, маркиз на протяжении своей долгой жизни в политике претерпел серьезнейшую эволюцию. Он сумел взять на вооружение лексикон столь ненавистных ему радикальных демократов: «мандат нации», «воля народа», «референдумная функция палаты», «прямое представление интересов народа», «прямая демократия». Причем, не просто взял этот набор демократических клише для персонального использования, но создал из этих разрозненных элементов целостную доктрину, которая умело и активно претворялась в жизнь через один из самых древних и авторитетных органов британского конституционного устройства. Представляется, что деятельность Солсбери сыграла значительную роль в том, что процесс демократизации общественно-

политической жизни в Великобритании последней трети XIX—XX в. прошел достаточно гладко и чисто эволюционно, без глубоких катаклизмов и потрясений. В становление классической модели британской демократии маркиз Солсбери внес значительный вклад, до сих пор не оцененный в полной мере.

Примечания

1. НАННАМ Н. J. The Nineteenth Century Conflicts, 1815—1914. Cambridge. 1969, p. 172.
2. BAGENOT W. The English Cocstitution. Ithaca-N.Y. 1966, p. 121, 125—126, 128, 132, 149.
3. Ibid., p. 134.
4. Hansard's Parliamentary Debates (HPD). Fifth Series, vol. 13, с. 556—557; vol. 21, с. 1748—1749.
5. См . подробнее: MARRIOT J.A.R. English Political Institutions. Oxford. 1926, p. XII; TAYLOR R. Lord Salisbury. L. 1975, p. 34, 39, 76—77; Le May G.H.L. The Victorian Constitution: Conventions, Issues and Contingencies. L. 1979, p. 133—145; CECIL GW. The Life of Robert Marquis of Salisbury. Vol. II. L. 1921, p. 23—27.
6. См. подробнее: BLAKE R. The Conservative Party from Peel to Thatcher. L. 1985, p. 131—166; SMITH P. Introduction. In: Lord Salisbury on Politics British. Cambridge. 1972, p. 1—109; MARSH P. The Discipline of Popular Government: Lord Salisbury's Domestic Statescraft. Hassocks. 1978.
7. ANSOM W. The Law and Custom of the Conctitution. Oxford. 1909, p. 286; MCKECHNIE W.S. The Reform of the House of Lords. L. 1909, p. 19—20.
8. BLAKE R. Disraeli. N.Y. 1996, p. 499; SMITH P. Op. cit., p. 8.
9. CURTIS L.P. Coercion and Conciliation in Ireland, 1886—1892. Princeton. 1963, p. 67—68; LUCY H. Memories of Eight Parliaments. L. 1908, p. 121; Disraeli, Derby and Conservative Party: Memoirs and Journals of Edward Henry, Lord Stanley, 1849—1869. L. 1978, p. 335.
10. HPD. Third Series, vol. 197, с. 83—84.
11. Ibid., с. 85; LE MAY G.H.L. Op. cit., p. 135—136.
12. HPD. Third Series, vol. 197, с. 304—307; FITZMAURICE E. The Life of the Earl of Granville. Vol. II. L. 1905, p. 10.
13. MARTEN C.H.K. The Marquis Salisbury. In: The Political Principles of Some Notable Prime Ministers of the Nineeteenth Century. L. 1926, p. 280; CECIL GW. Op. cit., vol. II, p. 24—26.
14. The Times. 5.IX.1893, p. 7.
15. HPD. New Series, vol. 20, с. 437—438, 787, 854, 1170, 1288; vol. 21, с. 271; BROCK M. The Great Reform Act. L. 1973, p. 57.
16. HPD. New Series, vol. 83, с. 941; vol. 84, с. 253—254, 261—262; vol. 86, с. 1174—1175; KEMP B. Reflections on the Repeal of the Corn Laws. — Victorian Studies. March 1962, p. 201—204.
17. WESTON C.C. Salisbury and the House of Lords, 1868—1895. — The Historical Journal. March 1982, vol. 25, n.1, p. 118.
18. HARDINGE A. The Life of Henry Howard Molynaux Herbert, Fourth Earl of Carnarvon. Vol. II. L. 1925, p. 24.
19. The Annual Register for the Year 1871. L. 1872, p. 77—79; HARDINGE A. Op. cit., vol. II, p. 24.
20. HPD. Third Series, vol. 208, с. 175—180.
21. PULLING F.S. The Life and Speeches of the Marquis of Salisbury. Vol. I. L. 1885, p. 44—49; The Saturday Review. 1861, Aug. 3, vol. 12, p: 113—114; 1864, May 7, vol. 17, p. 547—548; 1865, July 8, vol. 20, p. 44—45; PINTO-DUSCHINSKY M. The Political Thought of the Lord Salisbury, 1854—1868. L. 1967, p. 162—188.
22. CECIL GW. Op. cit., vol. II, p. 25—26.
23. WESTON C. Op. cit., p. 120—121.

24. HPD. Third Series, vol. 211, c. 1493—1494.
25. *Ibidem*.
26. LEACH A. The House of Lords. — The Fortnightly Review. 1882. O.S., vol. 37, p. 358—360; HANHAM H.J. *Op. cit.*, p. 203.
27. STEVENS R. Law and Politics: The House of Lords as a Judicial Body. Chapel Hill. 1978, p. 44—67; TAILOR R. *Op. cit.*, p. 79.; SMITH P. *Op. cit.*, p. 339.
28. PULLING F.S. *Op. cit.*, vol. II, p. 117—118; CURTIS L.P. *Op. cit.*, p. 411.
29. The Times. 23.VII.1884, p. 10; 21.IX.1884, p. 7; 8.VI.1893, p. 12; Speeches of the Marquis of Salisbury. L. 1895, p. 142—144, 151—153.
30. TAYLOR R. *Op. cit.*, p. 76—77.
31. The Last of the House of Lords. L. 1884, p. 30; HPD. Third Series, vol. 290, c. 124, 149, 153, 153—156, 185, 384, 425, 438.
32. HPD. Fourth Series, vol. 17, c. 26—31, 70—71, 204—205, 238—239, 296—297.
33. The Times. 24, 29, 31.VII.1884; 5.IX.1893, p. 7.
34. Political Speeches Delivered in August and September 1884 by W. E. Gladstone. Edinburgh. 1884, p. 20; The Times. 11.VII.1884, p. 10; 16.VII.1884, p. 9.
35. PULLING F.S. *Op. cit.*, vol. II, p. 223; The Times. 29.VII.1884, p. 10.
36. WESTON C. *Op. cit.*, p. 124; The Times. 8.VII.1893, p. 12; MARRIOTT J. A.R. *Op. cit.*, p. 228.
37. ASQUITH H.H. Fifty Years of British Parliament. Vol. I. Boston. 1929, p. 269.
38. MARSH P. *Op. cit.*, p. 225; CURTIS L.P. *Op. cit.*, p. 412.
39. HPD. Fourth Series, vol. 22, c. 32.
40. GATHORNE HARDY A.E. Gathorne Hardy — First Earl of Cranbrook: A Memoir. Vol. II. L. 1910, p. 344.
41. HPD. Fifth Series, vol. 34, c. 34.
42. STEAD W. T. Peers or People? L. 1907, p. 3.
43. Constitution Revision, — The Nation Review. Nov. 1892, n. 117, p. 295—297, 299; LE MAY G.H.L. *Op. cit.*, p. 141—142; JENKINS R. Mr. Balfour's Poodle: An Account of the Struggle between the House of Lords and the Government of Mr. Asquith. L. 1954, p. 33—34.
44. HPD. Fourth Series, vol. 17, p. 640; vol. 22, c. 22—25.
45. The Times. 8.IV.1895, p. 9.
46. *Ibid.*, 23.V.1895, p. 6.
47. WALPOLE S. The History of Twenty-Five Years. Vol. II. L. 1904, p. 366.
48. DISKINSON G.L. The Development of the Parliament during of the Nineteenth Century. L. 1895, p. 98—99.
49. The Quarterly Review. July—October 1902, vol. 196, p. 652—653.
50. A Victorian Diarist: Extracts from the Journals of Mary, Lady Monkwell, 1873—1895. L. 1944, p. 238—239.
51. GATHORNE HARDY A.E. *Op. cit.*, vol. II., p. 351—352; LOW S. The House of Lords as a Constitutional Force. — The New Review. March 1894, vol. 10, n. 58, p. 257—264; The Spectator. 1896, Aug. I, vol. 77, p. 132—133.
52. HANHAM H.J. *Op. cit.*, p. 192.
53. BLEWETT N. The Peers, the Parties and the People. Toronto. 1972, p. 98—99.
54. HPD. Fourth Series, vol. 166, c. 702.
55. *Ibid.*, vol. 174, c. 15—16; vol. 173, c. 1264; HOLLAND B.H. The Life of Spencer Compton, Eighth Duke of Devonshire. Vol. II. L. 1911, p. 406—407.
56. HPD. Fifth Series, vol. 14, c. 809, 881, 906; vol. 15, c. 12; ASQUITH H.H. *Op. cit.*, p. 149.
57. HPD. Third Series, vol. 323, c. 1602; ASQUITH H.H. *Op. cit.*, p. 239.

Александр Андреевич Спицын

В.В. Вяткин

Родоначальник российской археологической науки Александр Андреевич Спицын родился 14 августа 1858 г. в понизовом городе Вятского края Яранске ¹. Яранская пора была короткой. Когда Спицыны переехали в Котельнич ², мальчику еще не было и года. Его отец, Андрей Леонтьевич, Яранск не забыл. Трудясь здесь, на своей родине, у откупщика К.В. Беляева, он, мещанин, имел твердый доход. Библиофил и меценат Беляев был среди друзей А.И. Герцена, побывавшего в вятской ссылке. Но в 1858 г. Беляева не стало, и благополучию Спицыных пришел конец.

Есть мнение, что отец подогревал интерес сына к истории. В зрелые годы Александр вспоминал: «От отца, страстного охотника, рыбака, любителя стихов и религиозного человека, я получил гуманный душевный склад» ³, слушая его рассказы о старине, об окраинах России, где он побывал.

В Котельниче Спицыны жили в небогатой маленькой квартирке. Незатейливая мебель, большие блестящие иконы по углам, зеркало, обклеенное картинками, большие кованые сундуки...⁴, — так описывала квартиру сестра Александра Е.А. Ждан (Спицына).

Андрей Леонтьевич не сумел устроить свою жизнь на новом месте и практически не получал никакого дохода. Семья, включая четверых детей, оказалась в трудном положении. Ситуацию спасала мать, Дарья Семеновна, вынеся «на своих плечах всю тяжесть нравственных и материальных лишений; она подняла на ноги семью, вывела всех нас в люди... со страшной энергией борясь с судьбой» ⁵, — вспоминала Ждан, — вся в трудах, она находила мало времени для воспитания своих детей, и те «росли совершенно на свободе». Но в нужный момент она поняла, что детям необходимо образование, и устремилась в Вятку. Перебиваясь с копейки на копейку, она устроила их в гимназию. В 1868 г. гимназистом стал и Александр.

Вяткин Валерий Викторович — кандидат исторических наук. Пермь.

В свободное от учебы время сестра видела его с сачком для бабочек, удочками и разными книгами. У мальчика завелся свой сундучок, где хранились разные вещи: засушенные растения и насекомые, пузырьки, железные обломки... То были ростки исследовательского склада, без чего будущий ученый обойтись бы не смог. В его комнатке, наряду с книгами, имелись «баночки, скляночки, наполненные какими-то жидкостями и веществами, реторточки, колбы (все это было куплено на собственные, заработанные на репетиторстве с одним мальчиком, деньги), кипы листов папиросной бумаги с засушенными в них растениями», коллекции бабочек и жуков. «Сам он вечно сидел за какой-нибудь книгой... все изобретал что-то... толлок какие-то кусочки, разводил их то в одной, то другой жидкости, подогревал смесь на спиртовой лампочке...»⁶.

Обладая пытливым умом, он любил опыты, но на приборы не было денег. Тем не менее, кругозор Александра ширился. Он помогал сестре в овладении грамотой, получая ранний педагогический опыт. «Его уроки естествознания были для меня наслаждением»⁷, — вспоминала она. Постепенно им овладела мечта о поступлении в Императорский Петербургский университет.

Однако учеба в гимназии долго давалась Александру с трудом. Уже во втором классе его оставили на второй год. С древними языками было особенно туго. Отдушиной стали «сочинения» и геометрия, способности к которым открылись в четвертом классе. Вскоре он увлекся новыми языками и даже стенографией. Раз за разом подтверждался интерес к истории. Сверстники заслушивались его рассказами о прошлом.

В числе одноклассников Александра был Константин Циолковский; а классом младше учился Владимир Бехтерев. Гимназию Александр окончил плохо — предпоследним среди 15 учеников. На гимназическом фото 1872 г. он выглядит худеньким, не по летам серьезным отроком в бедной одежде.

Идеи 1860-х гг. влияли на вятских гимназистов. Охотно читались В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Дж. С. Милль. Библиотека «передовых» книг была в доме у Петра Шуравина — товарища Александра по гимназии. Модная тогда любовь к естествознанию не обошла и Спицына. Он знал имя Ч. Дарвина, помимо химии увлекся ботаникой, минералогией. Предпочтение отдавал геологии, назвав ее

«величавой наукой». А литературу и искусство по-базаровски отвергал, как постыдную «болтовню», доказывая тем свою «прогрессивность». Будущее было понятным: университет и естественные науки. Жить «для народа», «для дела» виделось высшим смыслом существования. Таким был идеал лучших из разночинцев, к которым принадлежал и Спицын.

В какой-то момент у него завязалась дружба с Ефимом Скурихиным, выходцем из орловских крестьян, его однокашником. Ефим зачитывался И. Кантом, заразив Александра любовью к философии. Александр выбрал историко-филологический факультет Петербургского университета. В столицу прибыл «со светлыми надеждами и без гроша»⁸. Продолжалась эпоха либеральных реформ: шел 1878 год. Он поселился у Скурихина, делившего с другом скудный достаток. Расходам вели строгий учет, выделяя на еду пять-семь копеек в день. Через полгода выдалась педагогическая практика, и уроки поправили положение Александра, не спасая, впрочем, от бедности.

Обязательные университетские лекции он посещал лишь первые месяцы. Философия уже не устраивала. Победила склонность к отечественной истории. «Я искренний патриот, и процветание России — вот что входит во все мои помыслы»⁹ — признавался он. Кумиром студента стал К.Н. Бестужев-Рюмин — светило среди профессор-историков.

Одной лишь науки оказалось мало. К работе в студенческой библиотеке, занятиям прибавилась активная общественная деятельность. Все университетские годы он входил в Комитет вспомоществования студентам. Времени не хватало ни на лекции, ни на студенческое научное общество. Авторитет в глазах товарищей и профессоров стал снижаться. Тем не менее, он «чувствовал себя специалистом в русской истории и человеком, преданным науке»¹⁰. Когда на старшем курсе возник «Кружок русской истории», к нему примкнул и Александр. Здесь крепла дружба с С.Ф. Платоновым, будущим академиком. «Счастливые впечатления молодой школьной жизни» он связывал с этим кружком.

Защитить с первого раза диссертацию не удалось. Потребовалось сменить тему. Кто-то счел его «непокорным бунтарем»¹¹. «Каталог древностей Вятского края» — так называлась новая тема кандидатской, которую удалось защитить и опубликовать. После университета Александр вернулся в Вятку, где бедствовала семья.

1 августа 1882 г. началась его служебная деятельность. Место учителя Вятской Мариинской женской гимназии давало постоянный доход. Он преподавал историю и словесность. Разносторонние таланты стали проявляться все чаще. Множились публикации на исторические темы, для чего потребовались «хлопотливые розыски»¹² материала.

Вятка была типичным провинциальным городом: число ее жителей не превышало 30 тысяч. Но в истории родных мест увлекало многое: от колоколов до становления Мариинской гимназии. Авторитет Спицына рос. В 1884 г. его избрали в Губернский статистический комитет, который издавал краеведческие сборники, курировал исследовательскую работу. Он написал «Орфографический словарь» и «Азбуку для школьного и домашнего обучения».

В 1886 г. возобладало увлечение археологией. Деньги на археологические поездки выделяла графиня П.С. Уварова. Все добытые в ходе раскопок материалы передавались Московскому археологическому обществу (МАО), которым Уварова руководила. Для МАО Спицын составлял и археологические карты, называя это «очень не легким делом»¹³.

Свои занятия он считал «неумеренно-усиленными»¹⁴, продолжая публиковать работы по древней истории и археологическим памятникам Вятки. Их число достигло 70¹⁵. Все работы были написаны хорошим литературным языком.

В 1887 г. Александр стал участником археологического съезда в Ярославле, считая это «событием в жизни»¹⁶. С собой он привез 238 найденных экспонатов¹⁷. Провинциальный исследователь произвел на съезде хорошее впечатление. Позднее он напишет слова, которые с полным правом можно отнести и к нему самому: «...среди местных археологов могут воспитываться прекрасные знатоки, даже более осведомленные, чем представители академической науки...»¹⁸.

Его известность в археологических кругах ширилась. В 1889 г. в Вятку приехал археолог Я.И. Смирнов, сотрудничавший с Императорской археологической комиссией (ИАК). Темой его беседы со Спицыным стали филологические исследования венгерского языковеда и этнографа Б. Мункачи, пролившие свет на происхождение пермских «инородцев». Спицын интересовался различными областями знаний, выдвигая одну оригинальную гипотезу за другой. В том же 1889 г. он, например, заявил: «древние городища были преимущественно местами капищ...»¹⁹.

В 1889 г. Александр Андреевич занимался двумя темами: вятской археологией и историей Мариинской гимназии, в которой он преподавал. Но этого было мало. Он написал в Пермскую губернию Ф.А. Теплоухову, что его «тянет в Пермь» для изучения истории местных народностей. И тут же признался: «...впрочем, не надеюсь, чтобы мои исследования могли иметь решающее значение, так как письменных источников мало...». Он ратовал за комплексный анализ источников, считая это краеугольным камнем науки, видя грань, по его словам, между «археологами-учеными» и «археологами-дилетантами»²⁰.

Постепенно его изыскания выходили за рамки родного края. «Такова судьба археолога: выступают все новые и новые задачи там, где, казалось, все сделано», — пояснял он²¹. В 1891 г. Спицын вел раскопки близ Боровска Новгородской губернии, в окрестностях Пафнутьева монастыря, хорошо известного в православном мире. Немного освободившись, посетил Циолковского, преподававшего в Боровском училище. Спицын провел в Боровске несколько дней и помог Циолковскому с изданием его первой книги. Дружба однокашников не прерывалась: переписка была постоянной и прекратилась лишь со смертью одного из адресатов.

Спицын любил друзей, которых у него было много, всегда являл редкостное радушие, ставшее его визитной карточкой. Не случайно его нарекли «всегда благорасположенным к людям»²². Друзей и знакомых он уверял: «С удовольствием выполню Ваши всевозможные

поручения». И действительно выполнял, будучи обязательным человеком. Успехами коллег-археологов неизменно воодушевлялся. «Хоть бы одним глазком, разик... окинуть мне доставленное Вами на выставку научное богатство!»²³ — написал он однажды Теплоухову. И, конечно, именно наука была главной темой его разговоров с друзьями.

Наука захватывала его целиком, но он поднимался и по служебной лестнице, получил чин коллежского советника, имел большой оклад, но, тем не менее, постоянно был в долгах, помогая ближним.

31 января 1892 г., еще до конца учебного года, Спицын простился с гимназией. Вновь предстояла петербургская жизнь. По ходатайству историков С.Ф. Платонова и Н.И. Веселовского его пригласили в штат ИАК — своеобразного «министерства древностей». Все произошло «самым неожиданным образом»²⁴. Упоминание лишь о том, что заседания ИАК проходили в Зимнем дворце, позволяет судить, насколько вырос Спицын в карьерном плане. Хотя это не было смыслом его жизни.

Ротация столичных кадров за счет провинциальных специалистов была характерна для той эпохи. Так В.А. Городцов, первая фигура среди московских археологов, приехал из провинции. Продвигали достойных, что, очевидно, было связано с благими переменами, вызванными реформами Александра II.

Перед отъездом в Санкт-Петербург Спицын подарил Вятской публичной библиотеке многие свои печатные труды, снабдив их автографами²⁵. Что до гимназии, то прощание с ней было трогательным. На врученном ему отрезе муара золотом было написано: «На память дорогому воспитателю...»

В середине марта 1892 г. он был уже в Петербурге.

После отъезда из Вятки археологические экспедиции участились. Каждой поездке предшествовала тщательная подготовка, включавшая и чтение местной литературы²⁶. В мае 1893 г. ИАК командировала Спицына в Астраханскую губернию. Будучи настоящим ученым, он не пренебрег беседами с астраханскими старожилами. Изыскания были не напрасны. Помимо прочего, он нашел до 300 монет, включая арабские, и небольшую древнюю железную печать²⁷.

Между тем, совершались все новые поездки, и результат был очевиден: «В Комиссии... копится огромный материал, с которым совершенно не знаешь, как сладить»²⁸, — делился он с другом, утверждая, что надо трудиться в двадцать рук. Цели были значительны: «Не довольно найти вещи. Нужно угадать мысль лица, устроившего памятник»²⁹. Но Спицын ограничивал себя: «Догадок... в... своей работе мы... не допускаем»³⁰. Он прибегал к многоплановому анализу, сверяя летописи с археологическими данными. Одна из задач формулировалась так: «Привести в систематический порядок летописные известия»³¹. Он всегда опирался только на обоснованные факты, оценивая коллег-историков по этому критерию и удивляясь поспешным выводам некоторых.

«Диапазон исследовательских интересов Спицына простирался от каменного века до позднего русского средневековья»³², — справедливо подчеркивал И.Л. Тихонов. Особым его увлечением была материальная жизнь русского народа. Зрел даже замысел издать «Словарь

русской старины». Подготовительный труд вылился в оформление 100 тыс. информационных карточек с рисунками: все это он сделал собственноручно. 188 папок ценнейшего материала по археологии — знаменитые «спицынские корочки» — пополнили национальное достояние, ими археологи пользуются до сих пор. Ученый делал обзоры древностей почти по всем губерниям, подтверждая свои «огромные знания и творческие способности»³³. Картотека была доступна всем желающим, как и консультации по обзорам. Конкуренция для него словно не существовала. Продвижение науки вперед было важнее самоутверждения.

Он болел душой за страну, за ее культурно-историческое наследие. «Обращаюсь к обширному кругу русских интеллигентных людей с горячей просьбой принять участие в судьбах наших памятников старины, непрерывно и безвозвратно исчезающих от невежества и корыстного расхищения. Это национальное и общечеловеческое сокровище...»³⁴.

В работе для Спицына была «необыкновенная притягательная сила и... полное удовлетворение»; а «результат ее — ...бодрое движение науки вперед»³⁵. Однажды он заявил: «...наша страна чрезвычайно обильна памятниками старины... Раскопки у нас крайне интересны и содержательны. Русская археология переживает теперь своего рода героическое время... Нашу археологию ожидает... блестящее развитие...»³⁶. Трудно сказать, где ему было интереснее: на раскопках или в рабочем кабинете. В 1890-е гг. он писал: «...сичу за столом, пока глаза позволяют». Приходилось «соизмерять силы и время с тем, что надо сделать»³⁷, — не скрывал Александр Андреевич. Усталость, впрочем, могла одолеть — даже в кабинете на Мытнинской набережной, где он жил в доме № 6, вблизи Малой Невы. Однажды Спицын признался: «...пора и отдохнуть. Хочется побродить где-нибудь у речки с удочкой в руках»³⁸.

В 1893 г. началось общение ученого с Н.К. Рерихом, который увлекся раскопками и лучшего наставника, чем Спицын, просто не мог найти. Ученый допустил юношу в хранилища археологических коллекций, встречался с ним чуть ли не еженедельно, не отказываясь и от деловой переписки. «Общение со Спицыным стало настоящей школой для Рериха». Однажды метр признался: «Мне всегда нравилось *выводить в люди* начинающих археологов»³⁹. Ради них он написал научные руководства по ведению разведки и раскопок. Общение с «начинающим» принесло пользу. В оформлении монографии Спицына, вышедшей в 1896 г., участвовал Рерих, известный и как выдающийся художник. Монографию сочли роскошным изданием. Но лишь участием Рериха успех не объяснить: рисунки курганов, помещенные в книгу, выполнил сам автор. Спицын не сомневался: Россия — «страна бесчисленных курганов»⁴⁰. Именно он разработал программу раскопок русских курганных древностей, привнес системность в эту работу.

Но столь значимые объекты вызывали и разочарование. По итогам одного из археологических сезонов он должен был констатировать: «Итак, все раскопанные курганы оказались уже разграбленными»⁴¹. Раз за разом ученый сталкивался с фактами кладоискательства, принимавшего характер лихорадки.

Музеи часто получали дары от Спицына. Особое внимание он уделял музею Императорского Русского археологического общества (ИРАО). Именно Спицын издал каталог экспонатов этого музея. Постепенно сотрудничество с музеями стало одной из приоритетных его задач, что подчеркивало масштабность его научно-общественной деятельности.

В 1894 г., «эмпирик... до мозга костей»⁴², Спицын инициировал разработку специальной инструкции о производстве раскопок и оформлении отчетов об их результатах, что и было осуществлено. Кто-то свяжет эти усилия с процессом бюрократизации самодержавного государства. Как бы там ни было, изучение отчетов о раскопках помогло ему в составлении региональных сводок археологических памятников, а также в подготовке публикаций обзоров древностей по губерниям. Это был бесценный труд.

По мнению Е.Н. Носова, «именно его издания результатов раскопок... российских археологов... составили золотой фонд нашей науки»⁴³. Научные работы Спицына стали подлинным украшением изданий ИРАО. На заседаниях Общества он выступал множество раз, делая доклады, читая рефераты. Одна из его тем — смена археологических культур на Северо-Востоке европейской части России, благодаря которой понятие «археологическая культура» получило широкое распространение.

1894 г. принес новую радость: 30 марта ИРАО наградило Спицына медалью «Древности Вятского края»⁴⁴. Это была заслуженная награда. Решение проблем археологии исследователь сочетал с систематизацией материала. По его мнению, «только систематическими исследованиями наука делает твердые и решительные шаги вперед»⁴⁵. Систематизатором назвал Спицына и академик Б.А. Рыбаков⁴⁶. «Мне хочется, — писал однажды Спицын, — чтобы каждая вещь имела более или менее объективную дату»⁴⁷. «Разгруппировать материал хронологически» он считал важнейшей задачей археолога. Издать описание археологической коллекции «без схемы хронологической» — то же, что признаться в «беспомощности... археологии»⁴⁸, не сомневался Спицын. Трудом таких, как он, археология превращалась в подлинную науку, находя все новых своих приверженцев.

Сетую на «односторонность... археологических исследований»⁴⁹, Александр Андреевич мечтал о масштабных проектах. Достигнутым никогда не удовлетворялся, говоря: «Настоящее дело меня ждет в будущем». Таким он и запомнился: «необычайно скромным и простым человеком, требовательным к себе...»⁵⁰.

В финансовых вопросах ученый являл откровенное простодушие и вряд ли был предприимчив. «Откуда... деньги берут?»⁵¹, — спрашивал он археолога И.Р. Аспелина, который вел раскопки близ Минусинска, совершая поездки туда раз за разом.

3 апреля 1894 г. на заседании Русского отделения ИРАО Спицын прокомментировал выставку древностей, поступивших в ИАК из разных губерний за предыдущий год. «Украшением всей выставки служит замечательная коллекция серебряных Сасанидских⁵² вещей, найденных в Глазовском уезде Вятской губернии, состоящая из пяти серебряных блюд...»⁵³. Нет сомнений, блюда попали на выставку ста-

раниями Спицына, ценившего вятские древности, как никто другой, и прекрасно в них разбиравшегося.

Известность ученого росла. Но почитать на лаврах он не собирался. Исследовательская жажда была в нем по-прежнему огромной. Про него говорили: «Покорен и увлечен»⁵⁴. Летом 1894 г. по новому поручению ИАК он вел раскопки на территории Пермской губернии, остановившись у Теплоухова в селе Ильинском — «столице» пермских владений Строгановых. Покровитель Теплоухова граф С.А. Строганов сам слыл археологом: его коллекцию древностей знали в Европе и во Французской академии в частности. В Ильинском скучать не приходилось. «Приятное» здесь совмещалось с «полезным». «История пермских инородцев, — не скрывал Спицын, — очень интересует... меня»⁵⁵.

6 октября 1894 г. на заседании ИРАО заслушали его отчет «Могильники Камской Чуди X века». Пребывание в Пермской губернии дало богатую пищу для дальнейших размышлений, как и арабские серебряные вещи, найденные в Прикамье в ходе раскопок. Было задумано новое издание — атлас «Древностей пермской чуди по коллекции Теплоуховых», что и было исполнено под эгидой ИАК. Это издание прославило пермских археологов Теплоуховых — отца и сына. За них Спицын заранее радовался: «Вы увидите, что Ваша коллекция — дверь, ведущая к пониманию древностей огромного района», — уверял он Теплоухова и уговаривал: «Пожалуйста, подвигнитесь на выставку коллекции. Это будет отличный подарок русской археологии...»⁵⁶.

Археологические задачи привели Спицына и в родной для него Яранский уезд Вятской губернии. Его труды имели неопределимое значение, способствуя «превращению региональной археологии из любительской в научную»⁵⁷. Труды эти не забыты поныне.

Более того, Спицын считается одним из основоположников полевой археологии Северной и Средней России. Его знали и как специалиста по раскопкам городищ. Благодаря Спицыну «научная археология вступала на свое законное место в ряду равноправных областей исторической науки»⁵⁸. По мнению Тихонова, он много способствовал «становлению археологии в России в качестве самостоятельной научной дисциплины... немало потрудился для внесения историзма в археологические исследования... находясь у истоков современных представлений о задачах и методах археологии»⁵⁹.

Что касается его личной жизни, то следует отметить, что в 1898 г., в возрасте 40 лет, он женился на Елене Александровне Пьянковой, которую знал еще по Вятской Мариинской гимназии. Супруга была младше его на 12 лет. Три дочери и сын родились от того брака. В некоторых археологических экспедициях семья сопровождала Спицына. Историк В.А. Бердинских привел факт, что однажды жена Спицына целое лето спала на сундуке с черепами, но этому не стоит удивляться, ведь еще до женитьбы он писал про Елену Александровну: «Невеста моя столь же непритязательный человек, что и я»⁶⁰.

Охота к раскопкам не миновала и его детей. Все начиналось с игры. Случалось, что, руководствуясь правилами археологии, дети раскапывали песчаный холмик, под который отец клал конфету. Они не были обделены любовью и вниманием родителей. Если кто-ни-

будь из них заболел, — родители не находили себе покоя. «Так нас мальчишка озаботил, что и сказать нельзя» ⁶¹, — рассказывал Спицын в 1901 г. о болезни годовалого сына Михаила. И дочери и сын получили хорошее образование. Дочь, Надежда Александровна, стала автором учебников и пособий для средней школы. Сыграла немалую роль и в увековечении памяти своего отца.

В 1902 г. Спицын читал лекции по археологии для учителей народных школ ⁶². И в просветительском деле был едва ли не первым.

На дальние поездки для отдыха времени не хватало, и он выбирал чаще такие места, как «эстляндское взморье», — недалеко от Петербурга. Но лето обычно посвящалось раскопкам — научные изыскания Спицына не прекращались. «Кроме археологии для него, в сущности, другой настоящей жизни и не было» ⁶³. «Археологом-энтузиастом» ⁶⁴ назвал его академик С.А. Жебелев. «Хотелось бы заняться загадочными майданами», — писал Спицын в 1904 г., подтверждая широту своих интересов. Возвращаясь с раскопок, он чувствовал «обычное... рабочее осеннее вдохновение» ⁶⁵. Садился за стол, и новые ценные работы выходили из-под его пера, благо, что читателей было немало.

Авторитет Александра Андреевича неуклонно рос. В 1907 г. один из центральных журналов писал о нем: «...удивляешься... исключительной энергии и осведомленности А.А. Спицына. Трудно назвать еще кого-нибудь, кто бы так самоотверженно и широко работал в Русском отделении нашего Археологического общества» ⁶⁶.

В 1909 г., имея уже огромный опыт, он стал преподавать в Императорском Петербургском университете: читал курс по русской археологии — первым в истории страны. Его приняла кафедра русской истории, руководимая Платоновым. Все началось с пробной лекции о восточных торговых путях норманнов. Александр Андреевич не был оратором, но студенты ценили его увлеченность и искренность. Занятия проходили в Археологическом кабинете, на пользу которого Александр Андреевич пожертвовал часть своих книг. Под его руководством студенты проводили археологические раскопки и делали это на высоком методическом уровне, что для Спицына было едва ли не законом.

Звание приват-доцента он получил без предварительного испытания (без сдачи магистерских экзаменов), что было уникальным случаем. Он был непререкаемым знатоком бронзового века, русских древностей. Но круг научных интересов ширился: нумизматика, русская миниатюра, предметы с выемчатой эмалью... — приходили все новые темы, вдохновляя на яркие эпитеты: «любопытнейший... великолепный... весьма не лишенный красоты...» ⁶⁷. Каждая новая его публикация была событием в научной жизни. Своими знаниями он продолжал делиться, охотно давая все новые консультации.

В 1911 г. Сарапульский земский музей благодарил его «за содействие, оказываемое им Комитету музея своими советами в разных... делах...» ⁶⁸. И действительно он «активно сотрудничал с музеем» ⁶⁹. Но значение Спицына было, разумеется, всероссийским. Сарапульский музей — лишь один из примеров, известных нам.

Можно говорить и об известности ученого за рубежом. В 1912 г. как член ИАК он побывал на международном Археологическом кон-

грессе в Стокгольме. Заграничные поездки случались и в дальнейшем, хотя не слишком часто. В ходе таких вояжей он преследовал разные цели. Его по-прежнему интересовал опыт зарубежных ученых. Знал он и английского археолога У.-Б. Докинса, нашедшего следы бронзового века при раскопках пещер близ Дербишира. Докинс столкнулся с соединением культурных слоев разных времен, чем Спицын тоже был озадачен. С началом первой мировой войны поездки за рубеж прекратились: война несла разрушение и науке.

В 1916 г. Александр Андреевич стал действительным статским советником, участвуя теперь в представлении монарху особо ценных археологических находок. Были и другие знаки внимания к его деятельности. Он был награжден орденами Св. Анны и Св. Станислава II степени, Св. Владимира IV степени.

Влияние и вес Спицына продолжали расти, появились и недруги, охотники противопоставлять Петербург со Спицыным — Москве с другим выдающимся археологом В.А. Городцовым. На обвинения в поддержке розни среди археологов двух столиц, ученый отозвался с грустью: «Очевидно, что кошка пробежала меж людьми; они перестали друг друга понимать...»⁷⁰.

О его взглядах на революции, на 1917 год в частности, информации нет. Известно лишь, что, целиком погруженный в науку, он не вступил ни в одну из политических партий. В трудах его нет и малейших признаков политизированности. Едва ли не важнейшим событием в жизни Спицына в 1918 г. стало его избрание старшим членом ИАК. Осенью 1918 г. советская власть присвоила ему звание профессора Петроградского университета, что, впрочем, могло бы произойти и при Николае II.

В годы Гражданской войны, несмотря на голод и неустроенность жизни, Спицын продолжал вести занятия по археологии, причем часто на своей квартире. По окончании войны его пригласили в Каунас, где он сотрудничал с местным военно-историческим музеем. Итогом работы в Прибалтике стала статья «Литовские древности»⁷¹, а также университетский курс «Прибалтийские древности». Славянофила по убеждениям, его влекла к себе не только славяно-русская старина.

В 1923 г. один из крупнейших организаторов краеведческой работы в стране Спицын приезжал в Вятку на Первый областной краеведческий съезд. Черты прошлой жизни просматривались уже не четко: Вятка меняла свой облик.

Рубежным стал 1927 г. — его избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. И резонен вопрос: не слишком ли поздно для столь маститого ученого, воспитавшего плеяду замечательных историков?

В 1927 г. Спицын обмолвился, что «составил описания многих губерний и выжидает благоприятного момента для их издания»⁷². Особые надежды он возлагал на давно задуманную энциклопедию «Словарь русской старины». Но не всем планам суждено было осуществиться.

Еще труднее стало в 1930 г., когда в стране объявили о «вредительских центрах», а отношение к старой интеллигенции явственно ухудшилось: его уволили из Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), преемницы ИАК⁷³. После его пуб-

ликация в Чехословакии в благонадежности Спицына власть стала сомневаться. Из престижного дома на Мытнинской набережной с видом на «блистательный Петербург» пришлось перебраться на скромную Провиантскую улицу, в дом № 8 на Петроградской стороне ⁷⁴. То были унижительные перемены, но удивлений они не вызывают. Трудно интеллигенту, остающемуся самим собой, процветать при всех политических режимах. Тем более что, целиком предаваясь науке, он мало прислушивался к сигналам извне, а они свидетельствовали о больших переменах. Тем не менее, его сын Михаил в 1952 г. был удостоен Сталинской премии по номинации «Выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы».

Что до Александра Андреевича, то изгнание из ГАИМК стало для него тяжким ударом. Активная роль в научной жизни казалась теперь невозможной. Тем не менее, свыше 300 его научных трудов было уже опубликовано. Теплилась надежда на новые публикации, хотелось делиться накопленным опытом. Но в 1931 г., тяжело заболев, Александр Андреевич ушел из жизни. Это произошло 17 сентября. Его похоронили на Смоленском кладбище Петербурга, где покоятся знаменитые ученые: Н.Н. Зинин, В.В. Петров, П.П. Семёнов-Тян-Шанский, чтимая православными Ксения Петербургская и др., где первоначально похоронили А.А. Блока.

Обстоятельства не благоприятствовали Спицыну и после его смерти. Во время блокады Ленинграда зажигательная бомба попала в дом № 8 на Провиантской улице, и пожар уничтожил архив ученого.

Благие перемены начались после Великой Отечественной войны. «Одним из лучших сынов русского народа» назвала его в 1948 г. редакция «Советской археологии» ⁷⁵. Память о Спицыне сохранялась и в дальнейшем. «Его роль была огромной» ⁷⁶, — уверенно утверждает современный специалист. Спицына цитируют во множестве научных трудов. По нему сверяют исследовательскую деятельность.

Прошло более 80 лет после смерти ученого. Но мысленная связь с ним сохранилась. Сквозь толщу десятилетий будто доносится его голос: «Памятники старины непрерывно гибнут... Необходимо спасать... наш драгоценный исторический материал...» ⁷⁷.

Примечания

1. Город располагался на Казанском тракте, по середине между Вяткой и Казанью.
2. Другой город Вятской губернии, в 140 километрах от Яранска.
3. Цит. по: ФОРМОЗОВ А.А. К биографии А.А. Спицына. — Советская археология. 1987, № 2, с. 263.
4. ЖДАН (СПИЦЫНА) Е.А. Из далекого прошлого. Калуга. 1999, с. 11.
5. Там же, с. 12.
6. Там же, с. 122.
7. Там же, с. 63.
8. Там же.
9. Цит. по: БЕРДИНСКИХ В.А. Русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века. М.-Киров. 1995, с. 182.
10. Там же, с. 264.
11. ДЕМИН В.Н. Циолковский. <http://lib.rus.ei/b/146992/read>.
12. СПИЦЫН А.А. К истории вятских инородцев. Вятка. 1888, с. 1.

13. Государственный архив Пермского края (ГАПК), ф. 613, оп. 2, д. 500, л. 7.
14. А.А. Спицын — Ф.А. Теплоухову, 5 февраля 1889 г. Там же.
15. История города Кирова: 1374—1974. Киров. 1974, с. 76.
16. ГАПК, ф. 613, оп. 2, д. 500, л. 10.
17. БЕРДИНСКИХ В.А. Ук. соч., с. 176.
18. СПИЦЫН А.А. Разведки памятников материальной культуры. Л. 1927, с. 4.
19. ГАПК, ф. 613, оп. 2, д. 500, л. 8.
20. Там же, л. 6.
21. СПИЦЫН А.А. Новые сведения о медном веке в средней и северной России. — Записки Русского отделения Императорского русского археологического общества, т. II, с. 10.
22. ПАСЕК Т.С., ЛАТЫНИН Б.А. К столетию со дня рождения А.А. Спицына (1858—1931). — Советская археология. 1958, № 3, с. 6.
23. ГАПК, ф. 613, оп. 3, д. 81, л. 1; оп. 2, д. 500, л. 9об.
24. Там же, оп. 3, д. 81, л. 1.
25. ПЕТРЯЕВ Е.Д. Вятские книголюбы. Киров. 1986, с. 109.
26. ГАПК, ф. 613, оп. 2, д. 500, л. 9об.
27. Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. 1893, № 7—8, с. 262—264.
28. ГАПК, ф. 613, оп. 2, д. 500, л. 29об.
29. СПИЦЫН А.А. Археологические раскопки. СПб. 1910, с. 7.
30. ЕГО ЖЕ. Земля и люди на Вятке в XVII веке. Вятка. 1886, с. 1.
31. ЕГО ЖЕ. Свод летописных известий о Вятском крае. Вятка. 1883, с. 3.
32. ТИХОНОВ И.Л. Деятельность А.А. Спицына в Санкт-Петербурге (1892—1931). — Российская археология. 2009, № 3, с. 145.
33. ПАСЕК Т.С., ЛАТЫНИН Б.А. Ук. соч., с. 4, 6.
34. СПИЦЫН А.А. Археологические разведки. СПб. 1908, с. 3.
35. Там же, с. 96.
36. СПИЦЫН А.А. Археологические раскопки, с. 5.
37. ГАПК, ф. 613, оп. 3, д. 81, л. 3об.; оп. 2, д. 500, л. 18об.
38. А.А. Спицын — Ф.А. Теплоухову, 8 июня 1889 г. — Там же, оп. 2, д. 500, л. 8об.
39. МЕЛЬНИКОВ В.Л. А.А. Спицын и Н.К. Рерих. <http://ethics.narod.ru/articles8/3604.htm>.
40. СПИЦЫН А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — Журнал Министерства народного просвещения. 1899, вып. VIII, с. 302.
41. ЕГО ЖЕ. Археологические материалы и мелкие заметки. СПб. 1902, с. 36.
42. КЛЕЙН Л.С. Место А.А. Спицына в мировой археологии. История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения... А.А. Спицына... 26—30 ноября 2008 г. СПб. 2008, с. 65.
43. НОСОВ Е.Н. Александр Андреевич Спицын (размышления о научном творчестве). — История и практика..., с. 134.
44. Археологические известия и заметки... 1894, № 5, с. 167.
45. СПИЦЫН А.А. Археологические разведки, с. 3.
46. РЫБАКОВ Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М. 1982, с. 68.
47. ГАПК, ф. 613, оп. 2, д. 500, л. 21об.
48. Там же, л. 12, 15об.
49. СПИЦЫН А.А. Заметка о курганах Курской губернии. — Археологические известия и заметки... 1894, № 10, с. 327.
50. Цит. по: ПАСЕК Т.С., ЛАТЫНИН Б.А. Ук. соч., с. 5—6.
51. ГАПК, ф. 613, оп. 2, д. 500, л. 7об.
52. Сасаниды — династия иранских шахов, правила в 224—651 годах.
53. Археологические известия и заметки... 1894, № 5, с. 167—168.
54. ИГНАТЬЕВА О.В. А.А. Спицын как исследователь Пермского звериного стиля. История и практика..., с. 47.
55. ГАПК, ф. 613, оп. 2, д. 500, л. 2об.
56. Там же, л. 22об.

57. БЕЛАВИН А.М., КРЫЛАСОВА Н.Б. Роль А.А. Спицына в возникновении научной археологии в Пермской губернии. История и практика..., с. 11.
58. КОЖИН П.М. Пути в минувшее (Александр Андреевич Спицын в русской исторической науке). История и практика..., с. 75.
59. ТИХОНОВ И.Л. Ук. соч., с. 148, 154.
60. ГАПК, ф. 613, оп. 2, д. 500, л. 13.
61. Там же, л. 18об.
62. Там же, л. 27об.
63. Советская археология. 1948, т. X, с. 7.
64. ЖЕБЕЛЕВ С.А. Археолог-энтузиаст. — Там же, с. 9.
65. ГАПК, ф. 613, оп. 2, д. 500, л. 30; оп. 3, д. 81, л. 3об.
66. Старые годы. 1907, март, с. 101.
67. СПИЦЫН А.А. Предметы с выемчатой эмалью. СПб. 1903.
68. Краткий отчет о деятельности Музея Сарапульского уездного земства за время с 5 апреля 1911 года по 1 января 1912 года. — Известия Сарапульского земского музея. 1913, вып. 3, с. 66.
69. МЕЛЬНИКОВА О.М. Становление профессиональной археологии в российской провинции в начале XX в.: А.А. Спицын и музей Сарапульского земства (по материалам ЦГА УР). История и практика..., с. 122.
70. Цит. по: БЕРДИНСКИХ В.А. Ук. соч., с. 181—182.
71. Государственный архив Кировской области, ф. Р-139, оп. 1, д. 60, л. 142.
72. СПИЦЫН А.А. Разведки..., с. 4.
73. Если быть более точным, то на смену ИАК сначала пришла Российская академия истории материальной культуры.
74. Дата переезда неизвестна: возможно, это произошло до 1930 года.
75. Советская археология. 1948, т. X, с. 7.
76. КЛЕЙН Л.С. Ук. соч., с. 62.
77. СПИЦЫН А.А. Археологические раскопки, с. 6.

Стахановское движение и советские профсоюзы в 1935—1936 гг.

Чжун вэ Чжо

В четвертом квартале 1935 г. после сообщений о рекордном достижении А.Г. Стаханова началась огромная политическая кампания. Было развернуто так называемое стахановское движение, организованное в ходе многочисленных совещаний и пленумов государственных учреждений и «общественных» организаций; оно получило статус общенационального движения, в котором участвовали советское руководство и рабочие. Партийные и хозяйственные власти всячески поддерживали его распространение. Движение действительно напоминало предыдущие производственные кампании, проведенные в начале первой пятилетки, и было особенно примечательно тем, что возрождение рабочего энтузиазма пришлось на то время, когда прежние моральные стимулы мобилизации труда рабочих потеряли свою эффективность после 1931 г.

Профсоюзы, выполнявшие с момента начала сталинской индустриализации роль «авангарда производства», приняли активное участие в организации кампании. Они выпускали обращения и распоряжения, направленные на мобилизацию рабочих, проводили собрания и совещания в своих организациях для поддержки распространения стахановского движения. Партия обеспечивала официальную поддержку и издавала политические директивы, проводила пленумы. Профсоюзы снова показали значение своей производственной функции, как в период кампании «лицом к производству» во время первой пятилетки.

Реакция профсоюзов на развитие стахановского движения, однако, проявилась не сразу. В сентябре 1935 г., за первый месяц стахановского движения, «Труд», профсоюзная газета, опубликовала только 15 сентября одну редакционную статью о том, что должно быть организовано социалистическое соревнование на основе стахановс-

Чжун вэ Чжо — доктор исторических наук (PhD), преподаватель Сеульского национального университета. Республика Корея.

кого метода. Более того, вплоть до середины ноября, когда состоялось совещание ВЦСПС, центральных комитетов отраслевых профсоюзов, Московского областного совета профсоюзов и московского профактива со стахановцами, профсоюзы не выразили значительную официальную реакцию на стахановское движение. Исключение составило их обращение от 17 октября, ко времени которого уже состоялись многочисленные совещания в учреждениях и на предприятиях¹. Даже ноябрьское совещание фактически произошло лишь после 1-го Всесоюзного совещания стахановцев промышленности и транспорта 14—17 ноября, которое было организовано партией. Кроме того, несмотря на то, что главным вопросом повестки дня совещания считалось стахановское движение, на самом деле обсуждалась реорганизация профсоюзной деятельности в сфере социального обеспечения, поводом для которой стало стахановское движение. Когда же совещание закончилось, участники его заявили в письме И.В. Сталину, что они обещают «круто и решительно» пересмотреть работу всех своих профсоюзных организаций и ликвидировать отставание профсоюзов путем активного участия в стахановском движении². Только после пленума ЦК ВКП(б) в декабре профсоюзы официально разъяснили, что следует сделать для развития стахановского движения, и, наконец, присоединились к кампании.

Почему же профсоюзы демонстрировали такое вялое и даже пассивное отношение к развитию стахановского движения в четвертом квартале 1935 г. — в отличие от того, что наблюдалось в течение предыдущей кампании «лицом к производству» в 1929 году? С чем была связана запоздавшая реакция профсоюзов на стахановское движение в этот ключевой период его возникновения? Как отдельные союзы реагировали на стахановскую кампанию и какие получали руководящие указания ВЦСПС?

Стахановским движением, его основанием, развитием, значением для советской экономики и общественной жизни занимались многие исследователи. Советские авторы обращали внимание на его вклад в развитие производства в СССР. В работах практиков, пропагандистов и экономистов, написанных еще в годы самой кампании, рассматривалось ее влияние на производительность труда и рост производства в отдельных отраслях³. Стахановское движение на местах, в Ленинграде и Москве было освещено В. Селицким и Т.С. Александровой с использованием архивных документов⁴. Особенно высоко оценивался вклад стахановцев в производство. Не остались без внимания изменения в организации производства⁵. О.А. Ерманский в 1940 г. высказал мнение, что стахановское движение было спонтанным и страдало от отсутствия интереса к нему и даже вызвало сопротивление рабочих⁶, что отличалось от прежней официальной интерпретации.

После второй мировой войны советские историки заняли более ортодоксальную позицию. С.Р. Гершберг и Р.Я. Хабибулина, рассматривая различные аспекты деятельности партии по развитию новаторства на ленинградских предприятиях, развивали традиционную точку зрения: партия играла ведущую роль в развитии стахановского движения⁷. Такая интерпретация преобладала до 1970-х годов, когда изучение стахановского движения получило более широкий размах.

В 1970-х годах стахановское движение изучалось в связи с историей и развитием социалистического соревнования, а также рабочего класса⁸. Изучение социалистического соревнования продолжалось в 1980-е годы⁹. При этом подчеркивалась ведущая роль партии в развитии социалистического соревнования и, в частности, стахановского движения¹⁰. Были также опубликованы мемуары первых стахановских рекордсменов¹¹.

Несмотря на большое количество статей и монографий о стахановском движении, очень редко можно встретить работы, в которых бы рассматривалась связь стахановского движения с профсоюзами в ключевой период четвертого квартала 1935 г. — первой половины 1936 года¹².

В 1985 г. пятидесятилетие начала стахановского движения ознаменовалось вновь выпуском ряда работ по его истории¹³. Наряду с попытками дать объяснение стахановскому движению в целом и определить его основные этапы проявилось стремление — в духе наступившего времени — прояснить роль «человеческого фактора» в самом движении и в развитии советской экономики¹⁴.

Тогда же стахановское движение привлекло внимание западных исследователей, изучавших политическую, социальную и экономическую жизнь СССР второй половины 1930-х годов. Д. Фильцер пришел к выводу, что стахановцев можно рассматривать как рабочую аристократию и что результат движения был следствием не напряженной работы стахановцев-рабочих, а достижений начала второй пятилетки. Согласно его аргументации, объемы производства, зачисленные в качестве результата стахановского движения, были нереальными, а «последующие остановки производства и постоянная неэффективность организации вспомогательных работ съедали большую часть роста производительности рекордсменов»¹⁵. Между тем исследования Дж. Барбера показали, что «тех рабочих, которые получили значительные блага от стахановского движения, было почти наверняка слишком мало, чтобы образовать элиту в собственном смысле этого слова», в то время как другие получили меньшие вознаграждения и не добились таких привилегий, которые бы отличали их от основной массы рабочих^{16, 17}. Он пришел к заключению, что стахановское движение выявило пределы сталинской системы середины 1930-х гг., где принципиальное совершенствование методов труда и организации производства вряд ли было возможно.

Обширное исследование посвятил стахановскому движению Л. Сигельбаум. В целом соглашаясь с тезисом о тоталитарном характере сталинского общества и с тем, что государственное принуждение играло в этой системе определяющую роль, он при этом выдвигает иную точку зрения. По его мнению, «отношения между государством и обществом в промышленной сфере были намного сложнее и их границы были больше подвижны, чем обычно считают». Но по вопросу о том, являлись ли рабочие-стахановцы рабочей аристократией, Сигельбаум также высказал скептическое мнение: «Та аристократия, которая включает свыше 25% всех промышленных рабочих, не аристократия вообще». Сигельбаум пришел к выводу, что стахановское движение сыграло свою роль в интенсификации производства, позволяя не делать уступок в сфере управления производством или автономности предприятий¹⁸.

Эволюцию точек зрения советской историографии стахановского движения проследил В. Шлапентох. Сравнив три версии советской энциклопедии (1947, 1957 и 1976 г.), он нашел, что каждая из них отражала особенности официальной трактовки, менявшейся с течением времени ¹⁹.

В монографиях, специально посвященных стахановскому движению, предпринимались усилия понять роль этого явления в советской экономике. В совместной статье авторы (О. Хлевнюк и Р. Дэвис) показали, что, в отличие от предыдущего этапа экономического развития, во второй половине 1935 г. наблюдался переход к массивной инвестиционной политике. По их мнению, это произошло до начала стахановского движения, и власти ожидали, что кампания «приведет к особо значительному подъему в производстве без дальнейших инвестиций», но это движение осталось только «одноквартальным всплеском в общем подъеме производительности, который начался задолго до стахановской кампании» ²⁰.

Другие историки касались истории стахановского движения при изучении иных вопросов социально-экономического развития СССР. Э. Рис с этой точки зрения обратил внимание на кампанию, развернутую в железнодорожном транспорте в 1930-е годы ²¹, а С. Дэвис — на восприятие ее в общественном мнении (ее работа во многом основана на материалах ленинградских архивов) ²². В исследовании М. Бакли был поставлен несколько неожиданный вопрос о том, существовало ли стахановское движение в советской деревне. Она показала, что «серьезную связь с движением имело лишь меньшинство крестьянства» ²³. Бакли также рассмотрела роль профсоюзов в сельском стахановском движении и пришла к выводу, что «профсоюзы реагировали на требования стахановцев» попытками обеспечить для них улучшение условий жизни и работы ²⁴.

Статья Ф. Бенвенути — единственная работа, в которой хотя бы кратко затрагивается положение профсоюзов в период подъема стахановского движения. В последние месяцы 1935 г., по его мнению, профсоюзам был нанесен удар, от которого они не смогли оправиться, и именно появление стахановского движения подготовило почву для этого ²⁵. Действительно, нечто важное произошло с профсоюзами в ноябре—декабре 1935 г., но выражение «нанесен удар» здесь мало подходит.

Тот факт, что за стахановским движением хронологически следовал Большой террор, является важным, ключевым моментом, который нельзя упускать из вида. Р. Терстон утверждал, что стахановское движение сыграло свою роль в формировании атмосферы для террора на рабочих местах в 1936—1938 годах. Он считает, что люди были «жертвами государства», а также «участниками репрессий», причем разочарования и неудовлетворенные ожидания рабочих подготовили их к этой роли ²⁶. М. Гелб также пришел к выводу, что «стахановское движение действительно облегчило проведение террора, ибо оно вынудило рабочих видеть во всех промышленных администраторах и инженерах возможных «саботажников»» ²⁷.

В ночь с 30 на 31 августа Стаханов добыл 102 т угля за 6 часов и превысил норму в 6 раз ²⁸. За этим трудовым подвигом сразу последовали рекорды, установленные другими шахтерами Донбасса.

2 сентября Поздняков добыл 61 т угля за одну смену, а на следующий день М. Дюканов, местный парторг, установил еще один рекорд. 4 сентября Терехин, горный рабочий шахты им. Карла Маркса, добыл 119 т угля, а на следующий день Концедалов, комсомолец, добился еще одного рекордного результата в 125 тонн. Сведения об этих успехах быстро распространились среди рабочих в Донбассе и привлекли внимание местных и центральных органов власти и прессы. Руководство угольной промышленности немедленно созвало совещание, чтобы обсудить эти достижения. Кроме того, ЦК профсоюза провел в Донбассе вседонецкий конкурс на звание лучшего мастера. Редакция газеты «Труд» предложила в открытом письме организовать социалистическое соревнование на основе метода Стаханова. Г.К. Орджоникидзе дал указание, чтобы метод Стаханова распространили на всех шахтах в сентябре и октябре 1935 года ²⁹.

В октябре движение стало выходить за пределы Донбасса, хотя это еще не было народной кампанией. Метод Стаханова стал применяться на заводах и шахтах в Кузбассе, Баку, Свердловске и на Кавказе. В приветствии всесоюзному совещанию стахановско-бусыгинских рабочих в автотракторной промышленности в том же месяце Орджоникидзе призвал всех мастеров, техников, инженеров и директоров главных управлений и трестов, все партийные и профсоюзные организации способствовать стахановско-бусыгинскому движению во всех предприятиях тяжелой промышленности. 17 октября ВЦСПС призвал сделать стахановское движение массовой кампанией ³⁰.

Тем временем состоялся ряд приемов стахановцев-рабочих высшими должностными лицами. 15 октября В.М. Молотов и Н.К. Антипов приняли стахановцев текстильной и обувной промышленности в Совнарком в присутствии их наркома И.Е. Любимова. 20 октября Н.С. Хрущев присутствовал на общемосковском совещании стахановцев; на следующий день А.А. Жданов, секретарь Ленинградского обкома партии, встретился с 50 стахановцами. Н.М. Шверник также выступил перед участникам совещания; это было первое выступление высокопоставленного профсоюзного чиновника по поводу движения ³¹.

22 октября бюро Ленинградского горкома партии наметило общезаводское совещание стахановцев-рабочих на 25 октября. На следующий день пленум горкома заслушал доклады председателей фабрично-заводских и местных комитетов, секретарей парткомов и директоров предприятий о стахановском движении ³².

Несмотря на все усилия местных партийных и профсоюзных организаций, направленные на поддержку стахановского движения, сталинское руководство в первые месяцы не выразило своей официальной реакции. Приемы, проведенные несколькими наркомками, выглядят исключением; они показывают, что Политбюро поддерживало стахановское движение, но Сталин хранил молчание. Даже ВЦСПС опубликовал призыв не раньше, чем в конце октября, когда почти два месяца истекло после новости о рекордных достижениях Стаханова.

Молчание партийного и профсоюзного руководства и Сталина было прервано на 1-м Всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановок, в котором участвовали все члены Политбюро и 3000

ударников-стахановцев тяжелой, легкой, пищевой, лесной отраслей промышленности и железнодорожного транспорта. Сталин в своем обращении к совещанию указал основные направления кампании, определив ее как движение тех рабочих, которые поставили своей целью преодолеть текущие технические нормы, существующие мощности, производственные планы и балансы³³. Первая задача движения состояла в том, чтобы распространить кампанию на все уголки страны. Стахановское движение теперь должно было развиваться как всенародная кампания, официально признанная пленумом партии в декабре.

Вопреки ожиданиям, ВЦСПС несколько месяцев не реагировал на развитие стахановского движения. В статье газеты ВЦСПС «Труд», посвященной сентябрьской дискуссии в ВЦСПС, через три недели после подвига Стаханова, стахановское движение вообще не упоминалось. Местные профсоюзные организации тоже, видимо, не получили каких-либо твердых директив из центра. Союз угольщиков Востока был подвергнут критике за бездействие относительно стахановского движения, затянувшегося до 23 сентября, несмотря на то, что двумя неделями раньше последовал призыв «Труда» распространять стахановский метод. В профсоюзе строителей легкой и пищевой промышленности профинструктор Саломати был обвинен в неудачном комментировании стахановского движения, а Новоселов, председатель профсоюза, назван сторонником бюрократического отношения к стахановскому движению. В Союзе металлургов Юга, как сообщалось, рабочие-стахановцы все еще ждали, что ЦК профсоюза предложит конкретные задачи³⁴.

Пассивное отношение профсоюзов к стахановскому движению принесло им серьезные проблемы. С начала октября профсоюзы в целом оказались под сильным давлением. 4 октября 1935 г. редакция «Труда» призвала к борьбе против саботажников стахановского движения в рядах профсоюзов. 11 октября «Труд», обращаясь к Союзам угольщиков Востока и Центра, призвал их идти в ногу со стахановцами-рабочими. В Донбассе профсоюзная организация и ее должностные лица были подвергнуты критике за неспособность бороться с хозяйственниками, препятствующими внедрению стахановского трудового метода, или создать условия, необходимые для стахановцев-рабочих³⁵. Ленинградская партийная организация через «Ленинградскую правду» 4 октября 1935 г. обвиняла профсоюзные организации в том, что они не поддерживают инициативу рабочих-ударников, не гарантируют стахановскому движению возможность быстро развиваться. 16 октября более серьезная критика последовала в редакционной статье газеты «Труд» с таким же заголовком — «Огонь по саботажникам» — как и в «Правде» от 20 сентября. Редакция утверждала, что профсоюзные чиновники помогали саботажникам, что они игнорировали попытки поднять нормы стахановцев-рабочих и демонстрировали бюрократическое отношение к движению.

Оказавшись под потоком критики, профсоюзы дали свой первый официальный ответ на следующий день. ВЦСПС нарушил свое молчание и, наконец, объявил призыв развивать стахановское движение³⁶. В

нем была сформулирована задача превратить стахановское движение в массовую кампанию, бороться против саботажа и бюрократического отношения, а также предоставлять материальные выгоды рабочим-стахановцам и их семьям. Вместе с тем призыв, очевидно, был сделан со значительной неохотой, в ответ на резкую критику, и за ним не последовали дополнительные меры и усилия. В дальнейшем осуждение профсоюзов за их позицию в отношении развития стахановского движения продолжалось. 27 октября «Труд» опубликовал редакционную статью под названием «Не опешлять», в которой указывалось на некомпетентность профсоюзов.

Тем не менее, начиная с ноября, в позиции профсоюзов произошли значительные изменения. 2 ноября в кабинете Шверника состоялось совещание председателей отраслевых союзов. Обсуждался вопрос о том, как помочь стахановскому движению, и было решено заслушать доклады от трех союзов об их будущей работе по развертыванию кампании. Примерно тогда же высокопоставленные партийные и государственные лидеры, такие как Я.Э. Рудзук, В.И. Межлаук и Л.М. Каганович, тоже встретились с рядом стахановцев. 10 ноября ВЦСПС провел намеченное совещание, где было указано, что все рабочие должны быть вовлечены в эту кампанию ³⁷.

Созывом стахановского совещания ВЦСПС начал содействовать распространению стахановского движения в масштабе страны. В своем обращении к совещанию Шверник впервые назвал основные задачи профсоюзов: распространение стахановского опыта работы, поднятие отсталых рабочих до уровня передовых, поддержка всех начинаний стахановцев в борьбе за высокую производительность труда. После совещания профсоюзные организации начали проводить собрания и совещания, принимая участие в развитии стахановского движения. 22 ноября было проведено совещание городского профсоюзного актива в Ленинграде ³⁸. Через три дня президиум областного совета профсоюзов принял два постановления: одно — о насущных задачах профсоюзных организаций сферы культуры в отношении стахановского движения, другое — о привилегиях стахановцев в социальном обеспечении; было решено для стахановцев открыть три дома отдыха ³⁹. С 23 ноября секретариат ВЦСПС стал регулярно включать в повестку дня пункт о стахановском движении. Для развития движения и улучшения профсоюзной работы ВЦСПС создал группу из 17 инструкторов на период 15—30 дней ⁴⁰. Тем не менее, эти усилия не защитили профсоюзы от критики, а призывы «ликвидировать отставание профсоюзов» раздавались вплоть до открытия пленума ЦК партии в декабре ⁴¹.

В конце ноября после закрытия стахановского совещания состоялось еще одно очень важное совещание, на котором и произошло то, что дает ключ к пониманию причин запоздалой реакции профсоюзов на стахановское движение. Совещание ВЦСПС, Московского областного совета профсоюзов, профсоюзных центральных комитетов и московского профактива со стахановцами, проведенное 18—19 ноября, внешне не отличалось от обычных совещаний других учреждений и организаций с целью поощрения стахановской кампании.

Шверник выступил с речью о соответствующей реорганизации профсоюзной работы, в которой старательно следовал основным положениям обращения Сталина к стахановскому совещанию. В ходе обсуждения доклада, однако, В.И. Полонский, секретарь ВЦСПС, сообщил о поразительном факте: в мае 1935 г. секретари ВЦСПС имели разговор со Сталиным о работе профсоюзов. По словам Полонского, на этой встрече Сталин сделал выговор руководству ВЦСПС и предложил программу реорганизации профсоюзной работы. После выступления Полонского А.К. Аболин, секретарь ВЦСПС, заявил, что работа ВЦСПС находится в кризисе, потому что этот орган не признает изменившейся ситуации, а именно: успешная индустриализация радикально улучшила положение рабочего класса, а перед профсоюзами открыла возможности удовлетворить растущие материальные потребности своих членов⁴². Г.Д. Вейнберг, другой секретарь ВЦСПС, сделал еще один шаг, сформулировав три причины, которые привели к кризису в профсоюзах, и потребовал проведения самокритики для того, чтобы кризис был преодолен. По его словам, вредными факторами были игнорирование работы по повышению благосостояния, нарушение принципов профсоюзной демократии и недостаточная подготовка нового Устава профсоюзов⁴³.

Заявления секретарей ВЦСПС продолжались и после совещания. На совещании профсоюзного актива и стахановцев в Иванове Н.Н. Евреинов сообщил, что ЦК партии имел указание Сталина создать специальную комиссию во главе с Кагановичем для решения профсоюзного вопроса. Он также утверждал, что кризис был вызван самими профсоюзами и должен быть преодолен через стахановское движение⁴⁴. На заседании горьковского профактива 13 декабря Полонский более конкретно заявил, что работа профсоюзов не соответствовала инструкциям Сталина и даже есть случаи их сокрытия. Он также подтвердил, что комиссия Кагановича начала свою работу. Среди ее задач были: поощрение профсоюзной демократии, сотрудничество с руководителями производства в целях повышения их образовательного уровня, работа в массах, обслуживание запросов бытовой жизни рабочих⁴⁵.

По поводу этих заявлений, в частности Полонского, Бенвенути утверждал, что по профсоюзам в ноябре—декабре 1935 г. был нанесен удар такой силы, что от него они не смогли оправиться. И «отнюдь не ясно», пишет он, «было ли то, что случилось с советскими профсоюзами в зимний период 1935 г., только продолжением уже начавшегося процесса». По мнению Бенвенути, Полонский заявил, что «профсоюзам следует отказаться от любой вспомогательной роли при переговорах внутри заводов, когда они должны ограничиваться лишь “помощью” администрации». Таким образом, «профсоюзы больше не будут иметь возможность вмешиваться в процесс определения заработной платы». Стахановское движение, утверждал он, «создало нужный политический климат для заявлений Полонского на основании мнения Сталина о профсоюзах»⁴⁶.

Учитывая общее направление развития профсоюзов в середине 1930-х гг., трудно согласиться с мнением Бенвенути, хотя оно содержит определенную долю истины. Очевидно, то, что имело место, нельзя

назвать «ударом», хотя, действительно, заявления секретарей ВЦСПС вызывают удивление. Кроме того, не совсем понятно, что Бенвенути имел в виду под выражением «уже начавшийся процесс». Что касается «нужного политического климата», то сомнительно, чтобы стахановское движение на самом деле дало такой импульс. Чтобы лучше объяснять эти моменты, понять причины запоздалого участия ВЦСПС в стахановском движении, необходимо рассмотреть то, что происходило в советском и профсоюзном руководстве в месяцы, предшествовавшие возникновению стахановского движения.

После того как роль профсоюзов в мобилизации рабочих значительно снизилась с окончанием первой пятилетки, направление их основной деятельности с 1933 г. начало сдвигаться к вопросам социального обеспечения трудящихся. В середине 1935 г. Сталин и другие партийные лидеры пытались зафиксировать это изменение в форме Устава, путем видоизменения структуры и функций профсоюзов. С этой целью был проведен ряд встреч и бесед с руководством ВЦСПС. Полонский, отвечавший за организационную структуру ВЦСПС, присутствовал на всех встречах секретарей ВЦСПС со Сталиным в Политбюро и в его кабинете. 26 мая Каганович и Полонский вдвоем пришли к Сталину и провели у него около двух с половиной часов, а затем Каганович остался еще на 50 минут⁴⁷. Сталин, беседуя с секретарями ВЦСПС в своем кабинете, сформулировал позицию: «Вопросы культуры и быта — вот сущность и основа профсоюзной работы»⁴⁸. На этой встрече, надо полагать, был обсужден проект нового профсоюзного Устава — все участники беседы были ключевыми фигурами, решавшими вопросы в отношении профсоюзов. Такой смысл встречи подтверждается тем фактом, что «Правда» через неделю поместила передовицу, в которой подвергла профсоюзы критике за то, что они все еще остаются со своим старым Уставом 1926 г., не принимая новый даже после своего IX съезда в апреле 1932 года⁴⁹.

Вызовы Сталиным секретарей ВЦСПС продолжались летом. 10 июля Шверник, Вейнберг и Полонский были Сталина в течение часа в присутствии Кагановича⁵⁰. 28 июля Шверник, А.А. Андреев, Вейнберг, Полонский и А.В. Косарев участвовали в заседании Политбюро при обсуждении вопроса «о работе профсоюзов»⁵¹. Политбюро решило отложить выборы фабрично-заводских и местных комитетов и создать комиссию с Кагановичем во главе, с участием главных профсоюзных лидеров и Н.И. Ежова, по пересмотру тезисов ВЦСПС для переизбрания фабрично-заводских и местных комитетов на основе «предложения тов. Сталина» о «крупнейших мероприятиях, неизмеримо усиливающих роль профсоюзов в материальном и культурном обслуживании трудящихся масс»⁵². Таким образом, переизбрание фабрично-заводских и местных комитетов решено было проводить после принятия нового Устава, а в сентябре профсоюзы еще продолжали обсуждение того, что должно быть включено в их новый Устав⁵³.

Стахановская кампания заставила профсоюзы возобновить ту мобилизацию трудящихся, которую они выполняли во время первой пятилетки. Однако профсоюзы не были готовы немедленно сделать поддержку стахановского движения своей основной задачей, потому

что были заняты обсуждением нового Устава и проблем социального обеспечения. В октябре, когда критика профсоюзов за промедление с участием в развитии стахановского движения уже нарастала, они тем не менее обнародовали постановление по вопросам социального обеспечения рабочих и служащих нефтяной промышленности⁵⁴. В обращении к собранию членов ВЦСПС, отраслевых центральных комитетов и московского профактива со стахановцами в ноябре Шверник признал, что в первые месяцы кампании реакция профсоюзов была запоздалой из-за их занятости вопросами социального обеспечения. По его словам, теперь профсоюзы должны были уделять больше внимания стахановскому движению: «Профактивисты должны быть застрельщиками стахановских методов работы... В порядке большевистской самокритики надо здесь прямо заявить, что, начиная с ВЦСПС, большинства ЦК союзов и кончая фабзавкоммами, наше участие в стахановском движении до последнего времени не пошло пока дальше созыва в целом ряде случаев слетов и составления декларативных и циркулярных обращений. Не этого требует от нас тов. Сталин в своих указаниях о перестройке работы профсоюзов, не этого требует от нас стахановское движение... Профсоюзы, выполняя задачи, поставленные перед нами партией, должны заняться пропагандой методов работы стахановцев. Надо поддержать стахановцев во всех их начинаниях, разъяснить тем, кто отстает в работе, стахановские методы труда и роль, которую они играют в осуществлении социалистического строительства... Организовать передачу опыта стахановцев и подтянуть отстающих работников до уровня передовых — важнейшая задача, которая стоит перед профсоюзными организациями... Надо сделать производственное совещание орудием борьбы за развитие стахановского движения»⁵⁵.

Однако даже это запоздалое признание в ноябре не стало поворотным пунктом, хотя профсоюзы действительно начали подключаться к производственной кампании. Вместо того чтобы сделать стахановское движение центральной задачей, профсоюзное руководство полагало, что главное — перестроить работу своего аппарата в соответствии с инструкциями Сталина, как они их поняли. Поэтому секретари ВЦСПС рассказали, о чем Сталин говорил на майской встрече с ними после ноябрьского совещания. Усилия секретарей ВЦСПС по-прежнему сосредоточивались в сфере реформирования профсоюзной работы над такими проблемами, как профсоюзная демократия, улучшение культурно-бытовых условий рабочих и организационные аспекты, стахановское движение сюда не относилось.

Такой стиль руководства ВЦСПС вызвал замешательство или даже сопротивление со стороны нижестоящих профсоюзных организаций, включившихся в новую кампанию. На одном из заводов в Сталинском районе Донбасса некий Масленко, председатель областного совета профсоюзов, вступил в конфликт с комиссией ВЦСПС, которая была направлена для проверки деятельности Донбасской профсоюзной организации. Он утверждал, что главной задачей профсоюзов на данный момент была мобилизация рабочей силы, но комиссия расценила это как ошибку. Кроме того, комиссия предложила союзу участвовать в социально-культурной работе, но это вызвало возражения Масленко⁵⁶. В конце декабря в президиуме оренбургского област-

ного профсоюзного совета Шабалкин, представлявший новосибирские автопредприятия, признался, что профсоюзные организации не могут повести за собой или даже подготовить в достаточной степени стахановское движение, поскольку они не знают, какую они должны занять позицию⁵⁷. Шверник также признал позже, что деятельность профсоюзных организаций по организации стахановского движения не увенчалась успехом. Признавая ослабление роли профсоюзов в организации социалистического соревнования, он пытался объяснить это указаниями Сталина, называвшего вопросы культуры и благосостояния в качестве основных задач профсоюзов⁵⁸.

Таким образом, если выражение «удар», использованное Бенвенути со ссылкой на слова Полонского, кажется неточным, то определение «поразительный» является правильным, так как происходившие события были очень неожиданными. В сложившихся условиях стахановское движение могло обеспечивать соответствующий политический климат для самокритических заявлений профсоюзного руководства, но источники ничего не говорят о том, почему оно выбрало для своих заявлений ноябрьское совещание. В данном случае не было внезапно нанесенного удара зимой 1935 г.; в действительности профсоюзам приходилось переносить главное внимание на вопросы социального обеспечения, ослабляя традиционную функцию переговоров о заработной плате. В результате профсоюзы заняли ту позицию, на которой и оставались в предвоенные годы. Правда, переход на этот новый курс был на время резко приостановлен или прерван с открытием пленума партии в декабре 1935 г., который сделал стахановское движение официальной всенародной кампанией и вынудил профсоюзы сосредоточиться на их производственной функции, возвращаясь к курсу «лицом к производству».

Более чем через месяц после стахановского совещания в ноябре был проведен пленум ЦК партии с участием 3000 управленцев, инженеров, техников и рабочих-стахановцев. В своем докладе на пленуме Орджоникидзе признал недостатки в развитии стахановского движения, отметив, что оно не развивалось удовлетворительно в ряде отраслей промышленности⁵⁹. Пленум призвал распространить стахановское движение по всей стране и не допустить того, чтобы оно стало разовой кампанией. 27 декабря, сразу после пленума, «Правда» разъясняла: «Сейчас все усилия должны быть направлены к тому, чтобы стахановское движение в кратчайшие сроки превратилось во всенародное движение». Теперь оно получило официальное признание в качестве всенародной кампании.

В качестве практической меры для более широкого развития кампании пленум ЦК назвал пересмотр норм выработки, на которые следовало ориентироваться всем экономическим органам, профсоюзам и рабочим. В связи с установлением, согласно этому решению, новых норм, как для рабочих-стахановцев, так и для обычных рабочих, открывалась возможность повысить выработку, сохранив существующий уровень заработной платы и увеличивая фонд оплаты труда на основе прогрессивных сдельных расценок. Чтобы обсудить этот вопрос более подробно, пленум предложил наркоматам тяжелой, легкой и пищевой промышленности, а также Наркомату путей сообщения провести отраслевые совещания по пересмотру тех-

нических норм для оборудования, мощности предприятий и норм выработки ⁶⁰.

Эта задача вполне соответствовала принципу, выдвинутому на стахановском совещании в ноябре, на котором Сталин утверждал, что «нам нужны технические нормы, но не те, какие существуют теперь, а более высокие... Нормы, которые проходили бы где-нибудь посередине между нынешними техническими нормами и теми нормами, которых добились Стахановы и Бусыгины» ⁶¹. Жданов также отметил, что для организации роста стахановского движения и для установления правильного руководства предприятиями первым необходимым условием является устранение недостатков в нормировании труда и определении размера заработной платы ⁶². Теперь советское правительство стало официально поощрять повышение норм, тогда как в первые месяцы стахановского движения попытки поднять нормы выработки вызывали с его стороны критику.

Профсоюзы после пленума партии перешли к более деятельному развитию движения. Пленум ЦК ВКП(б) подчеркнул, что решающим условием выполнения всех задач стахановского движения была успешная работа партийных и профсоюзных организаций ⁶³. После пленума президиум ВЦСПС создал комиссию, составленную из всех секретарей ВЦСПС и главных профсоюзных руководителей, для выработки проекта постановления о мерах, связанных с решением пленума партии ⁶⁴. Принятое постановление делало основной упор на привлечение рабочих к пересмотру норм, а также на улучшение технических условий труда и социального обеспечения рабочих. Профорганизациям было предложено «широко популяризировать опыт и методы работы стахановцев», вести «разъяснительную работу в массах рабочих и работниц о необходимости замены устаревших норм, опрокинутых стахановским движением, новыми, более высокими техническими нормами, соответствующими достигнутому уровню нашей страны». Стахановцам и их семьям создавать «лучшие жилищные условия, предоставлять им в первую очередь путевки в дома отдыха и санатории, детские ясли и детские сады». При участии самих стахановцев профсоюзы должны были контролировать состояние технической учебы и помогать хозяйственным органам развешивать ее дальше, оказывать стахановцам содействие в организации технических кружков и лекций по специальным вопросам ⁶⁵.

Секретари ВЦСПС на своих совещаниях больше не поднимали вопрос о перестройке профсоюзной работы через стахановское движение. Критика профсоюзов в печати прекратилась. После пленума ЦК партии профсоюзы действительно сделали решительный поворот к кампании «лицом к производству», подразумевавшей создание режима социальных льгот для рабочих-стахановцев.

Одобренное пленумом ЦК партии изменение курса ВЦСПС распространилось на отраслевые союзы. В течение января 1936 г. состоялся ряд профсоюзных пленумов по отраслям с участием секретарей ВЦСПС ⁶⁶. Эти совещания получили общегосударственный размах и проводились более регулярно по сравнению с концом ноября, когда прошло лишь несколько профсоюзных совещаний о развитии стахановского движения. В центре внимания при этом был пересмотр норм

и условия социального обеспечения стахановцев, а также роль производственных совещаний. 7 февраля ВЦСПС призвал все профсоюзные организации проанализировать ход выполнения своего постановления от 27 декабря о стахановском движении ⁶⁷.

Вопреки ожиданиям советских властей, энтузиазм рабочих по отношению к стахановскому движению начал снижаться очень быстро. Уже в первые шесть недель 1936 г. было объявлено, что Кировоградский и Красноуральский медеплавильные заводы не достигли своих плановых показателей ⁶⁸. В феврале на Металлическом заводе в Ленинграде рабочие не выполнили плановое задание во время стахановской декады ⁶⁹. «Правда» с сожалением отметила, что объем промышленного производства за январь достиг только 89,4% от предыдущего года, несмотря на то, что Молотов называл 1936 г. стахановским годом ⁷⁰.

Производственные результаты в ряде отраслей первые месяцы 1936 г. не улучшались; в Донбассе добыча угля сократилась по сравнению с плановым заданием на первый квартал 1936 года, в апреле большое количество рабочих снова не выполнили задания и, таким образом, попытка ввести новые нормы не удалась ⁷¹. В том же месяце Ленинградский обком жаловался на неудовлетворительное состояние стахановского движения на таких предприятиях, как завод им. К. Маркса, фабрика им. М. Горького и «Большевичка» ⁷². «Правда» признавала, что в первом квартале 1936 г. стахановское движение развивалось неудовлетворительно, и призывала тяжелую промышленность сделать рывок в апреле ⁷³.

Об ослаблении движения свидетельствовали данные о количестве его участников. В Донбассе на одном из участков число шахтеров — участников стахановского движения сократилось до такой степени, что в период с января по март не осталось почти никого, в то время как в начале движения числились участниками 86 из 92 рабочих ⁷⁴. На заводе «Красная заря» число стахановцев, снижаясь с начала марта, в одной из мастерских сократилось на 60%. На Кировском заводе только 60—70% рабочих посещали занятия технической учебы ⁷⁵.

В связи с ослаблением стахановского движения возобновилась критика профсоюзов в прессе. На профсоюзные организации возлагалась ответственность за упадок движения, считалось, что они не выполнили отведенную им роль или неверно понимали свои задачи. В конце апреля был раскритикован ЦК Союза угольной промышленности Донбасса, который неудовлетворительно реализовал декабрьское решение президиума ВЦСПС о поддержке стахановского движения, не сумел закрепить те успехи в обслуживании стахановцев, которые были достигнуты в период подъема стахановского движения. В июне обнаружился и такой случай, когда, как было заявлено, профсоюзные бюрократы даже спрятали от рабочих постановление о стахановском движении в Донбассе ⁷⁶.

Прилагались напряженные усилия, чтобы возродить стахановское движение. Весной 1936 г. появились такие новые его формы, как стахановские машины, сквозные стахановские бригады, соревнование конвейеров, установление коллективных рекордов и др. ⁷⁷ В конце марта Орджоникидзе призвал рабочих тяжелой промышленности организовать стахановские мероприятия, приуроченные к 1 мая, и пред-

ложил в апреле рассмотреть вопрос о ходе стахановского движения в тяжелой промышленности ⁷⁸. 22 апреля ВЦСПС заслушал доклады союзов цветных металлов, горнорудной и донбасской угольной промышленности о состоянии стахановского движения и потребовал от них новых усилий ⁷⁹.

Кампания, однако, неудержимо шла на убыль. В июне Глусов, инструктор ВЦСПС, признал, что в донбасской угольной промышленности ударников стало меньше ⁸⁰. 29 июня Орджоникидзе в речи на заседании Совета при наркомате тяжелой промышленности признался, что «мы с вами, все вместе, не выполнили постановление ЦК партии» ⁸¹. Вопрос о состоянии стахановского движения обсуждался на заседаниях советов наркоматов тяжелой промышленности, путей сообщения и пищевой промышленности, проходивших в июне-июле 1936 года ⁸². На совещаниях раздавались похвалы огромным достижениям движения, но после этого было объявлено, что стахановское движение потеряло свою значимость в повестке дня различных организаций и органов партии, профсоюзов в промышленности и на транспорте.

С сентября 1936 г. движение снизило свою динамику настолько, что призыв ВЦСПС отметить первую его годовщину в сентябре, развернув социалистическое соревнование в честь стахановцев ⁸³, был уже лишь ширмой. Стахановка Колчина открыто высказалась в том смысле, что производственному совещанию нет смысла выступать с предложениями о развитии на предприятии стахановского движения, поскольку они не будут проведены в жизнь ⁸⁴. На Кировском заводе нормы выработки пришлось снизить; за ошибки, допущенные в подсчете количества стахановцев, больше не наказывали. В конце декабря сообщалось, что фабричные организации нередко ставят препоны росту стахановского движения, и осторожно был признан провал кампании ⁸⁵.

Еще до начала стахановского движения большие усилия, приложенные как профсоюзами, так и сталинским руководством, привели к известному повышению эффективности производства. Обзор и пересмотр существовавших норм в первой половине 1935 г. проводился с некоторым успехом; быстро повышался уровень технической подготовки рабочих. Традиция социалистического соревнования также повлияла на увеличение показателей. В этой ситуации неожиданное рекордное достижение Стаханова создавало ценную возможность подтолкнуть рост эффективности производства.

Однако официальная реакция партии на возникшее в четвертом квартале 1935 г. движение не была быстрой, как и реакция руководства профсоюзов, хотя они действовали неофициально. Неясно, почему партия провела стахановское совещание во второй половине ноября, а пленум ЦК состоялся только в конце декабря, через два-три месяца после первых известий о трудовом подвиге Стаханова. Промедление могло быть связано с предпринятыми в тот момент изменениями в функциях профсоюзов и принятием нового Устава. К началу стахановского движения профсоюзы находились в процессе смены основных направлений своей деятельности: от задач, связанных с мобилизацией производства, они переходили к задачам социального обеспечения рабочих, и продолжалось обсуждение вопроса, как отразить такой

сдвиг в их будущем Уставе. В ходе беседы с секретарями ВЦСПС Сталин в мае 1935 г. дал распоряжение произвести эти изменения.

Осенью 1935 г. стахановское движение, однако, потребовало от профсоюзов вновь обратить главное внимание на производство. Чтобы провести кампанию, необходимо было более широко вовлечь рабочих в движение. Тем не менее в сентябре и октябре оно не рассматривалось в ВЦСПС как один из главных приоритетов, для него важнее были переговоры с партийными руководителями. Таким образом, ответ профсоюзов на стахановское движение появился с опозданием. Даже в ноябре, когда низовые организации уже признали значение стахановского движения, руководство ВЦСПС рассчитывало использовать его для восстановления профсоюзной работы в духе указаний Сталина, а не для всесторонней поддержки начавшегося движения. Собрание профсоюзных деятелей в ноябре 1935 г., вскоре после стахановского совещания, показало их замешательство, связанное также с предпринимавшейся перестройкой работы. Состоявшегося обсуждения оказалось недостаточно, чтобы обеспечить полную переориентацию на стахановское движение. Только после пленума ЦК партии в декабре секретари ВЦСПС, наконец, взяли за проведение кампании.

После того как стахановское движение превратилось во всенародную кампанию, профсоюзы снова стали играть роль «авангарда производства». Все отраслевые профсоюзы провели свои собственные пленумы и съезды, чтобы обсудить, как развивать стахановское движение, какими методами побуждать рабочих присоединяться к кампании. Однако на этот раз профсоюзы внесли определенные перемены по сравнению с кампанией «лицом к производству», предпринятой во время первой пятилетки: они занялись не только мобилизацией рабочих, но и пересмотром норм выпуска продукции и созданием привилегий для стахановцев-рабочих.

Стахановская кампания не достигла того, на что рассчитывало сталинское руководство, и в 1936 г. быстро пошла на спад. Даже на родине стахановского движения наблюдалось его падение в январе, и профсоюзы пытались противодействовать этому снижению на протяжении первого квартала 1936 года. Кампания против «саботажников» была также свернута в марте. Многие из инженеров и управленцев, уволенные за саботаж стахановского движения, вернулись к работе. Первоначальный энтузиазм участников движения быстро иссяк, и профсоюзные совещания все реже занимались вопросами стахановского движения, хотя оно к тому времени получило свой статус в ряду ежегодно возобновляемых политико-производственных кампаний.

Примечания

1. Труд. 17.X, 22.XI.1935.
2. Там же. 27.XI.1935.
3. РУДОЙ М.Л. Стахановцы машиностроения. М. 1935; ЛОМОВ Г.И. От отдельных стахановцев нефти к стахановским промыслам и заводам. М.-Л. 1936; КУЗЬМИНОВ И.И. Стахановское движение — высший этап социалистического соревнования.

- ния. М. 1940; ЖУРАВЛЕВ М.Р. Разделение и уплотнение труда — мощные факторы стахановской производительности. — Организация труда, 1938, № 5; КУЗЬМИНОВ И. Стахановское движение и переход к коммунизму. — Большевик, 1939, № 11-12; ЕГО ЖЕ. Новые формы стахановского движения: многостаночное обслуживание и совмещение профессий. — Большевик, 1939, № 11—12; К годовщине Первого Всесоюзного совещания стахановцев. 1935 14—17/ХІ 1936. Сб. ст. директоров ленинградских предприятий легкой промышленности. М.-Л. 1936.
4. СЕЛИЦКИЙ В. Начало стахановского движения в Ленинграде (сентябрь—ноябрь 1935 г.). — Вопросы истории, 1951, № 11; АЛЕКСАНДРОВА Т.С. Из истории стахановского движения на предприятиях Москвы (1935—1937 гг.). — Ученые записки Академии общественных наук при ЦК КПСС, 1957, вып. 29.
 5. СТРУМИЛИН С.Г. План и стахановское движение. — Труды Московского планового института им. Г.М. Кржижановского. Вып. 1. М. 1936.
 6. ЕРМАНСКИЙ О.А. Стахановское движение и стахановские методы. М. 1940, с. 3, 316—325.
 7. ГЕРШБЕРГ С.Р. Руководство Коммунистической партии движением новаторов промышленности (1935—1941). М. 1956; ХАБИБУЛИНА Р.Я. Ленинградские коммунисты — организаторы стахановского движения (1935—1937 гг.). Л. 1961.
 8. ВОРОЖЕЙКИН И.Е. Очерки историографии рабочего класса СССР. М. 1975; ОПРИЩЕНКО А.Л. Историография социалистического соревнования рабочего класса СССР. Харьков. 1975; КАСЬЯНЕНКО В.И. Летопись всенародного движения. — Социалистическое соревнование, 1976, № 6; Социалистическое соревнование в промышленности СССР. М. 1973; РОГАЧЕВСКАЯ Л.С. Социалистическое соревнование в СССР. Исторические очерки. 1917—1970 гг. М. 1977; ВОРОЖЕЙКИН И.Е. Летопись трудового героизма: краткая история социалистического соревнования в СССР. М. 1979.
 9. История социалистического соревнования в СССР. М. 1980; Проблемы социалистического соревнования: теория и опыт. М. 1984.
 10. КАЛАКУРА Я.С., РОГАЧЕВСКАЯ Л.С. Партийное руководство социалистическим соревнованием. К историографии проблемы. — Вопросы истории КПСС, 1978, № 8.
 11. БУСЫГИН А.Х. Сверхшения. М. 1972; ГУДОВ И.И. Судьба рабочего. М. 1974; СТАХАНОВ А.Г. Жизнь шахтерская. Киев. 1975.
 12. КАЗАКОВ Е.Э. Деятельность профсоюзов Кузбасса по развитию стахановского движения в годы второй пятилетки. В кн.: Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. 2. Новосибирск. 1972; ГУЛЯМОВ А.Г. Возникновение стахановского движения в Узбекистане и роль профсоюзов в его развитии (1935—1937 гг.). — Научные труды. Вып. 441. Ташкент. 1973.
 13. См., например: Стахановское движение: опыт и перспективы. М. 1987; РОГАЧЕВСКАЯ Л.С. Стахановское движение. — Преподавание истории в школе, 1985, № 4; МИТРОФАНОВА Л.С. Стахановское движение: история и историография. — Вопросы истории, 1985, № 8; ПАНФИЛОВА А.М. Из истории стахановского движения. — Вестник Московского университета. Серия 8. История, 1987, № 1.
 14. КОЗЛОВ В., ХЛЕВНЮК О. Человеческий фактор в развитии экономики: уроки 30-х годов. — Коммунист, 1985, № 2; МАЙОРОВ Л.М. Машинист Василий Богданов. — Вопросы истории, 1986, № 2.
 15. FILTZER D. Soviet workers and Stalinist industrialization: The formation of modern Soviet production relations, 1928—1941. L. 1986, ch. 7.
 - 16, 17. BARBER J. Stakhanovism Reassessed. Birmingham. 1986, p. 27.
 18. SIEGELBAUM L.H. Stakhanovism and the politics of productivity in the USSR, 1935—1941. Cambridge. 1988, p. XII, 168, 295; EJUSD. The making of Stakhanovites, 1935—36. — Russian history, 1986, vol. 13, № 2—3.
 19. SHLAPENTOKH V. The Stakhanovite movement: Changing perceptions over fifty years. — Journal of contemporary history, 1988, vol. 23.
 20. DAVIES R.W., KHLEVNYUK O. Stakhanovism and the Soviet economy. — Europe-Asia studies, 2002, Vol. 54, № 6, p. 894, 897.
 21. REES E.A. Stalinism and Soviet rail transport, 1928—1941. Basingstoke. 1994.

22. DAVIES S. Popular opinion in Stalin's Russia. Terror, propaganda and dissent, 1934—1941. Cambridge. 1997.
23. BUCKLEY M. Was rural Stakhanovism a movement? — Europe-Asia studies, 1999, vol. 51, № 2, p. 311.
24. BUCKLEY M. Mobilizing Soviet peasants. Herpines and heroes of Stalin's fields. Oxford. 2006, p. 230.
25. BENVENUTI F. Stakhanovism and Stalinism, 1934—8. CREES discussion paper SIPS № 30. Birmingham. 1989, p. 62.
26. THURSTON R. The Stakhanovite movement. The background to the Great Terror in the factories, 1935—1938. In: Stalinist terror. New perspectives. Cambridge. 1993, p. 143.
27. GELB M.J. Mass politics under Stalin. Party purges and labour productivity campaigns in Leningrad, 1928—1941. Unpublished PhD dissertation. University of California. Los Angeles. 1987, p. 537.
28. Правда. 2.IX.1935.
29. Труд. 10, 11, 15, 24, 27.IX.1935; ХАБИБУЛИНА Р.Я. Ук. соч., с. 47.
30. Труд. 2, 11, 17.X.1935.
31. Правда. 18.X.1935; Труд. 21, 22, 23.X.1935.
32. ХАБИБУЛИНА Р.Я. Ук. соч., с. 62.
33. Труд. 15.XI.1935; Правда. 22.XI.1935.
34. Труд. 20.IX, 3, 6, 14.X.1935.
35. Там же. 27.IX.1935.
36. Там же. 17.X.1935.
37. Там же. 3, 5, 11, 12.XI.1935.
38. Там же. 27.XI.1935.
39. ХАБИБУЛИНА Р.Я. Ук. соч., с. 96.
40. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5451, оп. 19, д. 47, л. 15.
41. Труд. 22, 26.XI; 14, 18, 23, 24.XII.1935.
42. Там же. 22, 24.XI.1935.
43. Там же. 26.XI.1935.
44. ЕВРЕИНОВ Н. О своеобразном кризисе профессиональных союзов. — Вопросы профдвижения, 1935, № 11—12; Труд. 10.XII.1935.
45. Труд. 24.XII.1935.
46. BENVENUTI F. Op. cit., p. 27—28, 62.
47. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник. М. 2008, с. 165.
48. Правда. 11.XII.1935.
49. Там же. 29.V.1935.
50. На приеме у Сталина, с. 170.
51. Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 17, оп. 3, д. 969, л. 2.
52. ШВЕРНИК Н.М. Стахановское движение и задачи профсоюзов. — Вопросы профдвижения, 1935, № 10, с. 16.
53. КОТЛЯР С. Об уставе профсоюзов. — Вопросы профдвижения, 1935, № 9.
54. Труд. 5.X.1935.
55. ШВЕРНИК Н.М. Ук. соч., с. 16—18.
56. ГАРФ, ф. 5451, оп. 19, д. 219, л. 25—28.
57. Там же, л. 122.
58. ШВЕРНИК Н.М. О работе ревизионных комиссий профсоюзов. Речь на совещании ревизионных комиссий ЦК союзов 16 мая 1936 г. М. 1936, с. 3; БАСИНА Г.М. Состав и деятельность руководящих профсоюзных органов в конце 20-х — 30-х годах. Канд. дисс. М. 1990, с. 142.
59. Правда. 27.XII.1935.
60. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М. 1985, с. 287—295.
61. Правда. 22.XI.1935.
62. Там же. 18.XI.1935.
63. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 6, с. 286.

64. ГАРФ, ф. 5451, оп. 19, д. 15, л. 22—23.
65. Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Т. 2. М. 1963, с. 748—749.
66. ГАРФ, ф. 5451, оп. 20, д. 25, л. 1—21.
67. Там же, д. 2, л. 267—268.
68. DAVIES R.W., KHLEVNYUK O. *Op. cit.*, p. 885.
69. ХАБИБУЛИНА Р.Я. Ук. соч., с. 136.
70. Правда. 26.II.1936.
71. ГАРФ, ф. 5451, оп. 20, д. 6, л. 155; Правда. 15.IV.1936.
72. ХАБИБУЛИНА Р.Я. Ук. соч., с. 137.
73. Правда. 31.III.1936.
74. ГАРФ, ф. 5451, оп. 20, д. 6, л. 157об.
75. ХАБИБУЛИНА Р.Я. Ук. соч., с. 136—137.
76. Труд. 16.V, 22.VI.1935.
77. ХАБИБУЛИНА Р.Я. Ук. соч., с. 147; GELB M.J. *Op. cit.*, p. 503—523.
78. Правда. 30.III.1936.
79. ГАРФ, ф. 5451, оп. 20, д. 6, л. 7; Труд. 26.VI.1936.
80. ГЛУСОВ С. Стахановское движение в угольной промышленности Донбасса. — Вопросы профдвижения, 1936, № 6, с. 28.
81. ОРДЖОНИКИДЗЕ Г.К. Избр. статьи и речи. 1911—1937. М. 1939, с. 484.
82. ХАБИБУЛИНА Р.Я. Ук. соч., с. 144—145.
83. Труд. 29.V.1936.
84. Там же. 8.IX.1936.
85. Там же. 9.IX; 23, 31.XII.1936.

Калмыки в годы первой мировой войны

К.Н. Максимов

Затянувшаяся первая мировая война потребовала напряжения всех сил и привлечения материальных и людских ресурсов Российского государства. Вопреки утверждению, господствующему в историографии, о том, что калмыки, как находившиеся «вне европейской России», «были исключены из планов мобилизации»¹, около 3 тыс. калмыков-казаков несли военную службу и воевали в составе Донских казачьих полков, отдельных и особых сотен, артиллерийских дивизионов на фронтах первой мировой войны. А калмыки Поволжья, несмотря на освобождение их, как и некоторых других народов, отнесенных к «инородцам», от военного призыва, с 1 января 1915 г., согласно «Положению о военном налоге», утвержденному высочайшим указом от 19 апреля 1910 г., обязаны были вносить дифференцированный военный налог в виде прямого обложения каждой семьи (кибитки) в зависимости от количества скота. Помимо этого, калмыки Поволжья должны были поставлять лошадей, скот, продовольствие на нужды армии, а также нести различные военные повинности в тылу.

На начало 1914 г. в Калмыцкой степи числилось 24 712 кибиток (семей), из них 20 737 (83,9 %) имели домашних животных. В 1913 г. сборы в виде военного налога с калмыцких семей, имеющих скот, составили 122 657 рублей. Так, например, сход населения Наинтанкиновского аймака Маньчского улуса, состоявшийся 23 марта 1916 г., утвердил расклад сбора военного налога по кибиткам, в зависимости от числа голов скота, в сумме 369 руб. 20 коп. (8 % всех видов сбора с населения аймака), а сход Кебютовского аймака того же улуса, проходивший 10 марта 1916 г., — в размере 653 руб. 60 коп. (так же 8 % годового сбора). Аналогичные сходы, определившие сумму военных налогов, были проведены во всех аймаках калмыцких улусов².

Максимов Константин Николаевич — доктор исторических наук, профессор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Помимо денежного налога вместо воинской повинности калмыцкие улусы в связи с объявлением 18 июля 1914 г. мобилизации в стране срочно приступили к сбору и поставке лошадей на фронт, а также скота на продовольственные нужды армии. Кроме того, каждый улус обязан был обеспечивать расквартирование, а также снабдить продуктами питания (кормовым довольствием) проходившие отряды ополченцев, выделять деньги призываемым из своих волостей ратникам (славянской национальности). Например, в 1914 г. в Тундуговской волости 77 чел., призванных в армию, получили деньги, в Садовской — 38 чел., Обиленской — 34 чел. и т.д. ³

В это время калмыцкие улусы располагали значительным количеством скота. Согласно ведомости, подготовленной для исчисления годовых сборов на 1914 г., лошадей насчитывалось 77 598, крупного рогатого скота — 192 878 голов, овец и коз — 829 870, верблюдов — 25 588, свиней — 174 ⁴.

Во всех 9 улусах и в Калмыцком Базаре Астраханской губернии были созданы приемные комиссии, которые только в течение 21—24 июля 1914 г. приняли и передали представителям воинских частей до 1600 лошадей. Две приемные комиссии Малодербетовского улуса приняли от богатых калмыков 475 лошадей и сдали их военным приемщикам 187-го пехотного Аварского полка — подпоручику, князю Апчабадзе и поручику Лопатину для комплектования 4-го и 6-го запасных кавалерийских полков. Только военно-конный участок № 10 Ульдючиновского аймака Манычского улуса в 1914 г. поставил 444 лошади. Ачинер-Эркетеневским участком Икицохуровского улуса были подготовлены к военной поставке 954 лошади, а Сатхало-Хошоутовским участком того же улуса — 701 лошадь и т.д.

Крупный скотовод Кетченер-Шебенеровского аймака, Икицохуровского улуса Церен Бадмаевич Бадмаев в 1914—1915 гг. сдал в фонд армии по реквизиции 350 голов крупного рогатого скота, в 1916 г. — 444. Коннозаводчик Эркетеневского аймака того же улуса, потомственный почетный гражданин Цаган-Убуш Леджинов занимался разведением верховых лошадей. Он ежегодно передавал в армию более 200 лошадей, а в 1916 г., кроме 300 лошадей, поставил в фонд армии 204 головы крупного рогатого скота и подготовил к сдаче еще 600 голов. Житель Зайсанг Багацохуровского улуса Бегали-Цебек Джалович Онкоров ежегодно сдавал в армию по 200 лошадей и до 100 лошадей — в казачьи войска. Коннозаводчик Икицохуровского улуса Улюмджи Лиджиев ежегодно поставлял в армию по 50 лошадей, как и коннозаводчик Багацохуровского улуса Манун Бадмаев. Крупные скотоводы Эркетеневского улуса Манджи Гаряев, Хулхачи Улдакаев, Манджи Баланов, Сангаджи Манджиев, Даган Нимгиров ежегодно сдавали на нужды армии по 50—100 лошадей каждый. В январе 1916 г. только 4 волости (аймака) Малодербетовского улуса поставили 258 лошадей, а 2 аймака Манычского улуса — 63 лошади ⁵.

Все калмыцкие улусы получили на 1916 г. задание готовить лошадей к военным поставкам. В войсках русской армии в конце 1914 г. находились 1 035 682 лошади, в 1915 г. дополнительно было поставлено в армию 554 227 лошадей, а в 1916 г. — 214 908. В связи с истощением ресурсов Совет министров установил с 1 апреля 1916 г. выдавать пособия казакам, подлежащим призыву, на приобретение лоша-

дей: казакам 2-й очереди — 200 руб., 3-й очереди — 300 руб., пешим — 50 руб., запасного разряда и войскового ополчения — 300 руб., пешим — 100 рублей. С этого времени увеличивались планы реквизиции лошадей и по калмыцким улусам ⁶.

Помимо этого, Управлению калмыцким народом приходилось выполнять срочные заказы Ставки, штабов фронтов, армий. В июле 1916 г. Ставка приняла решение в целях улучшения снабжения воинским снаряжением и продовольствием сформировать для Кавказской армии два колесных верблюжьих транспорта, для которого требовалось по 5 тыс. двугорбых и одногорбых верблюдов с вьючными седлами. Предлагалось реквизицию верблюдов провести по военной повинности в соответствии с указом Правительствующего сената от 8 декабря 1914 года. По разнарядке Астраханского губернского военного присутствия калмыцкие улусы были обязаны поставить 800 верблюдов. К этому времени поголовье верблюдов в Калмыцкой степи по сравнению с 1914 г. уменьшилось с 25 588 до 18 112 (на 29 %) голов. Кроме верблюдов, калмыцким улусам предлагалось срочно поставить лошадей Кавказской армии, нуждавшейся в труднодоступных районах во вьючном транспорте. Астраханский губернатор в соответствии с требованием начальника военных сообщений Кавказской армии 7 ноября 1916 г. направил циркуляр в Управление калмыцким народом, предписывавший «оказать законное содействие при производстве закупки 3000 лошадей обозного типа» для военных частей Кавказской армии ⁷.

В связи с успешным выполнением в 1914 г. мобилизационных работ, император Николай II 12 февраля 1915 г. учредил светло-бронзовую медаль для ношения на груди на ленте ордена Белого орла, которая присуждалась лицам военных, морских и гражданских учреждений, участвовавшим в мобилизации, призыве на военную службу, в организации поставок и перевозок грузов. 24 февраля 1915 г. Управление воинской повинности МВД разослало губернаторам и градоначальникам циркуляр № 27 за подписью министра Н. Маклакова с предложением представить к награде лиц, заслуживающих «означенной выше медали за труды по мобилизации 1914 г. по вверенной Вам губернии» ⁸.

По поручению Астраханского губернатора, генерал-лейтенанта И.Н. Соколовского управляющий калмыцким народом Б.Э. Криштафович представил к награждению за поставку в армию полного комплекта лошадей: по Управлению калмыцким народом (УКН) — делопроизводителя по мобилизационной части, коллежского секретаря А.Ф. Грачева, бухгалтера, губернского секретаря Д.П. Шестакова, заведующего Икицохуровским улусом, губернского секретаря М.И. Иванова, помощника попечителя Икицохуровского улуса К.С. Сабина, заведующего Манычским улусом, коллежского регистратора В.П. Егорова и его помощника Ф.М. Пересадына, чиновников особых поручений при УКН VIII класса, коллежского асессора Ф.И. Плюнова и коллежского регистратора П.И. Карпинского, канцелярского служителя УКН С.Я. Хотяна.

К награждению были представлены по улусам:

Малодербетовскому — старшина Центрального аймака, отставной губернский секретарь Эльвяш Эрендженев, старшина Приволж-

ского аймака Бади Даваевич Ашкатов, старшина Цаган-Нурского аймака Шольшик Эрендженов, старшина Абганеровского аймака Бембя Базыров;

Икицохуровскому — член мобилизационной комиссии Улюмджи Лиджиев, коннозаводчик; заведующие военно-конными участками: № 18 — Яшкуль Очиров, № 17 — Яшкуль Манджиев, № 14 — Наран Сангаджиев, № 15 — Дорджи-Гаря Цекбеев, № 16 — Пюрбе Натыров, коллежский регистратор К.Н. Протопопов, вольнонаемный писарь А.А. Колпаков, штатный переводчик Гаря Цаганович Ташуев;

Харахусовскому — старшина Эрдниевского аймака Сангаджи Армадаев, писарь Андрей Борлыков, старосты: Шебенеровского хотона — Сангаджи Лиджиев, Самтанакиновского хотона — Нохала Очиров, Бага-Горбутовского хотона № 3 — Орык Убушаев, Джамбанакиновского хотона — Манджи Уланов, Бага-Горбутовского хотона № 1 — Манджи Баркаев и зайсанг Адучи Гаряев, староста Бабенкиновского хотона Эрдни Китеев, старшина Харахусовского аймака Сангаджи Очир-Гаряев и писарь Тюрбья Сангаджи-Гаряев, старосты: Нойдутовского аймака — Бамбыш Яшкиев, Харахусовского хотона № 2 — Ноха Му-Хараев, Ангучиновского хотона — Намру Бадмаев, Харахусовского хотона № 1 — Нимгр Бадмаев, староста Лиджи Гаря-Телеев, помощник попечителя улуса, коллежский секретарь А.П. Писарюк, штатный писарь, коллежский регистратор П.В. Дуров, переводчик Салдус Борлаков и толмач Аким Леджинов;

Манычскому — старшина Бурульского аймака и заведующий военно-конным участком № 12 Боро Контраев, старшина Мандженкиновского аймака Эрдни Банов, старшина Ульдючиновского аймака, заведующий военно-конным участком № 10, зайсанг Гаря Дорджиев Балзанов, старшина Кебютковского аймака Эвле Егоров, старшина Бага-Чоносовского аймака Мус Намруев, помощник попечителя улуса В.И. Елин;

Эркетёневскому — старшина Гайдукского аймака Дага Нимгиров, старшина Овордыкского аймака Гаря Нимгиров, старшина Кек-Усунского аймака Манджи Хадбитов, помощник попечителя улуса А.В. Ремизов;

Бага-Цохуровскому — старшина Баруновского аймака Шара Бембеев, старшина Зюневского аймака Нимгир Дорджиев;

Яндыко-Мочажному — попечитель улуса К.К. Павлинов, письмоводитель улусного управления И.Е. Чукалин, переводчик К.Д. Никитин, старшина Харахусовского аймака Натыр Уланов, старшина Долбанского улуса Инджир Санджиев⁹.

При оказании помощи армии калмыки не ограничивались внесением обязательного военного налога, плановыми поставками лошадей для кавалерии, верблюдов — для транспортных нужд и скота. Астраханская губерния, в том числе и калмыцкие улусы, в годы войны обязана была поставлять фронту мясо и, выполняя это задание, ежедневно отправляла на фронт до 6 тыс. пудов мороженого мяса¹⁰.

Широкое распространение среди калмыков получило добровольные пожертвования денежных средств на нужды армии. В сентябре 1916 г. рыболовы Багутовского аймака Яндыко-Мочажного улуса перед отправкой на тыловые работы в действующую армию из своего заработка перечислили 5810 руб. в адрес цесаревича Алексея Никола-

евича. На документе, в котором МВД докладывало императору о верноподданнических чувствах калмыков и о перечислении ими денег, Николай II собственноручно начертал: «Сердечно благодарю. Деньги направить секретарю гос. имп. Александры Федоровны» (Фонд добровольных пожертвований на нужды раненых и их семейств)¹¹.

На третий год войны, в силу необходимости привлечения дополнительных людских ресурсов на фронт, правительство приступило к мобилизации «инородческих народов» на военные тыловые работы. К тому же, при подготовке стратегических наступлений, в условиях ведения маневренной войны обнаружилось, по признанию генерала А.А. Брусилова, что «саперное дело в армии было поставлено скверно»¹². Известный военный историк, генерал-лейтенант А.М. Зайончковский, участник первой мировой войны, отмечал, что Россия вступила в войну почти без инженерной подготовки театра предстоящей борьбы, с совершенно неразвитой сетью железных дорог.

Успешное наступление на Юго-Западном фронте летом 1916 г. показало, что при подготовке крупных стратегических операций требуется тщательная подготовка инженерных сооружений, дорог, траншей и т.д. 25 июня 1916 г. Николай II подписал указ «О привлечении мужского инородческого населения империи» в возрасте от 19 до 43 лет на «работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». В первую очередь, мобилизации на тыловые работы подлежали мужчины «инородческого населения» в возрасте от 19 до 31 года. Сразу же последовало указание МВД во все регионы страны, где предстояло провести мобилизацию инородцев на тыловые работы, в том числе и астраханскому губернатору, с требованием выполнить царский указ «в кратчайший срок»¹³.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего, генерал от инфантерии М.В. Алексеев 14 июля 1916 г. телеграфно сообщал Управлениям снабжения Западного, Юго-Западного и Северного фронтов: «Для выполнения оборонительных, дорожных и других работ реквизируются инородцы, необязанные к военной службе. Партии этих рабочих, не более 4 тысяч человек в день распоряжением военного министерства будут направляться на сборные пункты каждого фронта. Всего предполагается направить: на Северный фронт 200 тысяч человек, на Западный — 100 тысяч, Юго-Западный — 180 тысяч. Срочно телеграфируйте один для сбора пункт на фронте, имея в виду, что прием реквизированных партий рабочих, организация отрядов и распределение между различными управлениями будет возложена на вас. Штаты управлений рабочими партиями будут высланы вслед за сим. Прошу разработать вопрос командирования приемщиков и конвоев». В телеграмме Генштаба от 18 июля 1916 г. уже дополнительно сообщалось, что «распределительные пункты назначаются: Северного фронта — Псков, Западного — Бобруйск, Юго-Западного — Полтава. В этих пунктах партии рабочих должны быть сданы лицам, указанным главными начальниками снабжений соответствующих фронтов»¹⁴. Вскоре, по предложению фронтов, были изменены города для организации приемных пунктов: для Западного фронта — Орша и Гомель, Юго-Западного — Харьков.

Предполагалось доставить для нужд Фронтстроя, в первую очередь, 27 тыс. киргизов из Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей, 2 тыс. туркменов из Закаспийской области, 1 тыс. осетин из Дагестана. По плану же должны были призвать: из Закаспийской области — 15 тыс. чел., Самаркандской — 38 тыс., Ферганской — 50 тыс., Астраханской губернии — 44 тыс. калмыков и киргизов (казахов). Однако уже 18 июля 1916 г. Военное министерство сообщало Генштабу, что «в Иркутском округе собралось до 6 тыс. инородцев... срочно их перевезти в распоряжение Северного фронта. Собирающихся в Астрахани (имелось в виду калмыков и киргизов. — *К.М.*) следует срочно перевозить на театр военных действий»¹⁵.

Между тем, полевые строительные управления фронтов предложили формировать из прибывавших инородцев экипированные своей одеждой и обувью рабочие роты (отряды) из 4 взводов численностью до 250 человек. Предполагалось установить им фиксированную заработную плату в размере 25 коп. в день (в месяц 7 руб. 50 коп.). Эта сумма должна была поступать их семьям.

Инородческие рабочие партии приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего распределялись: 1) Псков: для Петроградской сети железных дорог — 10 рот (отрядов), Северо-Западных железных дорог — 6 рот, Полевого строительного управления — 30 рот, для Московской сети железных дорог — 7 рот, для постройки перегона Чудово-Гостинополе — 18 рот;

2) Орша: для Риго-Орловской сети железных дорог — 10 рот, для Александровской железной дороги — 27 рот, для Николаевской железной дороги — 15 рот, для Полевого строительного управления — 30 рот;

3) Гомель: для Любаво-Роменской железной дороги — 6 рот, для Полесских железных дорог — 5 рот, для Полевого строительного управления — 30 рот;

4) Харьков: для сети Юго-Западных железных дорог — 56 рот, для сети Киево-Воронежских железных дорог — 15 рот, для постройки ветки Николаев-Березовки — 15 рот. Снабжение питанием рабочих инородцев должно было соответствовать нормам для нижних чинов армии. Обеспечение их одеждой и обувью возлагалось на Управление снабжений фронтов. Предусматривалось выделить им жилье барачного типа, а также оказывать медицинскую помощь¹⁶.

Однако 31 июля 1916 г. Николай II распорядился по случаю дня рождения цесаревича, великого князя Алексея Николаевича призыв инородцев к работам в тылу армии отсрочить повсеместно до 15 сентября 1916 года¹⁷. Однако, по всей вероятности, причина отсрочки была связана не с данным официальным событием. Оказалось, что военные ведомства и части еще не были подготовлены к приему огромного числа рабочих, не располагали необходимыми помещениями, инструментами, материалами, транспортными средствами. В срочном порядке военные ведомства стали заказывать дорожно-строительные механизмы, лесоматериалы, лопаты, гвозди, проволоку, ножницы для резки проволоки, распределять заказы по предприятиям всей страны, вплоть до Владивостока и за рубежом, готовить наряды на питание, изыскивать военные кадры для направления в рабочие отряды (роты)¹⁸.

Привлечение инородцев на тыловые военные работы, по мнению начальника Инженерной части штаба Верховного главнокомандующего С. Чаева, преследовало несколько целей. В письме от 23 июля 1916 г. военному министру он изложил свои мысли по этому поводу: «Привлечение инородцев для работ на фронте — акт большой государственной важности, выполнение которого сопряжено с большими затруднениями.

Насколько успешное выполнение сей крайней меры может принести огромную пользу в тыловых работах и тем существенно повлиять на исход войны... При этом необходимо добавить, что привлечение полудиких инородцев для работ в России, безусловно, окажет огромное влияние на будущее, после военные отношения, инородцев к коренной России, к ее государственной власти, а также неизбежно отразится в худую или в хорошую сторону на культуре и развитии этих нетронутых еще сил России. Побывав в коренной России, инородцы либо вернутся домой пораженные величием России, невиданной до сих пор культурой, благодарные за полученный свет и готовые научить своих братьев новым условиям жизни, работы и труда, или же, наоборот, придут озлобленные, больные, потерявшие добрую половину своих товарищей в непривычных снегах России, и тогда на всем нашем ближнем и дальнем Востоке мы получим опасных внутренних врагов»¹⁹.

Призыв инородцев на тыловые военные работы начался в сентябре 1916 года. В соответствии с предписанием Управления воинской повинности МВД о возобновлении с 15 (28) сентября 1916 г. призыва инородцев на тыловые работы, заведующий калмыцким народом Б.Э. Криштафович в тот же день, 12 сентября, телеграммой оповестил улусных попечителей о том, что 15 сентября 1916 г. объявляется первым днем мобилизации калмыков на тыловые работы в действующую армию. А Астраханский губернатор Соколовский 15 сентября подписал распоряжение о «воспрещении частным лицам, организациям, предприятиям производить наем инородцев Калмыцкой и Киргизской степей Астраханской губернии на какие бы то ни было работы, равно никто из инородцев в возрасте от 19 лет до 31 года не имеют право отлучаться за пределы Калмыцкой и Киргизской степей ни при каких условиях». Астраханская администрация планировала мобилизовать на тыловые работы в действующую армию до 44 тыс. инородцев (калмыков и киргизов-казахов Букеевской орды). В соответствии с численностью населения, калмыцким улусам предстояло отправить на тыловые работы до 15 тыс. человек. В 1916 г. в Поволжье числилось 152 840 калмыков (81 880 мужчин и 70 960 женщин), киргизов (казахов) — более 300 тыс. человек²⁰.

Далее в распоряжении астраханского губернатора указывалось, что с 23 сентября в первый врачебно-приемный пункт — Черный Яр — должны прибывать партии по 100 чел. из Малодербетовского улуса, с 13 октября — по 100 чел. из Манычского, в последующие дни — по 200 чел. из других улусов, во второй пункт — Астрахань — по 500 человек. Оба пункта после пятидневного карантина должны были передавать их «воинским начальникам». Предлагалось завершить работу по мобилизации к 1 ноября 1916 года.

В соответствии с правилами МВД от 2 ноября 1916 г. «О порядке использования инородцев, привлекаемых по реквизиции для работы

внутри империи на государственную оборону», до 6 декабря 1916 г. подлежали временному освобождению от мобилизации калмыки призывного возраста, работавшие до 15 сентября 1916 г. на рыбных промыслах, на заготовке мяса и сена для нужд армии, на железных дорогах Астраханской губернии. По ходатайству наказного атамана Войска Донского, астраханский губернатор с ведома МВД разрешил предоставлять отсрочку калмыкам Дербетовского улуса, работавшим чабанами, пастухами, табунщиками у донских крупных скотоводов и коннозаводчиков.

В первые же дни мобилизации решением астраханского губернатора, генерал-лейтенанта Соколовского, в соответствии с ходатайством от 17 сентября 1916 г. уполномоченного Главного управления землеустройства и земледелия по заготовке в Астраханской губернии мяса для действующей армии, получили временную (до 6 декабря 1916 г.) отсрочку 105 калмыков Серб-Джаповского аймака Александровского улуса, занятых на заготовке мяса на продовольственные нужды армии. К этой же категории были отнесены 47 калмыков Яндыко-Мочажного и Багацохуровского улусов, находившихся на Соколобугринском рыбном промысле Д.Г. Агабабова ²¹.

Во всех улусах 18—20 сентября 1916 г. были сформированы комиссии по призыву калмыков на тыловые работы в действующую армию в составе попечителя улуса, врача и одного чиновника улусной администрации, которые сразу же приступили к работе. Так, комиссия Яндыко-Мочажного улуса в составе попечителя П.И. Богданова, врача Воронина и помощника попечителя И.Е. Чукалина с 20 сентября по 18 декабря 1916 г. провела 19 заседаний, на которых приняла к освидетельствованию 2355 калмыков, из них признала годными к мобилизации 2097 чел., негодными по состоянию здоровья 111 чел., было решено предоставить отсрочку до 1 декабря 1916 г. 31 чел., занятому в животноводстве, — чабанами, пастухами и табунщиками, а также 11 служащим по служебному положению. 105 чел. освободили по возрастному критерию. Например, по ходатайству крупного скотовода Яндыко-Мочажного улуса Бага Тугульчиева, имеющего 25 лошадей, 240 коров и 550 овец, при поддержке комиссии и по решению астраханского губернатора, получили отсрочку 1 чабан, 1 пастух и 1 табунщик. Помимо 2097 были выявлены и признаны годными к службе еще 288 человек. 29 сентября 1916 г. из Яндыко-Мочажного улуса в Астраханский врачебно-наблюдательный пункт для отправки на тыловые работы прибыл 401 калмык, 6 октября — 1984 ²².

Комиссия Манычского улуса с 7 по 25 октября 1916 г. приняла к освидетельствованию 2935 калмыков, из них признала годными к военной тыловой службе 2135 чел., негодными — 441, предоставила отсрочку 182 чабанам, пастухам, табунщикам, освободила по служебным должностям и из числа духовенства — 148 чел., 29 чел. находились за пределами улуса.

В эти октябрьские дни аймачные сходы Манычского улуса обратились в Военное министерство с предложением, чтобы им разрешили сформировать для отправки на фронт калмыцкий полк, численностью 600 чел., на своих лошадях и полностью за свой счет. На это обращение незамедлительно последовал запрос товарища министра

князя Волконского на имя астраханского губернатора с просьбой дать заключение.

Астраханский губернатор Соколовский категорически отклонил предложение населения Манычского улуса, рассматривая его «как домогательство калмыков на переход в казачество с целью получения земельных выгод». Его позиция была отражена в статье «Инородцы и война», опубликованной в газете «Астраханский листок» от 8 (21) июля 1916 г. (№ 146). В ней отмечалось, что «наконец уже во время войны заговорили о привлечении астраханских калмыков к военной службе, причем форма этого привлечения намечалась в виде перечисления калмыков в казацье сословие, чего сами калмыки, к слову сказать, жаждут, вследствие надежды закрепить за собой огромные пространства земли в Калмыцкой степи»²³. Подобные предложения о переходе калмыков в казачество, о создании специальных полков от калмыцких улусов поступали в МВД и Военное министерство еще в 1915 году. Однако МВД и астраханский губернатор не поддерживали инициативу калмыков.

Астраханский губернатор неодобрительно отнесся и к идее разрешить инородцам взамен принудительных работ поступать охотниками в казацьи части с собственным обмундированием, снаряжением, холодным оружием, а в конные — и с конем, но без зачисления в войсковое сословие. Калмыки приняли с энтузиазмом высочайшее разрешение императора от 9 октября 1916 г. и указание Военного министерства, данное местным воинским начальникам запасных войсковых частей, принимать инородцев в охотники в соответствии с существовавшими правилами. Однако без поддержки астраханской администрации и это желание калмыков не осуществилось²⁴.

Комиссия Малодербетовского улуса с 18 сентября по 11 октября 1916 г. на 15 заседаниях освидетельствовала 3209 из 3463 чел. призывного возраста. 254 чел., относившиеся к категории служащих, учащихся, духовных лиц, освобождались от призыва. Комиссия признала годными к службе 2981 калмыка, негодными по состоянию здоровья — 151, по ходатайству скотовладельцев, отсрочку предоставили 77 пастухам, табунщикам и другим лицам. По ходатайству коннозаводчиков: Лиджи Бамбаева (имел 900 лошадей, 170 голов крупного рогатого скота, 1000 овец, 42 верблюда), Бемби Базырова (350 лошадей, 230 голов крупного рогатого скота, 1020 овец и 17 верблюдов), Дорджи Боваева (1200 лошадей) получили отсрочку 40 пастухов и табунщиков, 13 чел., занятых на сельскохозяйственных работах, а также 7 табунщиков были заменены другими лицами²⁵.

Харахусовская улусная комиссия после освидетельствования в сентябре-октябре 1916 г. направила 1095 калмыков призывного возраста в Астраханский врачебно-наблюдательный пункт для отправки на тыловые работы²⁶.

Александровский улус в сентябре-октябре 1916 г. направил в Астрахань 1321 калмыка для отправки на тыловые работы. По ходатайству 19 русских рыбопромышленников (В.Г. Степанова, А.Г. Березина, И.Г. Любимова и др.) Астраханской губернии 315 калмыкам, в основном Александровского улуса, работавшим на их рыбных промыслах, губернатор предоставил временную отсрочку до 1 декабря 1916 года²⁷.

Эркетеневский и Икицохуровский улусы только в сентябре 1916 г. направили в Астрахань соответственно 694 и 692 калмыка для отправки на тыловые работы в действующую армию. Призывные комиссии признали негодными к тыловым работам по состоянию здоровья 69 чел., отсрочку предоставили 269 пастухам и табунщикам до 1 декабря 1916 года. Из поселка Калмыцкий Базар все 87 калмыков призывного возраста были отправлены на тыловые работы ²⁸.

Таким образом, по неполным данным и без учета Дербетовского улуса, калмыцкие улусы Астраханской губернии только в сентябреноябре 1916 г. направили на приемно-врачебные пункты 11 618 калмыков в возрасте от 19 до 31 г., из них временную отсрочку до 1 декабря 1916 г. получили 1392 человека. Однако вскоре, 16 ноября 1916 г., последовала телеграмма из Военного министерства на имя астраханского губернатора. В ней предписывалось «немедленно возобновить призыв калмыков на тыловые работы», оставив после 6 декабря на рыбных промыслах «из числа реквизированных инородцев не более 6 тыс. человек и предоставить промыслам возможность нанимать недостающее количество рабочих из числа инородцев свободных по возрасту от реквизиций» ²⁹.

23 декабря 1916 г. астраханский губернатор Соколовский докладывал начальнику Казанского военного округа, принимавшему участие в комплектовании людскими ресурсами в основном Юго-Западного фронта: «из общего числа инородцев губернии призвано и сдано для тыловых работ 22 000, оставлены согласно указаниям МВД для работ на рыбных промыслах, по заготовке для армии сена и скота, для коннозаводства и прочих надобностей 14 500, забраковано 4000. Таким образом, осталось призвать еще около 3500 инородцев. Ввиду сказанного и того обстоятельства, что оставшиеся инородцы непризывного возраста восполняют в уездах губернии крайний недостаток в отсутствующих русских рабочих в сельском хозяйстве, рыбных, соляных промыслах и тому подобных предприятиях, я полагаю, что за состоявшемся уже выдвижением наиболее трудоспособной части инородческого населения дальнейшая реквизиция его была бы крайне нежелательной, за исключением, конечно, того случая, если бы надобность в этой силе для тыловых работ была бы обостренной, что упомянутые краевые интересы должны были бы уступить место нуждам войны. Губернатор Соколовский». В другой телеграмме он сообщал, что из-за полной распутицы в степи не представляется возможным в декабре 1916 г. завершить реквизицию оставшихся 3500 инородцев ³⁰.

Тем временем, в калмыцких улусах стало известно о бедственном положении калмыков, мобилизованных на военные тыловые работы действующей армии. Они не обеспечивались обмундированием, на довольствие на день на одного человека выделялось всего 50 копеек. Люди испытывали острую нужду в теплой одежде, продуктах питания, лечении. Между тем, выяснилось, что в аналогичной ситуации оказались, по заключению Главного комитета союза городов, «все вообще инородцы, призванные к тыловым работам». Главный комитет решил совместно с другими общественными органами обстоятельно изучить и «представить в Ставку мотивированную записку по данному вопросу» ³¹.

Однако калмыцкие улусы не стали ждать официальных решений. На сходах населения многих аймаков было решено делегировать своих представителей для доставки теплой одежды, обуви и продуктов питания односельчанам, находившимся на тыловых работах. Так, например, сход жителей Абганеровского аймака Малодербетовского улуса 15 ноября 1916 г. решил направить к своим мобилизованным сельчанам Эрдни Васлеева с одеждой и подарками. Сход населения Кетченер-Шебенеровского аймака Икицохуровского улуса, состоявшийся 19 ноября 1916 г., решил направить к мобилизованным калмыкам, «находящимся на работах по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений, для доставки подарков и свершения религиозных потребностей духовного лица — гелюнга Тангуда Дорджиева». 29 ноября 1916 г. население Наинтанкиновского аймака Манычского улуса приняло решение делегировать «на фронт к мобилизованным калмыкам, находящимся в действующей армии Юго-Западного фронта в 5-й инженерно-строительной дружине 24-й инородческой рабочей партии, Михаила Степановича Люсика, Очира Улюмджиева и Лиджи Убушиева для вручения теплой одежды и подарков». Аналогичное решение 30 ноября 1916 г. принял сход Багачоносовского аймака Малодербетовского улуса, отправивший в командировку Санджи Убушиева ³².

В декабре 1916 г. значительно увеличилось число делегируемых сходами аймаков представителей на фронт к калмыкам, работающим на оборонных и военных объектах. Население Зюневского аймака Александровско-Багацохуровского улуса 27 декабря решило направить к ним на Юго-Западный фронт с целью доставки теплой одежды и подарков своего уполномоченного Кова-Эрдни Гаряева. Сход Харахусовского аймака Харахусовского улуса решил командировать Тюрбю Сангаджи-Гаряева, писаря аймачного управления, и Сангаджи Мундурова к мобилизованным сельчанам. Они находились в действующих армиях Юго-Западного фронта в двух отдельных партиях. Туда же были направлены представители Багацохуровского аймака Яндыко-Мочажного улуса ³³.

Мобилизованные калмыки трудились на сооружении оборонительных укреплений на линии Западного, Кавказского фронтов, в прибалтийских губерниях; в Могилевской и Минской губерниях были заняты на строительстве железных, грунтовых дорог; в портах — на погрузочно-разгрузочных работах. Как свидетельствовал генерал от кавалерии В.И. Гурко, командовавший Западным фронтом, «за два военных года с января 1915 по январь 1917 года было проложено 6800 километров рельсовых дорог... Огромную помощь при прокладке путей оказывали железнодорожные батальоны, сформированные по указанию Ставки» ³⁴.

Направляемым представителям от аймаков в прифронтовые районы к мобилизованным калмыкам следовало пройти проверку на благонадежность, получить согласие попечителя улуса и разрешение на выезд от астраханского губернатора и штаба военного округа. Так, Соколовский 8 декабря 1916 г. послал военному министру телеграмму. В ней он писал: «Родственники калмыков, отправленных на тыловые работы, ходатайствуют о содействии отправке теплых вещей, подарков реквизированным калмыкам. В настоящее время для пере-

возки подарков необходим один вагон. Вместе с вещами калмыцкие общества посылают уполномоченных. Ходатайствую о предоставлении наряда от Астрахани через Могилев на Луцк Волынский. Губернатор Соколовский»³⁵.

Выезжавшие в прифронтовые районы калмыки, пройдя проверку на благонадежность, получали от астраханского губернатора свидетельство (удостоверение) на проезд до места назначения следующего образца:

«Свидетельство от Астраханского Губернатора.

15 декабря 1916 г. № 10106.

Дано сие от Астраханского Губернатора уполномоченным калмыков Александровского улуса Астраханской губернии, нойону того же улуса Сереб-Джап Батыковичу Тюмень и калмыку Тюменевского аймака того же улуса Ара-Васкиеву для беспрепятственного проезда их и провоза от г. Астрахани по железной дороге теплой одежды к мобилизованным калмыкам Александровского улуса, находящимся на тыловых работах в гор. Могилеве и Луцке Волынской губернии.

Названные лица ни в чем предосудительном замечены не были и политически благонадежны. Подписал Губернатор, генерал-лейтенант Соколовский. Скрепил за Заведующего Калмыцким народом Залькинд». Пропуск представителям аймака на въезд в район действующей армии выдавался только штабом соответствующей армии³⁶.

Некоторым аймакам приходилось посылать в значительном объеме материальную помощь мобилизованным односельчанам, и для сопровождения этого груза они выделяли по 5—6 человек. Так, аймачный сход населения Калмыцкого Базара, состоявшийся 29 января 1917 г., поручил зайсангу Эрдни-Аре Сарангову, Сангаджи-Аре Лиджиеву, Сангаджи Босхомджиеву, Ване Убушиеву, Кензе-Бадме Убушиеву доставить необходимые вещи и продукты жителям аймака, находившимся на тыловых работах. 6 февраля 1917 г. аналогичное решение принял сход Мандженкиновского аймака Манычского улуса.

Выезды представителей аймаков с целью доставки материальной помощи калмыкам, мобилизованным на тыловые работы, оказавшимся в условиях смуты в критическом положении, несмотря на приказ № 183 Военного министерства от 6 апреля 1917 г. об ограничении въезда в прифронтовые районы, а также постановление Временного правительства от 5 мая 1917 г. о демобилизации с тыловых работ инородцев, не прекращалась вплоть до конца октября 1917 года. Судя по имеющимся в фондах республиканского архива документам, 22 октября 1917 г. состоялся сход граждан Ики-Чоносовского аймака Малодербетовского улуса, один из последних подобных сходов, решивший направить к калмыкам, находившимся в действующей армии на тыловых работах, своего представителя Лиджи Лиджиева для доставки одежды, обуви, продуктов питания³⁷.

Тяжелые работы, которые в основном велись осенью и в зимний период 1916—1917 гг., непривычные погодные условия (дождь, снег, грязь, холод), трудные условия жизни и быта (проживали в бараках, сырых блиндажах), недостаток питания и одежды серьезно подорвали здоровье калмыков. В газете «Астраханский листок» от 4 (17) августа 1917 г. А.Б. Босхомджиев, общественно-политический деятель первых лет советской власти, отмечал, что «когда калмыков в середине

войны взяли на тыловые работы на фронт, они в непривычных условиях жизни в землянках стали болеть и умирать. А к концу возвращения из числа всех взятых калмыков на тыловые работы 25 % умерли, а из числа всех вернувшихся домой 50 % оказались больными ревматизмом и другими простудными болезнями». Инженер С. Чаев, подтверждал, что инородцы после тыловых работ могут вернуться домой «больные, потерявшие добрую половину своих товарищей в непривычных снегах России».

Нахождение калмыков в прифронтовой полосе, общение с революционно настроенными солдатами, происходившие общественно-политические процессы в армии существенно повлияли на формирование их мировоззрения и политических взглядов. В последующем многие из них оказались втянутыми в водоворот революционных событий, как на стороне красных, так и белых.

В связи с трудностями на фронте в конце 1916 и начале 1917 г. органы управления, военные ведомства (военные продкомитеты) приступили к активным действиям по реквизиции продовольствия, скота, зерна на нужды армии. А.А. Брусилов писал, что «во время зимы 1916—1917 года... сапог уже не хватало... питание также ухудшилось: вместо 3 фунтов хлеба начали давать 2 фунта строевым, находившимся в окопах, и 1,5 в тылу; мяса вместо фунта в день давали сначала 0,75, а затем и по 0,5 фунта. Затем пришлось ввести два постных дня в неделю, когда в котел вместо мяса клали рыбу, в большинстве случаев селедку; наконец, вместо гречневой каши пришлось зачастую давать чечевицу»³⁸.

В 1917 г. поставки хлеба на нужды армии шли, в основном, из зернового Большедербетовского улуса, посевы которого в 1916 г. составили: 20 542 дес. ячменя (98,2 % всей посевной площади калмыцких улусов), 22 123 дес. пшеницы (93,6 %), 780 дес. ржи (34,9 %), 826 дес. овса (90 %), 810 дес. проса (93,1 %) ³⁹.

В апреле 1917 г. аймаки Большедербетовского улуса сдали для нужд армии: Багабурульский — 600 пуд. ячменя; II Икитуктуновский — 500 пуд. пшеницы, а также его жители: М. Опогинов — 505 пуд. пшеницы и 90 пуд. ячменя, Н. Опогинов — 1000 пуд. пшеницы и 389 пуд. ячменя, Гапон Санджиев — 1100 пуд. пшеницы индивидуально; I Икитуктуновский аймак — 400 пуд. пшеницы; Бюдермис-Кюбетовский — 302 пуд. ржи и пшеницы; Хаджитниковский — 2090 пуд. пшеницы и 594 пуд. ячменя; Абганеровский — 6060 пуд. пшеницы и 1880 пуд. ячменя; Икичносовский — 37 600 пуд. пшеницы и 15 000 пуд. ячменя; Цоросовский — 1617 пуд. пшеницы и 1100 пуд. ячменя; Будульчинеровский — 200 пуд. муки.

В мае-июне 1917 г. аймаки продолжили сдачу зерна: Икичносовский — 2514 пуд. пшеницы и 1614 пуд. ячменя; Бюдермис-Кюбетовский — 370 пуд. пшеницы и 440 пуд. ячменя; I Икитуктуновский — 3410 пуд. пшеницы и 5133 пуд. ячменя; Будульчинеровский — 8060 пуд. пшеницы и 5220 пуд. ячменя; Абаганерово-Гахакинский — 2420 пуд. пшеницы, 5520 пуд. ячменя и 2530 пуд. гречихи; Икичносовский в июле сдал еще 320 пуд. пшеницы и 190 пуд. ячменя. Таким образом, население Большедербетовского улуса в первой половине 1917 г. сдало для нужд армии 108 838 пуд. (1742 т) зерна и муки. Кроме того, по имеющимся данным, Абганеро-Гахакинский аймак в

октябре 1917 г. сдал еще 500 пуд. пшеницы и 700 пуд. ячменя (итого 19,2 т). Помимо этого, Большедербетовский улус в 1916 г. в фонд армии поставил 6808 голов скота ⁴⁰.

В 1917 г. калмыцкие улусы поставили в фонд армии значительный объем мяса. За 8 месяцев (февраль-сентябрь 1917 г.) Калмыкия сдала на продовольственные нужды армии 23 953 головы крупного рогатого скота и овец (в живом весе 378 974 пуд. или 6064 т). Помимо этого, по имеющимся данным некоторых улусов, в октябре-ноябре 1917 г. Манычский улус поставил в фонд армии 4450 голов крупного рогатого скота, Икицохуровский — 4319, Харахусовский — 1800, Дербетовский — 3500 голов. Таким образом, по далеко не полным данным, население калмыцких улусов в 1917 г. поставило в продовольственный фонд армии 38 022 головы крупного рогатого скота, или 32 % от всего поголовья волов, коров и бычков старше двух лет ⁴¹.

Все это привело к наступлению стагнации в животноводстве в калмыцких улусах, а в последующие годы — к катастрофическому спаду в экономике. Поголовье лошадей в 1917 г. (77 108 голов) осталось в улусах почти на уровне 1914 г. (77 598), количество овец уменьшилось с 829 870 до 529 441, верблюдов — с 25 588 до 12 922. За счет трехлетнего приплода немного увеличилось поголовье крупного рогатого скота и в 1917 г. оно составило 232 102 головы. В эти же годы в Калмыцкой степи резко изменилась демографическая ситуация. К началу 1917 г. калмыцкое население по сравнению с 1914 г. увеличилось всего на 591 чел. и составило 152 840 человек. При этом заметно сократилось количество мужского трудоспособного населения в калмыцких улусах. В таком социально-экономическом состоянии калмыки оказались втянутыми в революционные события 1917 г. и в гражданскую войну.

Примечания

1. АСТАШОВ А.Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М. 2014, с. 18.
2. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. М. 1960, с. 86; Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). М. 2008, с. 259; Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК), ф. И-9, оп. 4, д. 1885, л. 200—200об., 286—286об.; оп. 5, д. 2291, л. 116—118, 168—173, 197—198, 202—273.
3. Государственный архив Астраханской области (ГА АО), ф. № Ф-444, оп. 1, д. 837, л. 148, 162.
4. НА РК, ф. И-9, оп. 5, д. 2291, л. 116—273.
5. Там же, оп. 11, д. 48, л. 27, 28; оп. 1, д. 334, л. 11—28; д. 406, л. 1, 5, 11—17, 22—27, 36, 45—48; ГА АО, ф. № Ф-444, оп. 1, д. 962, л. 282об.
6. Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах). М. 1925, с. 22; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Мировая война 1914—1918 гг. Т. 1. М. 1938, с. 49—50; ВОСКОВОЙ-НИКОВ Г.Л. Казачество в Первой мировой войне. М. 1994, с. 89.
7. ГА АО, ф. № Ф-444, оп. 1, д. 991, л. 1, 3, 4, 18, 40, 44; д. 1009, л. 1, 4.
8. НА РК, ф. И-9, оп. 11, д. 48, л. 1.
9. Там же, л. 10, 13, 15, 20, 21, 28, 32, 34, 56, 61.
10. Астраханский листок. 6 (19).VII.1917, № 145.
11. НА РК, ф. И-9, оп. 2, д. 224, л. 14, 74; оп. 6, д. 1320, л. 233.
12. БРУСИЛОВ А.А. Воспоминания. Мемуары. Минск. 2002, с. 67.

13. НА РК, ф. И-9, оп. 1, д. 406, л. 11.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2006, оп. 1, д. 19, л. 1, 3.
15. Там же, л. 11, 15, 20; НА РК, ф. И-9, оп. 2, д. 224, л. 516.
16. РГВИА, ф. 2006, оп. 1, д. 19, л. 15—46.
17. Астраханский листок. 2 (15).VIII.1916, № 164.
18. РГВИА, ф. 2006, оп. 1, д. 20.
19. Там же, д. 19, л. 31—52.
20. ГААО, ф. № Ф-32, оп. 1, д. 864, л. 5—11, 18—56, 67—75; НА РК, ф. И-9, оп. 2, д. 224, л. 1, 3—9, 79, 515; Астраханский листок. 18.IX(1.X).1916, № 200.
21. НА РК, ф. И-9, оп. 2, д. 224, л. 264, 265, 282; ГААО, ф. № Ф-444, оп. 1, д. 936, л. 1—4; Астраханский листок. 30.IX(13.X).1916, № 209; 4(17).X.1916, № 235.
22. НА РК, ф. И-9, оп. 2, д. 224, л. 15, 55, 87, 138, 288—302, 368, 506—508.
23. Там же, л. 110, 343, 344, 373—381.
24. Там же, л. 156, 206.
25. Там же, л. 38, 40, 54, 128—131, 185—186, 190—191; оп. 1, д. 406, л. 19—21, 29.
26. Там же, оп. 2, д. 224, л. 15, 55.
27. Там же, л. 55, 277, 465.
28. Там же, л. 29—34, 49—52, 55.
29. Там же, л. 304, 306.
30. Там же, л. 515, 516.
31. Астраханский листок. 9(22).XII.1916, № 262.
32. НА РК, ф. И-9, оп. 12, д. 47, л. 27, 50, 56, 86.
33. Там же, л. 8, 17, 32, 41, 61—63, 68.
34. Там же, л. 47; оп. 1, д. 2, л. 381; ГУРКО В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914—1917. М. 2007, с. 258.
35. НА РК, ф. И-9, оп. 2, д. 224, л. 472.
36. Там же, л. 464; Астраханский листок. 1(14).II.1917, № 26.
37. НА РК, ф. И-9, оп. 12, д. 47, л. 39, 67, 76, 97—99, 101, 105, 110, 111, 118.
38. БРУСИЛОВ А.А. Ук. соч., с. 263.
39. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1. Европейская Россия. Поуездные, погубернские и порайонные итоги. Пг. 1916—1917, с. 142—143, 148—149.
40. НА РК, ф. И-9, оп. 13, д. 30, л. 3—14, 22, 29, 33, 34, 39, 41, 62.
41. Там же, д. 4, л. 11, 15, 16, 24; д. 30, л. 1—9, 29—40; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., с. 145—147, 15—153.

Битва при Политимете: крупнейшее поражение армии Александра Македонского

А.А. Клейменов

Македонское военное искусство эпохи великих завоеваний часто попадает в поле зрения исследователей, стремящихся выявить причины громких побед Александра Великого. Его сражения при Гранике, Иссе, Гавгамелах и Гидаспе, а также операции по захвату неприступных укреплений Тира и Аорна справедливо оцениваются как шедевры полководческого искусства, результат эффективного использования одной из лучших военных машин древнего мира. Впрочем, получить целостное представление об особенностях македонского военного дела, обращаясь исключительно к успешным боевым операциям, нельзя. Не менее полезным является изучение и тех эпизодов военной карьеры Александра, которые связаны с неудачами. Безусловно, крупнейшее поражение армии завоевателя произошло в 329 г. до н.э. на берегах реки Политимет (Зеравшан).

Непосредственно перед этим событием македонский царь достиг северо-восточного предела своих завоеваний, выйдя весной 329 г. до н.э. к берегам Танаиса-Сырдарьи. Здесь он решил основать город Александрию Эсхату¹, который должен был стать важным опорным пунктом на покоренных землях и способствовать отражению набегов скифов, живших за рекой (Arr. Anab., IV, 1, 1—3; Curt., VII, 6, 11—13). К этому же периоду времени относится начало восстания местных жителей, перебивших оставленные в их городах македонские гарнизоны (Arr. Anab., IV, 1, 4). Арриан сообщает, что восстание, начавшееся среди согдийцев, а затем затронувшее и Бактрию, подняли те, кто ранее захватил и передал Александру бактрийского сатрапа Бесса (Anab., IV, 1, 5). Выше автор указывает, что Бесс был выдан македонскому царю Спитаменом и Датаферном (Anab., III, 30, 5). Курций Руф в целом подтверждает эти данные, отмечая, что против македонского царя выступили 7 тыс. бактрийских всадников, зачинщиками бунта которых были Спитамен и Катен (VII, 6, 15). Как предполага-

Клейменов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

ют исследователи, восстание первоначально развернулось на территории Уструшаны, естественно укрепленной и имевшей большое стратегическое значение области ². Как свидетельствуют данные античной письменной традиции, с помощью энергичных действий Александр сумел захватить крупнейшие центры сопротивления, в том числе Газу и Кирополь (Арг. Anab., IV, 2, 1—3,5; VII, 6, 16—23), однако в дальнейшем ситуация лишь усложнилась.

Строительство Александрии Эсхаты имело большое значение для установления господства завоевателей на берегах Сырдарьи, и потому ответная реакция живших за рекой скифов была быстрой. По образному выражению Курция Руфа, скифский царь, чьи владения простирались за Танаисом, считал Александрию ярмом на шее (VII, 7, 1). Войско скифов ³ начало сосредотачиваться на северном берегу реки. Момент для нападения был выбран весьма удачно — скифы рассчитывали воспользоваться тем, что на уже покоренных Александром землях началось восстание (Арг. Anab., IV, 3, 6). В этот же период времени завоеватель узнал о том, что возглавляемый Спитаменом отряд осадил Мараканды. Арриан относит данное событие к моменту подготовки македонского царя к битве со скифским войском (Anab., IV, 3, 6—7), а Курций Руф — ко времени возвращения Александра из Уструшаны к берегам Танаиса (VII, 6, 24). Сложно подтвердить или опровергнуть предположение о заключении антимакедонского союза между Спитаменом и засырдарьинскими скифами ⁴. В любом случае, скифы воспользовались разгоревшимся в Согдиане восстанием, а Спитамен, безусловно, выбрал в качестве объекта атаки Мараканды во многом из-за пребывания Александра и основных сил его войска на Сырдарье. Македонский царь попал в крайне непростое положение, так как его армия оказалась с двух сторон сжата противником ⁵. Северный враг в лице скифов угрожал целостности новой границы империи, а действовавший южнее Спитамен пытался захватить столицу Согдианы, утрата которой сильно ухудшила бы стратегическое положение Александра — завоеватель мог лишиться контроля над крупнейшим городом региона, являвшимся также важным коммуникационным узлом, обеспечивавшим сухопутное сообщение с Бактрией ⁶.

Сложно точно определить количественный и качественный состав сил, которыми располагал Спитамен в то время. Курций Руф указывает, что первоначально в восстании участвовали 7 тыс. бактрийских всадников (VII, 6, 15), однако неизвестно, сколько именно из них присоединилось к Спитамену. Было бы ошибкой полагать, что вместе с лидером антимакедонских сил находились все взбунтовавшиеся — в этом случае Александр явно не ограничился бы отправкой против них достаточно небольших сил. Вместе с тем, предположение Ф. Рея о наличии у Спитамена при осаде Мараканд кавалерийского отряда численностью всего в 1500 воинов следует признать слабо обоснованным ⁷. Из того же сочинения Курция Руфа известно, что чуть более года спустя Спитамен имел в своем распоряжении 2500 бактрийских кавалеристов (VIII, 2, 14—17). Видимо, это был костяк отряда, воевавший под командованием Спитамена с самого начала восстания. Можно предположить, что отряд, подступивший к стенам Мараканд, состоял из 2500—3000 бактрийских

всадников, которые в описываемое время являлись в основном легковооруженными лучниками и копейщиками⁸. Также не следует исключать вероятность участия в осаде Мараканд некоторого числа согдийцев и представителей местных кочевых племен⁹. Среднеазиатские воины были весьма опасным противником. Используемый ими тактический арсенал был разнообразен, включая в себя атаку кавалерийской лавой, сосредоточенные действия компактными частями боевого порядка при эшелонированном построении и притворное отступление¹⁰. Немаловажным обстоятельством было и то, что среднеазиатские воины и военачальники, благодаря участию в военных предприятиях ахеменидского государства, еще до вторжения Александра в Бактрию и Согдиану на практике ознакомились с организацией, тактикой и вооружением македонской армии¹¹.

Противостоял Спитамену македонский гарнизон, данные о котором также весьма отрывочны. Единственная информация, которой мы располагаем, — результат коррекции отрывка работы Курция Руфа, посвященного мероприятиям, проведенным Александром после занятия Мараканд. Фраза *ac praesidio urbis relicto* («оставил в городе гарнизон»), содержащаяся в тексте сочинения, может быть исправлена и прочитана как *mille praesidio urbis relicto* («оставил в городе тысячный гарнизон»)¹². В настоящее время большое количество специалистов отдает предпочтение именно этому варианту прочтения и оценивает македонский гарнизон Мараканд в одну тысячу воинов¹³. Определить качественный состав этих сил можно лишь по аналогии. Так, в тот же период времени Александр занимался обустройством Александрии Эсхаты, в которой, как сообщает Арриан, были размещены эллинские наемники, окрестные варвары и негодные для военной службы македонские солдаты (*Anab.*, IV, 4, 1). Судя по данным античной письменной традиции, именно наемников Александр чаще всего использовал для несения гарнизонной службы (*Arr. Anab.*, V, 29, 2 — 3; VII, 21, 7; *Curt.*, IX, 7, 1; *Diod.*, XVII, 83, 2; 99, 5). Как справедливо отмечает М.Н. Руденко, это позволяло Александру оставлять македонские подразделения при себе¹⁴. Напарниками наемников по гарнизонной службе и в Александрии Эсхате, и в Маракандах могли являться упомянутые Аррианом македонские ветераны. Возможно, последним были доверены руководящие посты. Можно провести параллель с организацией крепостной стражи в Сузах, где командирами являлись македоняне старших возрастов (*Curt.*, V, 2, 16).

Ликвидировать внезапно возникшую в тылу проблему Александр решил силами специально созданного экспедиционного корпуса. Согласно Арриану, был сформирован отряд, в котором из кавалерии было 60 всадников-гетайров и 800 наемников под командованием Карана, а также 1500 наемных пехотинцев. Командирами являлись Каран, Андромах и Менедем, к которым был приставлен переводчик Фарнух, ликиец по национальности (*Anab.*, IV, 3, 7). Курций Руф говорит о трех тысячах пехотинцев и восьмистах всадниках под общим командованием Менедема (VII, 6, 24). Арриан, очевидно, передает информацию Птолемея и отчасти Аристубула, об использовании труда которого сообщает сам (*Anab.*, IV, 6, 1). Учитывая то, что рас-

сказ Курция Руфа о битве на Политимете близок к пересказу сведений Ариостоула Аррианом, можно предположить, что римский историк опирается на сведения того же автора «первой волны» или на сочинение Клитарха¹⁵. Разница в представленных цифрах может быть объяснена склонностью Курция Руфа к гиперболизации фактов и драматизации исторических событий¹⁶. Следуя своим обычным установкам, римский автор стремился изобразить постигшее македонский отряд поражение более масштабным, для чего и увеличил численность пехоты в отряде в два раза.

Обязанности командиров в отряде, судя по имеющимся данным, выполняли несколько лиц. Сообщается, что Каран возглавил 800 наемников-кавалеристов (Арг., *Anab.*, IV, 3, 7; 5, 7). Предположение Дж. Эшли о том, что Андромах выполнял роль начальника наемной пехоты¹⁷, противоречит данным Арриана, который, описывая кампанию против Спитамена, прямо называет Андромаха кавалерийским командиром (*Anab.*, IV, 5, 5). Известно, что ранее, во время битвы при Гавгамелах, он возглавлял отряд «чужеземной» наемной конницы (Арг., *Anab.*, III, 12, 5), а также был командиром «чужеземных наемников» и во время похода Александра из Арии в Бактрию (Арг., *Anab.*, III, 25, 4). Эти сведения заставляют согласиться с А.Б. Босвортом, указывающим, что в структуре македонской армии Андромах занимал место начальника гиппархии наемников¹⁸. Н. Секунда, видимо, опираясь на данные о предшествующих военных кампаниях, предполагает, что в операции против Спитамена Андромах и Каран руководили отрядами по 400 наемных всадников¹⁹. В этой связи необходимо заметить, что, согласно сообщению Арриана, Каран возглавлял всех наемных кавалеристов в отряде (*Anab.*, IV, 3, 7), а Андромах действовал как самостоятельный командир, который напрямую Карану не подчинялся (*Anab.*, IV, 5, 7). Следовательно, в рамках операции против Спитамена Андромах, вопреки обыкновению, командовал подразделением кавалерии, не имеющим к наемникам никакого отношения. Это были те самые упомянутые Аррианом шестьдесят всадников-гетайров²⁰.

Командиром наемной пехоты являлся Менедем²¹. Греческие пехотинцы были наибольшей по численности составной частью корпуса, в связи с чем Курций Руф и называет Менедема начальником всех отправленных против Спитамена сил (VII, 6, 24). Указанные командиры были македонянами и принадлежали к числу «друзей царя» (Арг. *Anab.*, IV, 6, 1). Однако, вопреки ошибочному указанию Курция Руфа, никому из них не было поручено общее руководство корпусом. Изначально командующим операцией был назначен Фарнух, человек несведущий в военном деле и посланный Александром больше для переговоров с местным населением, чем для ведения боевых действий (*Anab.*, IV, 6, 1). Состав отряда — 1500 наемных пехотинцев (пельтастов и относительно подвижных гоплитов²²) и 860 всадников — наталкивает на вывод о том, что он создавался для быстрого марша и сражения, в котором значительная роль отводилась пехоте. Видимо, Александр, комплектуя отряд, рассчитывал, что бой со Спитаменом будет проходить в районе Мараканд. Наделение значительными полномочиями переводчика Фарнуха свидетельствует о том, что планировалось использовать не только военные, но и дипломатические методы. Ли-

киец должен был при необходимости наладить контакт с жителями Мараканд, большинство которых не разделяло антимакедонскую позицию Спитамена (Curt., VII, 6, 24), или же провести переговоры с самим лидером повстанцев.

Посредством создания особого корпуса из наемников Александр стремился ликвидировать проблему в тылу своей армии и деблокировать Мараканды, при этом не отвлекая лучшую часть своего войска от решения приоритетной стратегической задачи, заключавшейся в разгроме скифского войска, сосредоточенного на восточном берегу Сырдарьи. Подобным образом македонский завоеватель действовал не в первый раз. Ранее, в период продвижения Александра к границам среднеазиатских сатрапий, в тылу его армии уже возникала похожая ситуация, связанная с восстанием сатрапа Арии Сатибарзана, которое могло привести к утрате контроля над областью Герата, являвшейся важнейшим естественным коммуникационным узлом²³. Первое выступление Сатибарзана было подавлено самим македонским царем, который во главе отборных подвижных подразделений вторгся на территорию Арии, разгромил важнейшие очаги восстания, а самого Сатибарзана вынудил бежать в Бактрию (Arr. Anab., III, 25, 6—7; Diod., XVII, 78, 1—2; Curt., VI, 6, 21—33). Второе выступление Сатибарзана, вернувшегося из Бактрии в сопровождении двух тысяч всадников, полученных им от Бесса (Arr. Anab., III, 28, 2), произошло во время продвижения македонской армии к границам Бактрии по землям арахонтов и индов (Arr. Anab., III, 28, 2; Curt., VII, 3, 2; Diod., XVII, 81, 3). Александр выделил для подавления нового арийского восстания корпус, состоявший, по данным Курция Руфа, из шести тысяч греческих пехотинцев и шести сотен всадников (VII, 3, 2). Упомянутых греческих пехотинцев и кавалеристов следует считать наемниками, так как ранее Александр отправил всех союзников по Коринфской лиге домой (Arr. Anab., III, 19, 5). Античные авторы упоминают, что в роли командиров выступили Эригий, Каран и перс Артабаз (Arr. Anab., III, 28, 2; Curt., VII, 3, 2; ср.: Diod., XVII, 81, 3). Общее командование было поручено Эригию, входившему в число друзей детства и ближайших сподвижников царя²⁴. Этому корпусу удалось подавить восстание, причем большую роль сыграла личная доблесть самого командира. Сатибарзан, желая в решающем сражении изменить ситуацию в свою пользу, вызвал любого желающего из македонян на поединок. Вызов был принят Эригием, который в конной схватке убил Сатибарзана, после чего потерявшие вождя арии сдались. Как сообщается, голову Сатибарзана Эригий отвез Александру (Curt., VII, 4, 33—40; Diod., XVII, 83, 4—6). Параллели с событиями в Согдиане очевидны и, без сомнения, успешный опыт подавления антимакедонского выступления в Арии оказал определенное влияние на решение, принятое Александром после получения им сообщения о событиях в районе Мараканд.

Корпус под командованием Фарнуха, Карана, Андромаха и Менедема, состоявший из относительно подвижной пехоты и кавалерии, видимо, достаточно быстро приблизился к Маракандам. Спитамен, узнав о подходе македонян, покинул пределы города (Arr. Anab., IV, 5, 3; Curt., VII, 7, 31). Переданные античными авторами данные об обстановке, сложившейся на тот момент времени, позволяют по-

нять причины такого решения. Согласно Арриану, Спитамен не сумел выбить македонян из цитадели Мараканд. Гарнизон упорно оборонялся и даже совершил удачную вылазку (Anab., IV, 5, 2). Курций Руф сообщает, что Спитамен выгнал македонян из города и разместился внутри его стен (*muris urbis*) (VII, 6, 24). Кажущееся противоречие в этих данных исчезает при учете особенностей планировки Мараканд исследуемого времени. Известно, что Мараканды имели защищенную особой крепостной стеной цитадель, называемую в источниках 'акра (Arr. Anab., IV, 3, 6; 5, 2) или *arch*, при этом Курций Руф четко отличает *arch* от общегородской системы укреплений (VII, 3, 2). Упомянутая античными авторами цитадель сопоставляется с «Северным укреплением» — административной частью древнего города, обнаруженной во время раскопок²⁵. Очевидно достаточно сильный македонский гарнизон сумел закрепиться в цитадели, а Спитамен и его соратники заняли остальную часть Мараканд, находящуюся внутри городских стен. Об этом косвенно свидетельствует и факт повторной осады Спитаменом города после разгрома отряда Фарнуха (Arr. Anab., IV, 6, 3; Curt., VII, 9, 20). Сложившаяся в Маракандах ситуация объясняет быстроту, с которой Александр отправил корпус наемников на выручку осажденному гарнизону — он опасался, что Спитамен выбьет македонян из цитадели и возьмет под контроль весь город. Понятным становится и решение лидера повстанцев уйти из Мараканд, принятое им после получения сведений о приближении крупного отряда противника. Курций Руф в качестве причины этого решения называет нежелание Спитамена оказаться запертым в городе (VII, 7, 31). Действительно, если бы повстанцы остались в городе, цитадель в котором по-прежнему контролировал немалый македонский гарнизон, они оказались бы в ловушке. Спитамен, имея значительный перевес в коннице, решил сохранить свободу для маневра и покинуть пределы Мараканд, в стенах которых преимущество было бы на стороне лучше подготовленных к ближнему бою пехотинцев из македонского гарнизона и наемников из отряда Фарнуха.

Экспедиционный корпус успешно справился со своей основной задачей — Спитамен был вынужден уйти из Мараканд, и македоняне снова взяли город под полный контроль²⁶. Командование отряда решило на этом не останавливаться и изгнать Спитамена из Согдианы (Arr. Anab., IV, 5, 3). Видимо, в момент принятия решения перед македонскими военачальниками стоял образ Эригия, которому удалось с помощью корпуса, укомплектованного наемниками, подавить восстание в Арии и привезти голову лидера мятежников царю. Напомним, что Каран лично участвовал в той боевой операции. Арриан сообщает, что после ухода из Мараканд Спитамен отправился к «царскому городу» Согдианы, преследуемый отрядом Фарнуха (Anab., IV, 5, 3). Одни исследователи считают, что данный фрагмент сочинения Арриана сильно испорчен и его следует читать как «граница Согдианы» или «север Согдианы»²⁷. Другие предполагают, что поздние переписчики труда Арриана допустили ошибку²⁸. Третьи считают, что Спитамен действительно двинулся к «царскому городу», под которым следует понимать либо неизвестную вторую столицу Согдианы²⁹, либо Катую, «царский город» в районе Бухары³⁰, либо город, основанный Киром в районе современного Ширина³¹. Уверенно отдать предпоч-

тение одной из представленных версий нельзя. Судя по данным о последовавшем сражении, Спитамен со своим отрядом двигался по долине Политимета-Зеравшана. Местом решающей схватки ее называют и Арриан (*Anab.*, IV, 5, 6), и Курций Руф (VII, 9, 21—10,1—9), при этом первый из авторов отмечает, что сражение прошло на краю «скифской пустыни», под которой, очевидно, в данном случае скрываются Кызылкумы³². Указанные античными авторами географические объекты позволяют локализовать место, где Спитамен окончил отступление, районом Фараба и Чарджоу³³.

Наиболее пространный рассказ о дальнейших событиях оставил Арриан. Он пишет, что македоняне, преследуя повстанцев, без особой необходимости напали на «скифов-кочевников». Спитамен воспользовался этим и, пополнив свой отряд шестью сотнями скифских всадников, расположился на краю «скифской пустыни». Его конные лучники кружили вокруг македонян и осыпали их стрелами. Воины Спитамена без труда уклонялись от прямого столкновения, используя быстроту и свежесть своих лошадей, в то время как конница Андромаха были изнурена из-за долгого пути и недостаточного количества фуража. В отряде росло количество убитых и раненых, что вынудило командиров построить воинов в четырехугольник-каре и двинуться к реке Политимет, где находился лес, куда не могли бы проникнуть стрелы варваров, и можно было бы эффективно использовать пехоту. Каран, не сообщив ничего Андромаху, стал переходить реку, чтобы поместить свою конницу под защиту леса. Испуганные пехотинцы двинулись за кавалерией и без всякого приказа и порядка стали спускаться по обрывистому берегу. Противник, заметив ошибку македонян, начал вместе с лошадьми кидаться в реку с обеих сторон переправы. Уже переправившиеся воины сбрасывались в реку, только входившие в воду воины подвергались атакам с тыла. Остатки отряда, оказавшиеся в безвыходном положении, отступили к небольшому острову посреди реки, где были окружены и уничтожены. Большая часть македонян была убита, немногие, попавшие в плен, были впоследствии также умерщвлены (*Arg. Anab.*, IV, 5, 3—8).

Арриан приводит и другую версию событий, изложенную, по его словам, Аристубулом. Согласно ей, значительная часть отряда погибла, попав в засаду, устроенную скифами, спрятавшимися в зарослях и атаковавшими македонян в разгар боя (*Anab.*, IV, 6, 1). Среди главных причин поражения Арриан называет отсутствие единоначалия в отряде: Фарнух, признавая свою слабую осведомленность в военной области, хотел во время сражения передать командование корпусом кому-нибудь из македонян — Карану, Андромаху или Менедему — однако те отказались, не желая действовать вразрез с приказами царя и взваливать на себя ответственность за все происходящее (*Anab.*, IV, 6, 1—2). В близком к версии Аристубула ключе интересующие нас события описывает Курций Руф. По его данным, Спитамен покинул Мараканды и устроил засаду на дороге, по которой должны были пройти македоняне. В лесистой местности, удобной для засады, были спрятаны дахи. Отряд Менедема был окружен и атакован численно превосходящим противником. После ожесточенного боя оставшиеся в живых македоняне отступили на холм. Спитамен их окружил, чтобы голодом вынудить к сдаче (*Curt.*, VII, 7, 31—39). При

этом в сочинении римского автора эпизод с прибытием Александра к месту гибели отряда Менедема соседствует с описанием долины Политимета и рассказом об устроенных там македонянами опустошениях (Curt., VII, 9, 21—10, 1—9).

Таким образом, перед нами две версии событий, которые на первый взгляд представляются настолько противоречащими друг другу, что даже натолкнули А.С. Шофмана на вывод о наличии двух различных сражений между наемниками Александра и составшими³⁴. Однако при внимательном рассмотрении между двумя версиями обнаруживается много общего: упоминание долины Политимета, наличие лесистой местности в районе боя, участие в нем скифов (дахов), окружение македонского отряда и отступление его остатков к острову или холму. Первую и вполне удачную попытку совместить обе версии осуществил сам Арриан, связавший рассказ Аристубула об устроенной скифами засаде с описанием отхода воинов из отряда Фарнуха к лесу (Anab., IV, 6, 1). Это предположение представляется весьма убедительным: очевидно, окружение македонского отряда во время переправы стало возможным благодаря тому, что на предполагаемом пути его следования Спитамен спрятав воинов, которые в нужный момент атаковали противника. На факте окружения пехоты, возглавляемой Менедемом, и заостряет внимание Курций Руф, описывающий самый драматичный момент боя и оставляющий без внимания другие немаловажные детали. Рассказ о предшествующих окружению событиях оказался у римского автора скомкан, из-за чего и возникло ложное впечатление, что Спитамен устроил засаду в лесу по пути следования македонян от Танаиса-Сырдарьи к Маракандам.

Большинство исследователей считают, что сведения Арриана более достоверны³⁵. Видимо, Спитамен, покинув Мараканды, двинулся на запад вдоль течения Политимета, преследуемый корпусом Фарнуха, а затем остановился на границе Кызылкума. Нападение на дахов (скифов-кочевников), вызвавшее их переход на сторону Спитамена, осложнило положение македонского корпуса, оказавшегося возле пустыни лицом к лицу с опасным противником, в войске которого было большое количество конных лучников. Немногочисленная кавалерия Андромаха и Карана, ослабленная из-за долгого марша и отсутствия фуража, не могла эффективно противодействовать неуловимым всадникам Спитамена, став вместе с пехотой объектом их безнаказанных атак. Командованию отрядом ничего не оставалось как повести своих людей к лесу, где противник лишился бы возможности эффективно использовать конных лучников. Для обеспечения успеха этого маневра пехоту построили в боевой порядок, особо эффективный для защиты от атак вражеской кавалерии³⁶. Во время марша к фатальным последствиям привела несогласованность действий между командирами подразделений. Корпус распался на составные элементы, утратив организационное единство: Каран начал переправу наемной кавалерии на противоположный берег Политимета, а пехотинцы по собственной инициативе, не соблюдая строя, двинулись за конницей. В этот момент во фронт и тыл ударили воины Спитамена, в том числе и скрывавшиеся ранее в засаде. Видимо, действовали они согласно заранее состав-

ленному плану сражения ³⁷. Македонский отряд превратился в неуправляемую массу людей, ставшую легкой добычей врага.

Как видно, у корпусов Эригия и Фарнуха, при всей схожести их качественного состава и стоявших задач, была разная судьба. Если первый успешно подавил восстание в тылу македонской армии, то второй потерпел сокрушительное поражение. Что же стало причиной его неудачи? Конечно, не последнюю роль сыграла тактика, выбранная Спитаменом, который, в отличие от Сатибарзана, не вел открытый бой в бесхитростной «рыцарской» манере, а умело использовал свое преимущество в легкой кавалерии и организовал засаду. Тем не менее, навряд ли основной причиной поражения являлась общая неподготовленность представителей армии Александра к среднеазиатским приемам ведения военных действий, как об этом пишет Ф. Хольт ³⁸. Более оправданным представляется мнение, согласно которому к фатальным последствиям привело назначение Фарнуха, человека некомпетентного в военном деле, на пост командира экспедиционного корпуса ³⁹. Как справедливо заметил Рей, македоняне во время кампании Филиппа II в Добрудже и при Александре Великом на берегах Сырдарьи выходили победителями из сражений с кочевниками, однако на Политимете у наемников не нашлось командира подобного калибра, способного принять соответствующие боевой обстановке меры ⁴⁰. Действительно, македонское командование в разыгранном сражении оказалось не на высоте, однако заметим, что и располагало оно ограниченными ресурсами. Согласно выводам Дж. Эшли, неудачно был укомплектован сам корпус, в котором существовала явная диспропорция в пользу тяжело вооруженной пехоты и тяжелой конницы при недостатке стрелков. Исследователь отмечает, что кавалерии в отряде явно не хватало, а моральные качества наемников и их дисциплинированность оставляли желать лучшего. Сформированный корпус проигрывал по возможностям силам Спитамена, который располагал мобильной легкой кавалерией, способной эффективно поражать противника на расстоянии ⁴¹. Конечно, Дж. Эшли не вполне корректно относит всех наемных пехотинцев к тяжело вооруженным воинам, называя тяжелой и наемную кавалерию, однако выявленный им дисбаланс в составе корпуса действительно имел место — для борьбы с подвижными силами Спитамена требовалось гораздо большее количество кавалерии и пехоты, использующей оружие дистанционного действия.

Представляется, что непосредственной причиной произошедшей катастрофы явилась допущенная македонской стороной серьезная стратегическая ошибка. Командованию корпуса удалось выполнить главную задачу, которую перед ним поставил Александр, — под угрозой окружения Спитамен со своими соратниками покинул столицу Согдианы. Узость стоявшей перед корпусом задачи позволяет объяснить необычное кадровое решение великого полководца: назначая переводчика Фарнуха ответственным за проведение операции, он явно не ожидал, что в итоге экспедиционный корпус отойдет от Мараканд и столкнется с боевыми действиями в партизанской манере ⁴². Этим же объясняется и дисбаланс в составе отряда в пользу пехоты. Роковой просчет состоял в том, что командование корпуса, не сумев здраво оценить свои возможности и замысел противника, не ограничилось

выполнением основной задачи, а пустилось преследовать подвижную кавалерию восставших, в результате попав в умело расставленную ловушку. Насколько позволяют судить данные Плутарха, именно на командиров злосчастливого отряда окружение македонского царя взвалило вину за поражение при Политимете. Были даже сочинены некие насмешливые песенки, исполнение которых стало одной из причин конфликта между царем и его соратником Клитом Черным в Маракандах (Alex., 50). Как полагает А.Б. Босворт, восходящее к Аристобулу описание командования Фарнуха несет в себе следы официальной версии событий, удобной для Александра благодаря переносу ответственности за поражение с царя на его подчиненных⁴³. Как бы то ни было, главным виновником произошедшего являлся сам Александр, который не назначил командиром корпуса компетентного и авторитетного военачальника, способного как воздержаться от принятия опрометчивых решений, так и обеспечить эффективное взаимодействие всех входящих в состав корпуса подразделений.

Масштаб понесенных потерь для армии Александра был беспрецедентным. Арриан, цитируя Аристобула, современника описываемых событий, сообщает, что из всего отряда спаслись лишь 40 всадников и человек 300 пехоты (Anab., IV, 6, 1), то есть погибли в общей сложности около 2020 человек. Курций Руф оценивает македонские потери в 2000 пехотинцев и 300 всадников (VII, 7, 31—39). Однако, несмотря на гибель целого корпуса, материальный урон, понесенный армией завоевателя, был не так уж и велик. Потери среди македонян, являвшихся ядром армии Александра, были минимальны, а убыль в наемном контингенте была с лихвой компенсирована зимой 329—328 гг. до н.э., когда из западных регионов новой империи были доставлены подкрепления, включавшие в себя внушительное количество греческих «солдат удачи» (Anab., IV, 7, 1—2; Curt., VII, 10, 11—12). Только Антипатр, согласно Курцию Руфу, прислал не менее 8 тыс. греков, 500 из которых были всадниками (VII, 10, 11—12). Сам македонский царь, в свою очередь, приложил все усилия для того, чтобы уничтожение экспедиционного корпуса не ухудшило общую стратегическую обстановку в Согдиане. После победы над скифским войском на берегах Сырдарьи Александр во главе отборных частей стремительным маршем двинулся к столице Согдианы, повторно осажденной Спитаменом. Угроза Маракандам была ликвидирована, а лидер восставших был вынужден отступить в пустыню (Arr. Anab., IV, 6, 3—5; Curt., VII, 9, 20—22).

Гораздо тяжелее могли быть моральные последствия поражения, что вынудило Александра принять весьма жесткие меры. Как отметил Курций Руф, новость о поражении омрачила блеск военных успехов македонского царя, заставив его скрывать неудачу от армии. Римский автор сообщает, что прибывшим с места сражения под угрозой смерти было запрещено распространять новости о произошедшем (VII, 7, 30—39). Поражение корпуса Фарнуха повлияло и на отношение Александра к местному населению. Как сообщают античные авторы, во время преследования отступавшего от Мараканд Спитамена македонский царь оказался на месте гибели отряда наемников, где похоронил павших, а затем подверг опустошению всю долину Поли-

тимета, убив большое количество местных жителей (Arr. Anab., IV, 6, 5; Curt., VII, 9, 20—22). Арриан указывает, что подобным образом Александр наказал население за участие в нападении на македонян (Anab., IV, 6, 5). В короткие сроки огню и мечу был предан весь регион. По мнению большинства исследователей, о последствиях именно этой акции сообщает Диодор, отмечающий, что Александр победил отпавших от него согдийцев, убив их при этом более 120 тысяч (XVII, prol., (2), 23)⁴⁴. Конечно, в данном случае Александр мог преследовать вполне тривиальные военные цели, заключающиеся в стремлении лишить восставших продовольственной базы⁴⁵, однако показательная жестокость завоевателя наталкивает на вывод о том, что двигало им нечто иное. Видимо, причинами этого поступка являлись чувство досады, вызванное разгромом экспедиционного корпуса, и стремление запугать жителей других областей Согдианы, лишить их воли к сопротивлению. Сложно дать однозначную оценку последствиям подобных действий. По мнению М. Смита, жестокая расправа над населением долины Политимета не привела к замирению жителей региона, а наоборот, лишь способствовала росту антимакедонских настроений, став причиной волны восстаний, прокатившихся по Средней Азии в 328 г. до нашей эры⁴⁶. К диаметрально противоположным выводам приходит Э.М. Энсон, который, опираясь на прямые указания источников, называет «решительную политику» Александра одной из главных причин утраты восставшими поддержки местного населения⁴⁷. В любом случае, именно поражение на Политимете стало одной из непосредственных причин ужесточения политики македонского царя по отношению к жителям региона.

Александр, один из величайших полководцев в истории, сумел вынести и полезные уроки из случившегося с наемниками. Он не стал отказываться от практики использования автономных соединений для самостоятельного решения боевых задач, являвшейся одной из характерных черт его полководческого искусства на протяжении всего Восточного похода⁴⁸. Напротив, как констатируют исследователи, в период среднеазиатской и индийской кампаний Александр стал применять экспедиционные корпуса чаще⁴⁹. Именно грамотное использование подвижных корпусов македонский царь противопоставил атакам летучего отряда Спитамена. В частности, в рамках кампании 328 г. до н.э., когда сам Александр был занят усмирением Согдианы, лидер повстанцев объявился в Бактрии. Ему удалось посредством неожиданного нападения захватить небольшую крепость, разорить прилегающую к столице сатрапии Бактрам/Зариаспам местность, выманить из этого города и уничтожить часть македонского гарнизона (Arr. Anab., IV, 16, 5—7; Curt., VIII, 1, 3—5).

Как и год назад в тылу Александра возникла угроза потери важнейшей базы и основного узла коммуникаций⁵⁰. Проблему решил возглавляемый македонским военачальником Кратером экспедиционный корпус, укомплектованный, согласно данным Курция Руфа, преимущественно конницей (VIII, 1, 6). Спитамен, узнав о выдвижении Кратера, снова направился в сторону пустыни. В разыгравшемся на ее границе сражении македоняне победили восставших и присоединившихся к ним массагетов, вынудив уцелевших скрыться в безводных землях (Arr. Anab., IV, 17, 1—2). В дальнейшем для про-

тивоедействия Спитамену Александр, стремившийся не дать противнику оправиться от нанесенного Кратером удара ⁵¹, использовал экспедиционный корпус смешенного состава. Военачальник Кен, специально оставленный в Согдиане на зимовку с двумя таксисами фаланги, четырьмя сотнями всадников-гетайров, а также вспомогательными подразделениями согдийцев и бактрийцев, нанес Спитамену поражение в районе Баг. Понесшие большие потери оставшие отступили в пустыню, где их вождь вскоре был предательски убит (Агг. Anab., IV, 17, 4—7; ср.: Curt., VIII, 2, 14—17; 3, 1—16). Успех этих операций был во многом обеспечен тем, что Александр стал с большей осторожностью подходить к вопросу использования экспедиционных корпусов — отныне они формировались только из наиболее подготовленных и дисциплинированных подразделений. Как верно подметил У. Тарн, после поражения на Политимете Александр не поручал наемникам заданий, имевших важное значение ⁵². Возглавляли автономно действующие соединения теперь исключительно проверенные в боях командиры, такие как Кратер, Кен, Пердикка и Птолемей. Несмотря на интенсификацию использования экспедиционных корпусов, македонская армия больше не знала неудач, подобных той, что произошла в 329 г. до н.э. Гибель корпуса Фарнуха осталась единственным «черным пятном» в полководческой карьере завоевателя Азии.

Примечания

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-5688.2014.6 (договор от «03» февраля 2014 г. № 14.Z56.14.5688-МК).

1. Предположительно, в районе современного Ходжента. См.: КОШЕЛЕНКО Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М. 1979, с. 157; FRASER P.M. *Cities of Alexander the Great*. Oxford. 2003, p. 151; HOLT F. *Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan*. Berkeley-Los Angeles-L. 2005, p. 48; HAMMOND N.G.L. *The Genius of Alexander the Great*. L. 1998, p. 144.
2. ДРОЙЗЕН И. История эллинизма. Т. 1. Ростов-на-Дону. 1995, с. 336—337; ШОФМАН А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань. 1976, с. 468; ГАФУРОВ Б.Г., ЦИБУКИДИС Д.И. Александр Македонский и Восток. М. 1980, с. 250.
3. Арриан называет их «азиатскими» (Anab., IV, 3, 6), а Курций Руф — «европейскими» (Curt., VII, 7, 1). Большинство специалистов идентифицируют их с саками. См.: ШОФМАН А.С. Ук. соч., с. 476, 491; ПЬЯНКОВ И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. М. 1997, с. 47; ГАФУРОВ Б.Г., ЦИБУКИДИС Д.И. Ук. соч., с. 252—254; ТРЕБЕР К.В. Александр Македонский в Согде. — Вопросы истории. 1947, № 5, с. 116; ШИФМАН И.Ш. Александр Македонский. Л. 1988, с. 146; РАХМАНОВА Р.М. Средняя Азия V—IV вв. до н.э. и поход Александра Македонского. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л. 1964, с. 20; BOSWORTH A.B. *Alexander the Great. Part I. Vol. VI*. Cambridge. 1994, p. 823; DANI A.H., BERNARD P. *Alexander and his successors in Central Asia. History of civilizations of Central Asia. Vol II*. P. 1994, p. 71; YENNE B. *Alexander the Great. Lessons from History's Undeafed General*. N.Y. 2010, p. 113; WORTHINGTON I. *Alexander the Great: Man and God*. L. 2004, p. 180; ср.: ГАЙБОВ В.А., КОШЕЛЕНКО Г.А. Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского. — Вестник древней истории. 2005, № 1, с. 118—119.
4. DANI A.H., BERNARD P. *Op. cit.*, p. 71.
5. ТРЕБЕР К.В. Ук. соч., с. 116.

6. КОСЬКЕ Ф.Я. Племена Северной Парфии в борьбе с македонским завоеванием. — Вестник древней истории. 1962, № 1, с. 122.
7. RAY F.E. Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century. Jefferson. 2012, p. 162.
8. NIKONOROV V.P. The Armies of Bactria 700 BC — 450 AD, Vol. I. Stockport. 1997, p. 25.
9. ГАЙБОВ В.А., КОШЕЛЕНКО Г.А. Ук. соч., с. 121.
10. ЛИТВИНСКИЙ Б.А., ПЬЯНКОВ И.В. Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н.э. — Вестник древней истории. 1966. №3, с. 47; ГАФУРОВ Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М. 1972, с. 93.
11. ЛИТВИНСКИЙ Б.А., ПЬЯНКОВ И.В. Ук. соч., с. 51.
12. ПЬЯНКОВ И.В. Мараканды. — Вестник древней истории. 1970, №1, с. 42.
13. HOLT F. Op. cit., p. 47; ASHLEY J.R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359—323 BC. Jefferson. 1998, p. 296; HAMMOND N.G.L. Op. cit., p. 144; NAWOTKA K. Alexander the Great. Cambridge. 2010, p. 274.
14. РУДЕНКО М.Н. Македонская армия и массовая оппозиция Александру Великому в 334—323 гг. до н.э. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Саратов. 2009, с. 17.
15. ГАЙБОВ В.А., КОШЕЛЕНКО Г.А. Ук. соч., с. 121, прим. 49; HAMMOND N.G.L. Three historians of Alexander the Great. Cambridge. 1983, p. 143.
16. ЦИБУКИДИС Д.И. Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850—1974). М. 1981, с. 56; МАРИНОВИЧ Л.П. Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М. 1993, с. 53—54.
17. ASHLEY J.R. Op. cit., p. 300.
18. BOSWORTH A.V. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 2. Oxford. 1995, p. 29.
19. СЕКУНДА Н. Армия Александра Македонского. М. 2004, с. 37.
20. HECKEL W. The marshals of Alexander's empire. L.-N.Y. 1992, p. 331.
21. Ibid., p. 313.
22. СЕКУНДА Н. Ук. соч., с. 52; ФОР П. Повседневная жизнь армии Александра Македонского. М. 2008, с. 54; GABRIEL R.A. Philip II of Macedonia: Greater than Alexander. Washington. 2010, p. 70.
23. FRASER P.M. Op. cit., p. 111—112.
24. ШОФМАН А.С. Ук. соч., с. 323; HECKEL W. Op. cit., p. 193.
25. ИНЕВАТКИНА О.Н. Акрополь древнего Самарканда в структуре города (VI в. до н.э. — V в. н.э.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 1995, с. 22.
26. BOSWORTH A.V. Alexander the Great..., p. 823.
27. ГАЙБОВ В.А., КОШЕЛЕНКО Г.А. Ук. соч., с. 121, прим. 50.
28. МОНЧАДСКАЯ Е.А. О «царском городе» или «второй столице» Согдианы. — Вестник древней истории. 1959, № 2, с. 119—121; ПЬЯНКОВ И.В. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов (Собрание отрывков и комментарии). Душанбе. 1972, с. 23—24.
29. МАССОН В.М. К локализации Согда. Труды САГУ XI. Ташкент. 1950, с. 75.
30. ТРЕВЕР К.В. Ук. соч., с. 116; DANI A.H., BERNARD P. Op. cit., p. 72.
31. НЕГМАТОВ Н.Н. Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен по X в. — МИА. 1953, № 37, с. 235.
32. ВАЙНБЕРГ Б.И. Этногеография Турана в древности. VIII в. до н.э. — VIII в. н.э. М. 1999, с. 262; SIDKY H. The Greek kingdom of Bactria: from Alexander to Eurcratides the Great. Lanham. 2000, p. 66.
33. КОСЬКЕ Ф.Я. Ук. соч., с. 122.
34. ШОФМАН А.С. Ук. соч., с. 473; ЕГО ЖЕ. Спитамен. — Вопросы истории. 1972, №5, с. 218.
35. ДРОЙЗЕН И. Ук. соч., с. 344—345; ТРЕВЕР К.В. Ук. соч., с. 116—117; ПЬЯНКОВ И.В. Древний Самарканд..., с. 47; ГАФУРОВ Б.Г. Ук. соч., с. 96; HOLT F. Op. cit., p. 57—58; O'BRIEN J. Alexander the Great: The Invisible Enemy. L.-N.Y. 1994, p. 127.
36. HAMMOND N.G.L., WALBANK F.W. A History of Macedonia, Vol. III: 336—167 BC. Oxford. 2001, p. 37.
37. ЛИТВИНСКИЙ Б.А., ПЬЯНКОВ И.В. Ук. соч., с. 50.

38. HOLT F. *Op. cit.*, p. 56—57.
39. ПАРК Г.У. Греческие наемники. «Псы войны» древней Эллады. М. 2013, с. 223; YENNE B. *Op. cit.*, p. 122.
40. RAY F.E. *Op. cit.*, p. 162.
41. ASHLEY J.R. *Op. cit.*, p. 300.
42. SMITH M. The Failure of Alexander's Conquest and Administration of Bactria-Sogdiana. — *Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies*, Vol. 8. Montreal. 2009, p. 67.
43. BOSWORTH A.B. *A Historical Commentary...*, p. 25.
44. ТРЕВЕР К.В. Ук. соч., с. 117; ГАФУРОВ Б.Г., ЦИБУКИДИС Д.И. Ук. соч., с. 253; ШОФМАН А.С. Ук. соч., с. 475; HOLT F. *Op. cit.*, p. 58; ср.: SMITH M. *Op. cit.*, p. 67.
45. HOLT F. *Op. cit.*, p. 60.
46. SMITH M. *Op. cit.*, p. 67.
47. ANSON E.M. *Alexander the Great: Themes and Issues*. L.-N.Y. 2013, p. 165.
48. GAEBEL R.E. *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman. 2002, p. 194—195.
49. ШОФМАН А.С. Ук. соч., с. 294—296; СЕКУНДА Н. Ук. соч., с. 14; НЕФЕДКИН А.К. Конница эпохи эллинизма: Автореф. дисс. докт. ист. наук. Ставрополь. 2007, с. 17.
50. HOLT F. *Op. cit.*, p. 71.
51. WORTHINGTON I. *Op. cit.*, p. 187.
52. TARN W.W. *Alexander the Great*. Vol. 2. Cambridge. 1948, p. 167.

Межэтнические отношения в Канаде в конце XVIII в.

И.М. Нохрин

Историю Канады после ее присоединения к Великобритании в 1763 г. долгое время было принято рассматривать через призму межэтнических противоречий англо- и франкоканадцев и борьбы последних за независимость. Такой подход отличал как, собственно франкоканадских историков¹, так и советских, и российских исследователей². Однако в его рамках не удалось получить достаточно убедительных ответов на целый ряд неоднократно поднимавшихся вопросов, один из которых касался событий Великой французской революции 1789—1799 гг. и англо-французской войны 1793—1802 гг.: почему франкоязычное население Канады, в 16 раз превосходившее по численности завоевателей³, не предприняло в годы войны никаких попыток избавиться от британского господства? Если межэтнический конфликт действительно носил столь непримиримый характер, то почему франкоканадцы не воспользовались слабостью завоевателей? Ведь сложно представить более удобный случай для достижения независимости, чем тот, когда силы Британской империи оказались прикованы к европейскому театру военных действий, а соседние США оставались настолько враждебны бывшей метрополии, что непременно поддержали бы любые попытки ослабления ее позиций в Северной Америке.

Для ответа на этот вопрос следует отказаться от аксиомы об априорной враждебности англо- и франкоканадцев и выяснить, какие социально-политические процессы влияли на их взаимоотношения в конце XVIII века.

Сведения о революции во Франции начали поступать в Канаду в 1789 году. Постепенно они дополнялись подробностями и привлекали все большее внимание общественно-политических кругов. Их франкоканадская часть с энтузиазмом встретила эти, как выразился кто-то из современников, «самые значимые со времени рождения Христа» события. Газеты приветствовали принятие Конституции и

Нохрин Иван Михайлович — кандидат исторических наук, доцент Челябинского государственного университета.

Декларации прав человека и гражданина, одобряли первые мероприятия революционного правительства как, например, введение свободы печати и отмену сословий. «Люди больше не хотят мириться с социальным и экономическим неравенством, что базируется лишь на факте рождения или воле короля», — писала «Квебек газетт»⁴. В Квебеке даже печатались труды французских просветителей и собирався для обсуждения политических вопросов Конституционный клуб, куда входили и некоторые члены колониальной ассамблеи.

Однако после появления в 1793 г. новостей о казни короля и начале войны между Францией и Великобританией все изменилось. После того, как 24 апреля 1793 г. лейтенант-губернатор Нижней Канады Алуред Кларк объявил о начале боевых действий, даже те франкоканадские общественно-политические деятели, которые прежде симпатизировали революции и республике, предельно ясно заявили о своей лояльности британской короне. С подачи А. Кларка ассамблея Нижней Канады, состоявшая из 16 британских и 34 франкоканадских депутатов, единогласно подтвердила верность Георгу III, поддержала приостановку действия Хабеас корпус акта, введение в колонии военного положения и приняла Закон об иностранцах. Последний практически закрывал Канаду для посещения всех, кроме выходцев из Великобритании, поскольку каждый въезжавший в провинцию должен был получать разрешение на пребывание лично у губернатора⁵. Депутаты легислатуры, а также Законодательного и Исполнительного советов при губернаторе подписали в Квебеке и Монреале «декларации верности», в которых подтверждали свою преданность британским властям и законам и обязывались подавлять смуту и поддерживать общественный порядок⁶.

Военная угроза очень быстро стала в Северной Америке реальностью. Еще в конце 1792 г. жирондистское правительство Франции назначило послом в США хорошо зарекомендовавшего себя в революционной деятельности Эдмона Женэ. Он был отправлен через океан с заданием подготовить военно-политический союз двух республик и организовать захват Луизианы и Канады⁷. Момент выглядел весьма подходящим: отношения США и Великобритании оставались крайне напряженными, а Франция была заинтересована в отвлечении вражеских сил на заокеанский театр боевых действий⁸. При этом Париж выражал готовность оказать Вашингтону помощь в захвате Канады, но ничего не говорил о возвращении себе потерянной тридцать лет назад колонии.

К сожалению для французского правительства, уже через две недели стало ясно, что миссия Женэ потерпела неудачу. Война с Великобританией и ее союзниками оценивалась в Белом доме как слишком серьезный вызов для вооруженных сил и финансов молодой американской республики. Поэтому в апреле 1793 г. США заявили о нейтралитете в европейском конфликте, и проекты американо-французского сотрудничества потеряли всякий смысл.

Однако сам Женэ не стал возвращаться на родину. Он решил продолжать деятельность в Америке и разработал план вторжения в Канаду силами вест-индского флота, стоявшего в тот момент на якоре в заливе Нью-Йорка, и волонтеров, набранных из жителей Новой Англии французского и ирландского происхождения⁹. В распоряже-

нии посла оказалось 15 военных кораблей и 2500 добровольцев, не считая отрядов из Вермонта, обещавших присоединиться позднее. С ними Женэ планировал разбить английские рыболовецкие базы на Ньюфаундленде, захватив не менее шести десятков кораблей, вернуть под республиканский флаг острова Сен-Пьер и Микелён, сжечь Галифакс и высадиться в Квебеке ¹⁰. Несмотря на имевшийся фактор неожиданности, офицеры французского флота посчитали эту импровизацию слишком рискованной и предпочли не проводить экспедицию, а вернуться во Францию.

Новая неудача не обескуражила энергичного посла. Оставшись без какой-либо реальной возможности организовать вторжение в Канаду, Женэ направил все усилия на подготовку восстания франкоканадцев. В этом ему на помощь пришел радикально настроенный печатник из Монреаля Анри Мезье. Новый знакомый написал памфлет, в котором изложил послу республики свою версию положения дел в Канаде. Он доказывал, что военные позиции и авторитет англичан в Канаде ничтожны, что канадцы не желают защищать английского короля и «готовы сбросить иго тирана». По словам А. Мезье, жители провинции доведены до крайней степени недовольства притеснениями английских чиновников и военных, с трудом терпят тяжелые повинности в пользу сеньоров и священников, проникнуты желанием перемен, а потому готовы повторить опыт французской революции ¹¹.

Полностью доверившись словам Мезье, Женэ написал памфлет «Свободные французы — братьям в Канаде» ¹². В нем посол от имени Франции приносил извинения за проигранную Семилетнюю войну, но заверял, что с тех пор «братья по другую сторону океана» не забывали канадцев и до сих пор испытывают душевную привязанность к ним. Он призывал жителей Квебека объединиться с «друзьями американцами, французами и индейцами» и поднять оружие против угнетателей, сбросить иго сеньоров и иностранных завоевателей и обрести независимость.

Основную часть текста заняло описание тех благ, которые ожидали канадцев после освобождения от Великобритании. Им обещалась отмена сеньориальных титулов и связанных с ними повинностей, полная свобода торговли при отсутствии привилегий отдельным компаниям или купцам, выборность всех органов власти, демократизация церковной жизни, перевод образования в ведение государства, развитие наук и даже приобщение индейцев к достижениям цивилизации. От мести английского короля их должен был спасти союз с «самыми свободными и прогрессивными державами мира» — Францией и США ¹³. Мезье удалось распространить в Нижней Канаде порядка 350 экземпляров этого памфлета, а также брошюры с французскими революционными песнями, сочинения Томаса Пейна и другие подобные материалы. Несколько сочувствующих франкоканадцев взялись разносить слухи о скором прибытии войск республики в надежде спровоцировать восстание.

Самому Женэ не выпало возможности увидеть результаты проделанной работы. В феврале 1794 г. яacobинское правительство лишило его официального статуса и потребовало возвращения во Францию. Однако британские власти в Верхней и Нижней Канаде очень

быстро узнали о распространяемой пропаганде ¹⁴. И, судя по всему, агитация произвела немалый резонанс среди франкоканадских крестьян, особенно в пограничных с США областях. В частности, полковник Р.Г. Ингланд, пребывавший летом 1794 г. в районе Детройта, охарактеризовал настроения абитанов ¹⁵ как «очень близкие к мятежу» ¹⁶, а У. Грант — землевладелец и член ассамблеи Верхней Канады — требовал от лейтенант-губернатора введения военного положения, поскольку провинция «находилась под угрозой вторжения и восстания» ¹⁷.

Британская колониальная администрация отреагировала уже упомянутым выше Законом об иностранцах, введением военного положения и приостановкой Хабеас корпус акта, что позволяло без суда и следствия заключать в тюрьму любых неугодных лиц. Но все это имело совсем незначительный эффект в сельской местности. В слабо контролируемых ею аграрных районах решающее значение имела позиция франкоязычных сеньоров. А те, в свою очередь, напуганные эгалитаристской риторикой революционеров и их эмиссаров в Северной Америке, с большим энтузиазмом пришли на помощь британским властям. В 1794 г. в Квебеке, Монреале и Труа-Ривьере несколько членов Законодательного и Исполнительного советов создали, так называемые, Верноподданнические ассоциации. Их главной задачей провозглашалось «донесение до франкоканадцев вестей об ужасах революции», «раскрытие вражеских агентов» и «распространение чувств благодарности за блага, что принесло британское правление» ¹⁸. Учредители этих организаций при содействии франкоканадских кюре и землевладельцев развернули пропагандистскую кампанию по всей Канаде. По свидетельствам Ф.-У. де Гаспэ и герцога де ля Рошефуко-Лианкура, нередко сами сеньоры собирали крестьян и «разоблачали» перед ними опасные заблуждения ¹⁹.

Один из франкоязычных землевладельцев — сеньор Дено — даже выступил с пламенной речью в ассамблее Нижней Канады, рассказав о шести причинах, по которым он ощущал себя верным британским подданным и не собирался поддерживать французов в случае их вторжения в провинцию. Во-первых, потому что по условиям Парижского мира 1763 г. Канада уже не являлась частью французского государства, во-вторых, в силу клятвы верности, принесенной английскому монарху, в-третьих и в-четвертых, из благодарности за защиту католической религии, а также человечность и доброту, проявленные британской администрацией после завоевания, в-пятых, поскольку Франция теперь была охвачена неприемлемыми революционными идеями, и наконец, так как вторжение и война были бы «угрозой свободе, законам, религии и моральным устоям всех канадцев» ²⁰. При этом источники не зафиксировали ни одного случая, когда бы франкоканадские сеньоры выступили с поддержкой или сочувствием к происходившим во Франции событиям, либо выразили желание возвращения Канады под французский суверенитет.

Но наибольшую активность проявило католическое духовенство. Оно было по-настоящему шокировано казнью «помазанника божьего» Людовика XVI и политикой французских республиканских правительств по отношению к церкви. В ноябре 1793 г. епископ Юбер разослал по приходам циркуляр, в котором требовал от кюре при-

знать «полностью прерванными все узы, когда-либо существовавшие с Францией», и помнить, что верность и преданность, прежде соединявшие канадцев с французским монархом, теперь принадлежат британскому королю. «Французы должны быть полностью выдворены из этой провинции», — предельно четко требовал епископ ²¹.

Чтобы не оставаться голословным, Юбер распорядился отказывать в проведении церковных таинств всем замеченным в симпатиях к республиканским идеям ²². А позднее его коллега епископ Дено даже устроил торжественное богослужение в честь «возрадовавшей сердца» победы адмирала Нельсона над французским флотом при Абукире ²³.

Рядовые священники старались не отставать в выражении верноподданнических чувств. «Прежде завоеватели внушали нам только леденящий душу страх. Мы не могли поверить, что эти люди, чуждые нашему языку, законам, традициям и вере, смогут дать нашей стране то, что она потеряла со сменой суверенов. Но эта щедрая нация не раз наглядно доказала, насколько ложными были такие предрассудки. Эта трудолюбивая нация обогатила нашу землю и позволила ей расцвести... благодетельная нация... добрая нация, которая дала нам всю необходимую свободу и уважает нашу религию. Нет, нет, нет, это не наши враги» ²⁴, — заявил Ж.-О. Плесси на похоронах епископа Бриана в июне 1794 года. Среди приходских священников даже распространилось поверие, что само завоевание Канады англичанами было не чем иным, как частью божественного замысла по спасению ее жителей от тяжелейшего преступления — убийства «помазанника божьего» и «отца народа», короля Людовика ²⁵.

Однако эффективность агитации верноподданнических ассоциаций была ограничена. С одной стороны, она оставалась слишком неубедительной для тех немногих представителей канадской интеллигенции, вроде депутатов ассамблеи Жозефа Папино и Жана-Антуана Панэ, кто был знаком с сочинениями французских просветителей и имел устоявшиеся политические взгляды. Они понимали революцию гораздо шире, чем обычный бунт «отвратительных убийц» и «жесточких каннибалов» ²⁶, а некоторые даже симпатизировали демократическим идеалам. В спектре общественно-политической жизни Канады этих людей можно было бы назвать радикалами. Их инициативы о четком разделении исполнительной и судебной властей в провинции, введении суда присяжных по делам государственной важности и сокращении срока ареста без предъявления обвинения до восьми дней встречали непонимание и последовательно отклонялись большинством депутатов ассамблеи ²⁷. Однако даже для них было несвойственно выражать симпатии революции или с воодушевлением ожидать французского вторжения.

С другой стороны, положение франкоязычного крестьянства за последние десятилетия сильно ухудшилось. И большинство регионов уже не первый год пребывало в состоянии постоянного социального напряжения. Пользуясь неподконтрольностью со стороны колониальной администрации, многие сеньоры произвольно повышали ренту, сгоняли абитанов с нажитых земельных участков, устанавливали новые повинности и всячески нарушали традиционные права арендаторов, прежде закрепленные французскими статутами, а ныне никак

не защищенные. Особенно тяжелая ситуация складывалась во владениях новоявленных англоязычных помещиков. Многие из них стремились к получению максимальной прибыли со своих участков и не испытывали никакого сочувствия к населявшим их земледельцам. И если в годы французского господства каждый крестьянин имел право искать защиту у интенданта провинции, и споры, бывало, заканчивались и в их пользу, то в 1780—1790-е гг. британские власти просто игнорировали все подобные конфликты, хотя и были прекрасно о них осведомлены ²⁸.

Ситуация усугубилась сильным неурожаем 1795 г. и сопутствовавшим ему голодом. К несчастью для канадского крестьянства, цены на зерно на британском и европейском рынках в предшествовавшие годы только росли, и землевладельцы не собирались даже временно снижать взимаемую ренту, как это было принято в годы французского правления ²⁹. Абитаны оказались в странной ситуации, когда их обязательства по отношению к сеньорам оставались в силе, но при этом последние сложили с себя всякую ответственность за судьбу жителей поместий.

Стремительное ухудшение условий существования делало крестьян очень восприимчивыми к любой пропаганде, особенно, если речь заходила об отмене налогов. И, наоборот, лишало доверия сеньоров и юре. Это было очевидно даже для современников. В частности, генеральный прокурор Нижней Канады Дж. Монк обвинял в мятежных настроениях крестьянства как раз местных землевладельцев. «Ренты и повинности, налагаемые сеньорами, создают ту почву для недовольства, которую используют враги Его Величества, — описывал он ситуацию государственному секретарю Домашнего департамента Г. Дандасу, — именно по причине бедственного положения их (абитанов. — *И.Н.*) так легко убедить в чем угодно» ³⁰.

В результате абитаны мало верили рассказам об «ужасах революции» и намного охотнее внимали словам агентов французского посла. Даже известие о казни короля повсеместно подвергалось сомнению. Ходили слухи о сговоре сеньоров с британскими властями с целью не допустить возвращения Канады под власть Франции ³¹.

Судя по всему, за исключением генерального прокурора, британские власти недооценивали уровень недовольства канадских крестьян. И генерал-губернатор Г. Карлтон, и лейтенант-губернаторы А. Кларк и Дж. Симко считали, что главная угроза исходит не от Франции или, тем более, от абитанов, а от США. В частности, последний не верил в возможность высадки в Канаде французского десанта, но всерьез опасался вторжения американских войск, либо вылазок индейцев, инспирированных Конгрессом ³². Страх агрессии со стороны соседней республики одолевал и губернаторских советников. «Американцы просто одержимы непреодолимой манией захвата земель, — считал Р. Гамильтон, — и их Конгресс, компетентный, рассудительный и мудрый в остальных вопросах, в этом отношении так же болен, как и остальной народ» ³³.

В связи с этим совершенно логичным выглядело решение генерал-губернатора о созыве ополчения. В мае 1794 г. он распорядился «как можно скорее» поставить под ружье 2 тыс. неженатых франкоканадцев ³⁴, но сразу же столкнулся с пассивным сопротивлением

абитанов. Крестьяне попросту отказывались брать в руки оружие или записываться в отряды капитанов, а у тех не имелось никакой возможности заставить их подчиняться. Лишь 222 чел. во всей провинции встали на службу. Позже их количество увеличилось до 900, но это после того, как вербовщики обошли все 7 тыс. военнообязанных канадцев ³⁵.

Аграрные районы наводнились множеством самых невероятных слухов. Начиная от разговоров о нелегальности приказа о мобилизации, якобы не подписанного губернатором, и заканчивая сплетнями о планах британских властей отправить канадцев в Вест Индию ³⁶. Поговаривали даже, что однажды записавшийся ополченец будет обязан служить всю жизнь ³⁷. Немало неразберихи внесли и агенты Женэ, по-прежнему убеждавшие крестьян в скором прибытии французских войск и их союзников из США. Абитаны боялись оказаться перед необходимостью воевать со своими «соседями и братьями» ³⁸.

Как раз в этот момент отсутствие у абитанов доверия к британским властям и местным сеньорам стало особенно очевидно. Никакие уговоры не могли развеять их сомнения и страхи. В местечке Кот-де-Неижэ недалеко от Монреаля несколько сотен крестьян вооружились и организовали оборону в ожидании регулярных войск, якобы посланных ассамблеей для принуждения их к службе в ополчении ³⁹. В целом ряде приходов священники, призывавшие абитанов вспомнить о военном долге, подверглись насилию, а в Сен-Жозеф-Невелль-Бос около пятидесяти вооруженных людей захватили и заключили в тюрьму офицеров, направленных к ним для набора милиции ⁴⁰. В деревне Шарльсбург около Квебека более трех сотен абитанов, вооруженных пиками и мушкетами, несколько дней патрулировали местность, защищаясь таким образом от возможных карательных мер со стороны властей ⁴¹. Сообщения о беспорядках поступали из разных уголков провинции, но колониальная администрация смогла избежать углубления конфликта, отказавшись как от репрессий, так и от проведения в жизнь непопулярного указа. По прошествии времени абитаны вернулись к привычным занятиям и, хотя ополчение так и не было собрано, проблема как бы решилась сама собой.

Кажется странным, но уже в следующем году власти повторили ошибку. Словно не замечая неурожая, голода и повсеместного недовольства среди крестьян, ассамблея Нижней Канады приняла билль «Об улучшении плачевного состояния дорог», согласно которому повинности абитанов дополнялись 12-дневными работами по ремонту путей сообщения в провинции. Причем не только тех, что находились рядом с местом их жительства, а вообще любых, где это могло потребоваться, например, в отдаленных районах добычи пушнины или в городах ⁴². Первые попытки проведения в жизнь этого закона летом 1796 г. столкнулись с массовым противодействием крестьян. Жители целого ряда деревень устраивали стихийные митинги и шествия, нападали на правительственных служащих, самовольно выпускали из тюрем тех наиболее активных протестующих, кого власти отправляли под арест. Показательна история некоего Люка Бертелё из предместья Монреаля, который все лето публично отказывался выходить на общественные работы, а в августе 1796 г. вместе с пятью друзьями избил констебля Марстона, отправленного его арестовать.

«Счастливым, что унес тогда ноги живым», констебль вернулся с помощью и все-таки заключил Бертелё под стражу. Однако, как свидетельствовал генеральный прокурор Сьюэлл, тот не пробыл и пяти минут в заключении, когда в темницу ворвалась толпа разгневанных крестьян и освободила его ⁴³.

В условиях продолжавшейся англо-французской войны колониальные власти оставались весьма ограничены в средствах силового воздействия на население. Угроза вторжения по-прежнему оставалась реальной, о чем в октябре 1796 г. лишний раз напомнил рейд французского флота под командованием адмирала Ришери. Как только до Канады дошли первые сведения о его появлении в районе Ньюфаундленда, среди крестьянства стали распространяться слухи о скором прибытии французских войск, несущих освобождение от английских властей, сеньориальных налогов и повинностей ⁴⁴. В такой напряженной ситуации, как признавали сами британские управляющие, имелось всего два выхода: признать действия абитанов мятежом и применить против них силу, что было чревато непредсказуемыми последствиями, или вновь отказаться от непопулярного закона, успокоив, тем самым, широкие массы населения ⁴⁵. Именно второй вариант и был выбран.

Поведение франкоканадского крестьянства возмущало и пугало англоязычных жителей провинции. Они по-прежнему находились в абсолютном меньшинстве среди враждебно настроенного большинства и за время беспорядков убедились в неспособности сеньоров, кюре и даже колониальной администрации контролировать стихийные проявления агрессии абитанов. Дополнительным подтверждением их страхов стали выборы в ассамблею 1792 и 1796 гг., в течение которых многие франкоканадские кандидаты эксплуатировали ксенофобские настроения избирателей и нередко сами впадали в крайние формы нетерпимости ⁴⁶. «Он из тех людей, кто сможет растоптать англичан в ассамблее», — охарактеризовал своего соратника в предвыборной речи Ж.-А. Панэ, а позже заявил: «Наши силы неравны, но вместе со мной вы сбросите англичан с вашей шеи» ⁴⁷. В 1796 г. на волне недавних массовых беспорядков число землевладельцев среди франкоканадских депутатов резко сократилось — с 13 до 4 — и при этом выросло количество представителей средних и низших социальных слоев: мелких торговцев, ремесленников и даже крестьян. Их отличали очень радикальные и оппозиционные настроения. Главный судья У. Осгуд с негодованием рассказывал, что семеро новых членов ассамблеи «не умеют ни читать, ни писать, но обещали избирателям отменить все налоги и повинности» ⁴⁸. В легислатуру также были избраны такие люди, как Николас Дорион и Александр Меню, которые разыскивались властями как зачинщики и организаторы недавних беспорядков, но депутатский мандат предоставил им иммунитет от уголовного преследования ⁴⁹.

В моменты активизации слухов о французском или американском вторжении среди англоязычных канадцев распространялись поистине панические настроения. «Не сомневаюсь, что, узнав о приближении республиканских войск, французское население провинции перережет глотки всем, кого заподозрит в симпатиях к Британии», — писал один из жителей Квебека в 1793 году ⁵⁰.

Пользуясь приостановкой Habeas corpus акта, власти отправляли абитанов в тюрьму по первому же подозрению или доносу, а те, в свою очередь, часто выходили на свободу после заступничества соседей. Колониальная администрация даже пыталась засылать к франкоканадцам провокаторов, но сама же их и арестовывала, заподозрив в чересчур рьяном исполнении возложенных на них обязанностей⁵¹.

Но даже карательные меры никому не давали ощущения безопасности. «Глядя на всех тех людей, кого отправили в тюрьму безо всякой на то причины... и понимая, что тебя самого в любой момент могут заклеить как “демократа”, начинаешь думать, а не лучше ли вообще не испытывать судьбу и уехать куда-нибудь на время из провинции», — писал в «Квебек газетт» Джон Неилсон, работавший в ней печатником⁵².

В поисках причин обострения межэтнических отношений необходимо иметь в виду важное обстоятельство: англо- и франкоязычные общины Канады не имели широких контактов друг с другом. Они не только говорили на разных языках, ходили в церкви противоборствовавших конфессий, но и почти буквально жили в разных мирах. Первые компактно заселяли пустующие местности Верхней Канады, а в Нижней не выходили за пределы городов, где обосновывались отдельными кварталами. Вторые полностью доминировали в сельской местности долины реки св. Лаврентия, и многие из них вовсе не встречали англичан в повседневной жизни⁵³. Их представления друг о друге часто не шли дальше воспроизведения стереотипов многолетней давности, сложившихся в условиях политического и религиозного противостояния Великобритании и Франции.

Английские чиновники, в большинстве своем, воспринимали абитанов как «невежественную, ленивую, хитрую расу», склонную к мятежам и заговорам, готовую ударить в спину в первый же подходящий момент⁵⁴. Их нежелание служить в ополчении и заниматься ремонтом дорог объяснялось лишь пагубным влиянием французских агентов и революционной пропагандой, легко смущавших недалекие умы⁵⁵. Немногие стремились понять мотивы поведения крестьян и никто не пытался выслушать их. Чуть ли не самой мягкой оказалась снисходительная позиция генерал-губернатора Г. Карлтона, который не считал канадцев нелояльными и списывал случившиеся конфликты на их «несознательность» и потерянную за мирные годы «привычку служить и работать»⁵⁶.

Что же касается франкоканадцев, то они страдали ксенофобией не меньше англичан. Их стихийные протесты по поводу тяжести налогов и повинностей, созыва ополчения в пору сбора урожая или ремонта дорог в условиях голода часто направлялись не по адресу. Не имея решимости конфликтовать с сеньорами, у которых арендовали землю, проживая далеко от столицы провинции и плохо разбираясь в механизмах принятия управленческих решений, они просто срывали злобу на первых попавшихся «чужаках». Таковыми часто становились низовые чиновники, капитаны ополчения, священники, торговцы, особенно, говорившие на непонятном языке. Выступления абитанов были стихийны, импульсивны, и их англоязычные соседи часто даже не успевали понять, чего те хотели добиться в тот или иной момент.

Популярности ксенофобии способствовало и то, что она приносила политические дивиденды. Колониальные власти в отчетах Лондону могли списать все ошибки на отсутствие у канадцев «привычки» работать или служить, а избрание в ассамблею становилось намного проще, если кандидат в депутаты осваивал англофобскую риторику — она была проста, давала популярность и ни к чему не обязывала, ведь не в полномочиях ассамблеи был вопрос о выходе провинции из Британской империи.

Возвращаясь к вопросу о том, почему начало англо-французской войны не стимулировало среди франкоканадцев стремления добиться независимости от Великобритании, следует отметить три важных особенности этнической ситуации в Британской Северной Америке конца XVIII века. Во-первых, франкоканадская община не имела единой позиции по отношению к британским властям и англоязычным соседям по провинции. Ее образованная и политически активная часть в лице сеньоров, духовенства и интеллигенции в подавляющем большинстве не была настроена на конфликт и оставалась чрезвычайно лояльной по отношению к британской короне. Что же касается крестьянства, низших и средних городских слоев, то их протест никогда не был в достаточной степени организованным и последовательным. Во-вторых, даже те немногие активные действия абитанов, которыми они выражали свое недовольство, вроде вооруженного отказа от ремонта дорог или захвата тюрем, носили исключительно оборонительный характер и заканчивались в тот момент, когда власти отменяли непопулярный закон или отказывались от жестких мер. Не стоит преувеличивать их желание возвращения колонии под французский суверенитет: с воодушевлением встречая новости о скорой высадке французских войск или приближении французского флота, они не собирались делать что-либо для помощи вторжению из-за границы. И наконец, что частично следует из сказанного выше, этнический фактор сам по себе не имел для населения Канады конца XVIII в. столь большого значения, какое приписывалось ему историками XIX и XX веков. Поведение абитанов гораздо чаще двигалось сугубо практическими мотивами вроде недовольства чересчур высокими налогами, нежелания служить в армии или нести новые повинности, нежели соображениями этнического толка. Хотя это и не отрицает наличия традиционной враждебности ко всему «чужому», ксенофобии и стереотипов по отношению к людям иной культуры и образа жизни.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-31-01213.

1. См., например: GARNEAU F.X. Histoire du Canada. Vol. 1—3. Quebec. 1851; GROULX L. Histoire du Canada français depuis la découverte. Vol. 3—4. Montreal. 1950—1952; BRUCHESI J. Histoire du Canada. Montreal. 1954.
2. ТИШКОВ В.А. Освободительное движение в колониальной Канаде. М. 1978; КОЛЕНЕКО В.А. Французская Канада в прошлом и настоящем. Очерки истории Квебека XVII—XX века. М. 2006.
3. К 1791 г. в Канаде проживало 160 тыс. франкоканадцев и не более 10 тыс. англичан. См.: WADE M. The French Canadians, 1760—1945. N.Y. 1955, p. 94.

4. TÉTU M. Quebec and the French Revolution. — Canadian Parliamentary Review, vol. 12, № 3, 1989.
5. Journals of the House of Assembly of Lower Canada for 1793—1794. Quebec. 1794, p. 308.
6. KINGSFORD W. The History of Canada. Vol. 7. Toronto. 1892, p. 397.
7. Correspondence of the French Ministers to the United States, 1791—1797. — Annual Report of the American Historical Association for the Year 1903, vol. 2, p. 201—211.
8. BURT A.L. The United States, Great Britain and British North America. New Haven. 1940, ch. IV—VII.
9. Genet to Minister of Foreign Affairs. Annual Report of the American Historical Association for the Year 1903, vol. 2, p. 234—235, 239—240, 264—265.
10. WILLIAMSON C. Vermont in Quandary: 1763—1825. Montpelier. 1949, ch. 14.
11. ТИШКОВ В.А. Ук. соч., с. 113.
12. Полный текст документа приведен в работе: BRUNET M. La Révolution française sur les bords du Saint Laurent. — Revue d'histoire de l'Amérique française, vol. 11, 1958—1959, p. 158—162.
13. Ibidem.
14. Lt. J.H. Schroede to Captain Le Maistre. 9 Sept. 1793. Report on Canadian Archives, 1891. Ottawa. 1892, p. 57; Simcoe to Alured Clarke. Ibid., p. 57.
15. Самоназвание франкоканадских крестьян.
16. The correspondence of Lieut. Governor John Graves Simcoe, with allied documents relating to his administration of the government of Upper Canada. Vol. 2. Toronto. 1923—1931, p. 334.
17. Journals of the House of Assembly of Lower Canada for 1794. Quebec. 1795, p. 304.
18. Dorchester to Dundas. 12 July 1794. Public Archives of Canada, Ottawa, Ontario. CO 42 (dispatches, letters, etc. Received by the Colonial Office), vol. 99, p. 299—300; Monk to Dorchester, s.d. Ibid., p. 301—302; Circular letter of the Quebec Association to the rural parishes in the District of Quebec. Ibid., vol. 100, p. 369; Report of the Quebec Executive Committee to the Association. 18 Oct. 1794. — Quebec Gazette. 23 Oct. 1794.
19. GASPÉ P.-A. Mémoires. Quebec. 1885, p. 85—86.
20. TÉTU M. Op. cit.
21. WADE M. Op. cit., p. 99.
22. Bishop Hubert to curé Bédard. 13, 14, 19 Aug. 1793. Rapport de l'archiviste de la province de Québec pour 1931-32. Quebec. 1932, p. 289.
23. WADE M. Op. cit., p. 100.
24. Ibidem.
25. GROULX L. Notre Matîre, le passé. Montreal. 1944, p. 125—164.
26. Именно так трактовались происходившие во Франции события британскими колониальными властями. См., например: Quebec Gazette. 31 Jan. 1793; GASPÉ P.-A. Op. cit., p. 86.
27. Journals of the House of Assembly of Lower Canada for 1794. Quebec. 1795, p. 196—200, 304.
28. Solicitor-General Jonathan Sewell to Dorchester. 27 Feb. 1794. Public Archives of Canada, Ottawa, Ontario. Q Series (Colonial Office fonds), vol. 67, p. 89—97; Monk to Dundas. 6 June 1794. Public Archives of Canada. CO 42, vol. 100, p. 326—329; Chief Justice William Osgood to Burland. 25 Oct. 1795. Public Archives of Canada. CO 42, vol. 22, p. 23—24; WELD I. Travels through the states of North America, and the provinces of Upper and Lower Canada, during the years 1795, 1796, and 1797. L. 1799, p. 231.
29. OUELLET F. Histoire économique et sociale du Québec. Montreal. 1966, p. 151—157.
30. Monk to Dundas. 6 June 1794. Public Archives of Canada. CO 42, vol. 100, p. 329.
31. Robert Liston to Grenville. 2 April 1798. Public Archives of Canada, Ottawa, Ontario. FO (Foreign Office Papers), series 5, vol. 22, p. 119.
32. From J.G. Simcoe to Henry Dundas. The correspondence of Lieut. Governor John Graves Simcoe, with allied documents relating to his administration of the government of Upper Canada, vol. 1, p. 52.
33. From Robert Hamilton to J.G. Simcoe. 4 Jan. 1792. Ibid., p. 98.
34. Dorchester to Dundas, 24 May 1794. Public Archives of Canada. CO 42, vol. 101, p. 5—7.
35. Abstract of the Returns of the Commanding Officers of the Militia of the Province of Lower Canada. Public Archives of Canada, Ottawa, Ontario. S series (correspondence, reports, etc. received by the Civil Secretary), vol. 59, p. 19035—19047.

36. Deposition of François le Droit dit Perche. 25 May 1794. Public Archives of Canada. CO 42, vol. 101, p. 19—20; Deposition of Jean-Baptiste Leclair. 19 May 1794. *Ibid.*, vol. 100, p. 10—11.
37. Dorchester to Dundas. 25 May 1794. *Ibid.*, vol. 100, p. 9.
38. BRUNET M. Les Canadiens et la France révolutionnaire. — *Revue d'histoire de l'Amérique française*, vol. 13, 1959—1960, p. 474—475.
39. Sheriff Edward Gray to Monk. 9 June 1794. Public Archives of Canada. CO 42, vol. 100, p. 355—356.
40. State of Prosecutions in His Majesty's Court of King's Bench. November 1794. Public Archives of Canada. CO 42, vol. 101, p. 58.
41. Monk to Dorchester. *Ibid.*, vol. 100, p. 5, 8.
42. Journals of the House of Assembly of Lower Canada for 1795—1796. Quebec. 1796, p. 1.
43. Report of Attorney-General Sewell to Prescott on the Road Act Riots. 12 May 1797. Report on Canadian Archives. 1891. Ottawa. 1892, p. 73—78.
44. Henry Cull to James Dale. 23 Nov. 1796. Public Archives of Canada. CO 42. Manuscript Group 23. G. III, 13. Letterbook, p. 63.
45. Sewell to Prescott. 28 Oct. 1796. Public Archives of Canada. Manuscript Group 23. G. II, 10, Sewell Papers, vol. 10, p. 4855—4856; Ryland to Jonathan Sewell. 17 Oct. 1796. Public Archives of Canada. G Series (Records of the Governor-General's Office), 15 C, vol. 5, p. 103; Prescott to Portland. 24 Oct. 1796. Report on Canadian Archives, 1891. Ottawa. 1892, p. 58.
46. James Morrison to ..., 5 Jan. 1792. Public Archives of Canada. Manuscript Group 23. G. III, 5, Lindsay-Morrison Papers, vol. 1, p. 593.
47. Depositions of habitants Louis Paquet et al. 23 Dec. 1794. Public Archives of Canada, Ottawa, Ontario. S series, vol. 61, p. 19519—19520.
48. Osgoode to John King. 3 Aug. 1796. Public Archives of Canada. CO 42, vol. 22, p. 50.
49. Osgoode to Simcoe. 7 July 1796. *Ontario History*, vol. 46, 1954, p. 151; Deposition of Augustin Lavau. 27 May 1794. Public Archives of Canada. CO 42, vol. 100, p. 16—17; Deposition of Jean-Baptiste Vocel Belhumeur. 29 May 1794. *Ibid.*, p. 18—19.
50. WADE M. Quebec and French Revolution of 1789: the Mission of Henri Mezière. — *Canadian Historical Review*. 1950, p. 364.
51. Young to Ryland. 9 June 1798. Public Archives of Canada. CO 42, vol. 111, p. 469—471; Black to John Neilson, n.d. — *Canadian Historical Review*. Manuscript Group 23, B. 1. Neilson Collection, vol. 1, p. 113—114.
52. Declaration of John Neilson, 30 May 1795. Public Archives of Canada. Record Group 4, B. 45 (1794—1811), Declarations of Aliens, s. n.
53. По данным переписи 1801 г., в деревнях Нижней Канады насчитывалось не более пятидесяти англоязычных крестьян (OUELLET F. *Op. cit.*, p. 599). При том совокупное население колонии к этому времени достигло 200 тыс. жителей.
54. Osgoode to John King. 14 Nov. 1796. Public Archives of Canada. CO 42, vol. 22, p. 58.
55. Osgoode to ... 14 Oct. 1796. *Ibid.*, p. 53—55.
56. Dorchester to Dundas. 24 May 1794. Public Archives of Canada. CO 42, vol. 101, p. 5.

Ханнелоре Коль: рядом с канцлером

И.Н. Мухина, Б.В. Петелин

В истории есть немало примеров, когда «вторая половина» оказывала заметное влияние на государственного деятеля, а тем самым и на его политику. Вряд ли это справедливо в отношении Ханнелоре Коль. После ее смерти бывший канцлер сказал: «Моя жена всегда дистанцировалась от политики, считая, что там слишком много болтают, но работают недостаточно квалифицированно. В этом она не раз могла убедиться в своей жизни»¹. Вместе с тем, Ханнелоре поддерживала своего мужа во всех его делах, во всех партийных спорах она была на стороне «канцлера германского единства»².

Ханнелоре родилась 7 марта 1933 г. в Берлине. Власть уже была в руках Гитлера, и впереди Германию ждала национальная катастрофа, о чем в то время мало кто задумывался: экономический кризис вскоре был забыт, как и исчезнувшие противники режима, работа и достаток почти у всех, да и страной, что избавлялась от «несправедливости Версаля», вновь можно было гордиться. Так что детство у маленькой Ханнелоре, которую близкие называли «Куколкой» было счастливым. В 1933 г. семья переехала в Лейпциг, где ее отец, инженер Вильгельм Реннер, получил хорошо оплачиваемое место директора предприятия и руководителя конструкторского отдела на заводе металлических изделий Хуго Шнайдера. Ее мать Ирене Реннер (Мерлинг), которая в детстве воспитывалась в строгой прусской семье, в основном занималась домом. Родители души не чаяли в Ханнелоре. Особенно любил дочь отец и позволял ей намного больше, чем мать³.

Ирене Мерлинг в детстве ходила в спортивную школу, и это увлечение передала дочери. Ханнелоре с юных лет приобщали к разным видам спорта и предпочитали дарить на рождество или на день рождения лыжи, коньки или велосипед. В отличие от других девочек, у нее всегда были самые красивые вещи. Например, роликовые конь-

Мухина Ирина Николаевна — аспирант; *Петелин Борис Валентинович* — доктор исторических наук, профессор. Череповецкий государственный университет.

ки с очень большими колесами и белыми высокими ботинками на шнуровке. Комнаты в доме были такими большими, что Ханнелоре могла кататься в них на роликах вместе со своими подружками. В четыре года она научилась плавать. В 10 лет уверенно каталась на велосипеде. Материальный достаток позволял родителям дать Ханнелоре всестороннее образование. Отец мечтал о том, что дочь пойдет по его стопам и станет инженером, а матери была больше по душе музыка, так как она сама играла на нескольких музыкальных инструментах. В пять лет у девочки начались занятия по классу гармонии. В раннем возрасте родители приобщили ее к театру и филармонии. Дружная семья часто путешествовала по Германии, что не могло не нравиться впечатлительной и любознательной девочке. Последнее семейное путешествие они совершили летом 1942 года.

12 апреля 1939 г. Ханнелоре пошла в школу, а затем началась война. Впрочем, она не скоро докатилась до Германии. Подруга Ханнелоре Рена вспоминала: «В начале у нас не было осознания войны. Нас больше интересовало — закроется завтра школа или нет. Когда начинался обстрел, мы шли в бомбоубежище и играли с Ханнелоре, радуясь, что мы может видеться и ночью». В сентябре 1942 г. в Лейпциге начала распространяться эпидемия детского полиомиелита. Все школы пришлось закрыть. Вакцинация тогда еще не проводилась, и многие дети заболели. В течение трех дней умерла Ева, сестра Рены, только потому, что родители не успели отвезти ее в больницу. С тех пор Ханнелоре было запрещено покидать свой дом ⁴.

В октябре-декабре 1943 г. Лейпциг подвергся массированным бомбардировкам английской авиации. Так, 21 октября, как пишет Шванн, 285 самолетов совершили налет на город. Было сброшено более тысячи тонн бомб. В ночь с третьего на четвертое декабря Лейпциг бомбили уже 527 самолетов. Город горел. Разрушения были колоссальные. Позже был полностью разрушен семейный дом Реннеров ⁵. Дед и отец Ханнелоре решили эвакуировать мать и дочь из города. Вначале они отправились в Гриму, который располагался тридцатью километрами юго-восточнее Лейпцига, а затем еще дальше — в Дёбельн. Здесь они получили временное жилье, а Ханнелоре поступила в гимназию. Кроме нее в классе было всего две девочки, и по воспоминаниям Ханнелоре, учиться там было нелегко, но она все выдержала. Через несколько дней ее мать признали военнообязанной и отправили на принудительные работы. Для женщины, которая никогда не трудилась физически, это было очень тяжело. Мать и дочь испытывали страх за отца и старались как можно чаще к нему приезжать. Последний раз они увиделись в начале 1945 г., потом связь с отцом прервалась.

В мае 1945 г. война для Германии закончилась. Но для 12-летней девочки скитания продолжались. Мать решила возвращаться в Лейпциг. Шли пешком. Дороги были забиты беженцами и солдатами. Раненые, убитые, развалины, растерзанная земля — эти картины в детской памяти остались навсегда. В конце мая удалось воссоединиться с отцом. С огромным трудом он смог найти машину, но до Лейпцига так и не доехали. Кончился бензин. Вновь шли пешком, ночуя, где придется. В хаосе побега Ханнелоре упала и повредила позвоночник. Травма оказалась болезненной. Всю свою жизнь она старалась не перегружать позвоночник: не поднимала и не носила тяжелые вещи.

В Лейпциге они не задержались. Отец решил пробираться на запад, в Пфальц, где проживали родственники. Оставаться в Восточной Германии, которая становилась советской оккупационной зоной, Реннер не желал, опасаясь возможных преследований ⁶. На новом месте их никто не ждал, так что пришлось жить в прачечной — тесном, мало приспособленном помещении. Ханнелоре очень переживала, стала замкнутой и неразговорчивой. Болела спина, организм ослаб от постоянного недоедания. Не меньше девочки страдала ее мать. Первое время Ирене Реннер просто не могла ни с кем общаться. Привычная, комфортная жизнь безвозвратно ушла, а к новой еще надо было привыкнуть. Родственники, конечно, помогали, но у них у самих были проблемы. Зато Вильгельм Реннер, отец Ханнелоре, как и подобает мужчине, оказался человеком действия. Брался за любую работу: ремонтировал швейные машинки, велосипеды, кухонные приборы и, если были заказы, сельскохозяйственную технику. Платой были продукты питания, в основном картофель, лук, брюква. Большим счастьем был суп с колбасой, в котором было немного шпика. В эти дни в семье был праздник ⁷.

В октябре 1945 г. Ханнелоре пошла в высшее реальное училище для девочек в Людвигсхафене. Среди сверстниц она была неприметной, но доброй и отзывчивой девочкой. Одноклассницы ласково называли ее «Лёрхен». Учеба давалась легко, особенно иностранные языки. Очень скоро она овладела французским. Чтобы заработать немного денег, Ханнелоре в 15 лет начала давать дополнительные уроки по английскому и французскому языкам. Иногда печатала что-то для отца, у которого дела пошли в гору. Летом 1946 г. семья переехала в отремонтированный дом, где у них были две комнаты, кухня, ванная и балкон.

Первая встреча с Колем произошла в местном трактире, куда Ханнелоре пришла вместе с подругами. Ее внимание привлек молодой человек, который показался ей «наглым парнем» — это был восемнадцатилетний Гельмут, старшеклассник из мужской гимназии. Снова они встретились осенью 1948 г., когда оба пришли на занятие в танцевальную школу «Хаммер». В то время танцевальная школа была одним из тех немногих мест, где юноши и девушки могли встречаться. Гельмут стал ее партнером по танцам. Спустя некоторое время он представил Ханнелоре своим родителям. По воспоминаниям Коля, оба приняли ее с распростертыми объятиями и ни для кого не имело значения, что она протестантка. Так началась их дружба.

Гельмут уже тогда занимался политикой, возглавляя местный «Молодежный союз», организационную структуру партии ХДС, в которую он вступил в 1946 году. Биограф Коля историк В. Мазер писал, что в детстве и юности Гельмут отличался явным стремлением быть лидером, «маленьким фюрером», упражняясь в «искусстве руководства своими сверстниками» ⁸. Повзрослевший Коль казался добродушным человеком, покладистым, склонным к компромиссам. За глаза его иногда называли «деревенским увальнем», имея в виду провинциальное происхождение, рост и фигуру. На деле все было иначе. Гельмут Коль обладал редкой целеустремленностью, присущей людям с твердым характером ⁹. Учась в гимназии, а затем во Фрайбургском и Гейдельбергском университетах он показывал глу-

бокие знания по гуманитарным предметам, особенно по истории, был активным на семинарах и рано уяснил, что сутью политики является ее практическая сторона. В семье Ханнелоре политикой не увлекались, однако Гельмут снискал у нее уважение своим трудолюбием, настойчивостью, порядочностью.

В 1951 г. Ханнелоре без проблем получила аттестат в школе. Летом она вместе Гельмутом отправилась в поездку в Эльзас и Шварцвальд. Они посетили Страсбург, Кольмар, Хорнберг, Оффенбург, Баден-Баден, Карлсруэ. Впервые оказавшись во Франции, Ханнелоре не имела проблем в общении. Ее французский был очень неплох. В эти каникулы Ханнелоре была безмерно счастлива. В октябре 1951 г. она поступила в филиал Майнцкого университета Иоганна Гуттенберга в Гермерсхайме. Предпочтение было отдано иностранным языкам: французский, английский и испанский. Начало студенческой жизни было многообещающим. С Гельмутом виделись редко, но молодые люди постоянно переписывались. Все письма Гельмута она бережно хранила. В 1952 г. Ханнелоре удалось съездить в Париж («Aupair-Mädchen» — по сути, домработницей), где она жила во французской семье, помогая родителям в воспитании дочери и совершенствуя свои познания в языке. Дважды в Париж приезжал Гельмут. В первый раз — один, потом со своим товарищем по «Юнге унион». Про свою первую поездку он рассказывал: «Я приехал в Париж автостопом и ночевал в церковном приюте. Так как у меня было в распоряжении всего 10 марок на неделю, я питался картофелем фри. Когда у Ханнелоре было свободное время, мы гуляли по городу»¹⁰.

18 сентября 1952 г. от сердечного приступа умер отец Ханнелоре. Для девушки это было страшное горе — она потеряла одного из самых близких людей в своей жизни. Семейных сбережений оказалось недостаточно, чтобы оплачивать учебу и жить на оставшиеся деньги вместе с матерью. Из университета пришлось уйти. В этот нелегкий период ее поддержали ближайшие подруги, Гельмут и его отец, который был восхищен внутренней силой молодой девушки. В конце октября 1952 г. Ханнелоре начала работать в издательстве в Штутгарте, а затем вместе с матерью вновь переехала в Людвигсхафен, где поступила секретарем в фирму «БАСФ». Ее мать, следуя примеру дочери, устроилась секретарем в фирму «Грюндцвайг энд Хартманн», где работала до самой пенсии.

18 апреля 1953 г. Гельмут Коль попросил руки Ханнелоре. И, хотя девушка была согласна, они поженились только через семь лет — 27 июня 1960 года. Гельмут хотел обеспечить своей жене и семье достойное существование и понимал, что это зависит от его личных успехов. После свадьбы Ханнелоре решила уволиться с работы.

В мае 1959 г. Гельмут Коль вошел в состав ландтага в Майнце, и его начавшаяся семейная жизнь стала более «публичной». Коля часто навещали коллеги по ХДС. Строились планы на будущее. Ханнелоре оказалась превосходной хозяйкой: она умела выслушать собеседника, поддержать разговор, ненавязчиво высказать свое мнение. Однако политика так и не стала ее страстью. Происходящее воспринималось ею как долг жены политика, от которого она не собиралась уклоняться. «Я вышла замуж не за политика, а за человека по имени Гельмут Коль... Нам помогало то, что мы познакомились, когда были моло-

ды, — говорила она... — Мы выросли вместе и пережили как плохие, так и хорошие времена. Мы пережили послевоенное время, мы помогали друг другу в контрольных работах и на вступительных экзаменах и наставляли наших детей на правильный путь. Поэтому я никогда не понимала того, что многие люди ассоциируют наш совместный путь только с того периода, когда мой муж стал бундесканцлером... Такая чепуха. До этого мы тоже жили»¹¹.

16 июля 1963 г. у супругов родился первый сын — Вальтер. Он был очень живым ребенком, и у Ханнелоре не было ни минуты свободного времени. Она была не только любящей, но еще и очень осторожной матерью, и никогда не оставляла Вальтера одного. Через два года родился второй сын — Петер. Хотя сама Ханнелоре не была набожной, но большое значение уделяла католическому воспитанию сыновей. Вечерами она молилась вместе с детьми и очень часто ходила со всей семьей на богослужения в католическую церковь.

Впервые о Ханнелоре, как о «First Lady» («первой леди») заговорили в 1969 г., когда Гельмут Коль стал премьер-министром правительства земли Райнланд-Пфальц. Как пишет биограф Н. Шванн, Ханнелоре Коль в возрасте 36 лет стала самой молодой «первой леди» в ФРГ, а ее фотографии стали появились в прессе¹². Ханнелоре к своему новому положению отнеслась чрезвычайно серьезно. По ее словам, она никогда не считала себя «домохозяйкой», хотя семья, дети, муж были на первом месте, но теперь она стала «женой-помощницей». Ханнелоре вела переписку, участвовала в партийных мероприятиях, успешно справлялась с работой переводчика. Она сумела наладить контакты с американскими и французскими военными, которые базировались на территории Райнланд-Пфальца. В свободное время Ханнелоре всегда занималась собой: читала художественную и политическую литературу, играла на органе, ходила в бассейн, любила смотреть старые сентиментальные фильмы. В беседах она казалась прямолинейной, даже своенравной, но это вовсе не означало, что она не умела слушать и принимать доводы собеседника¹³.

В 1970-е гг. Коль вместе с семьей как туристы трижды ездили в ГДР: в ноябре 1974, августе 1975 и в январе 1976 г., когда они побывали в восьми городах, в том числе в Лейпциге — городе детства Ханнелоре. Несмотря на все перемены в жизни, Восточная Германия не стала для нее чужой, а Лейпциг был куда ближе, чем Людвигсхафен или Майнц¹⁴.

3 октября 1976 г. ХДС/ХСС уступили на выборах в бундестаг коалиции СДПГ-СвДП. Канцлером остался Гельмут Шмидт, но мало кто сомневался в следующем успехе Коля (во время его предвыборной кампании Ханнелоре побывала в 44 городах ФРГ)¹⁵. Однако на выборах 1980 г. кандидатом от христианских партий стал напористый баварец Ф.-Й. Штраус, председатель ХСС. Запрограммированное поражение Штрауса укрепило позиции Коля, который, возглавляя фракцию ХДС/ХСС в бундестаге, не долго ждал своего часа: правящая коалиция СДПГ-СвДП развалилась и 1 октября 1982 г. Гельмут Коль большинством голосов депутатов бундестага был избран федеральным канцлером. Началась «эра Коля».

Как жена федерального канцлера, Ханнелоре общалась с главами государств и правительств многих стран, а также с их женами. «Моя

жена была специалистом в зарубежных поездках, — вспоминал Коль, — и не только потому, что она знала иностранные языки, но еще и потому, что она не имела никаких проблем с официально принятыми правилами. Она всегда была пунктуальной и умела с очень большим тактом и юмором избегать проблемных ситуаций. Моя жена со всеми находила общий язык, и было совершенно не важно, кто перед ней стоит — глава государства или обычный человек. Ее открытость и сердечность были ключом, который подходил ко всем людям»¹⁶.

Авторы публикаций о жизни Ханнелоре подробным образом рассказали о ее насыщенной деятельности в 1982—1998 годах. Быть рядом с канцлером, не на фото, а в жизни, совсем не просто. Тем более, что именно в эти годы европейская и мировая история пережила очередной радикальный поворот, а канцлер Коль стал одним из главных участников тех перемен¹⁷. На Ханнелоре лежала ответственность за составление программ визитов и мероприятий для гостей страны. Во время планирования приемов и встреч она уделяла большое внимание нескольким вещам — гости должны были познакомиться с культурой страны, а также посетить важные с социальной точки зрения места: приюты для больных, дома престарелых, больницы, детские сады и школы. Она была не в восторге от так называемых «женских программ», организацией которых в своей стране обычно занимается супруга главы государства. По словам Вальтера Нойера, руководителя бюро в Ведомстве федерального канцлера, уже само название «женская программа» Ханнелоре не нравилось. Она хотела, чтобы ее воспринимали как самостоятельную личность, а не как «бесплатное приложение» к неким обязательным женским программам. Впрочем, Ханнелоре понимала значение подобных мероприятий и старалась сделать все от нее зависящее для их успешного проведения¹⁸.

В конце мая 1983 г. лидеры семи стран — США, ФРГ, Великобритании, Японии, Италии, Канады и Франции — собрались на саммите «группы семи» в США, в Вильямсбурге штат Вирджиния. Руководители шести стран прибыли со своими супругами, только Великобританию представляла женщина, глава правительства Маргарет Тэтчер. Ханнелоре Коль, впервые увидев Нэнси и Рональда Рейгана, легко нашла с ними общий язык. Благодаря своему профессиональному опыту, госпожа Рейган превосходно держалась на публике, в окружении журналистов. Эта ее способность произвела на Ханнелоре большое впечатление.

Быть «женой-помощницей» действующего политика требовало большой самоотдачи. Особенно это проявилось в процессе объединения страны, когда Коль решился на проведение наступательной германской политики. И то, что Ханнелоре участвовала в ее осуществлении, как это было с известной программой канцлера «десять пунктов», говорит о многом. О той ночи с 27 на 28 ноября 1989 г. она вспоминала так: «Я печатала десять пунктов на своей старой портативной пишущей машинке. И хотя необходимо было все делать быстро, мы стремились сделать каждую формулировку четкой до мельчайших деталей, изложить то, что нужно в краткой форме и простым языком. Мой муж в этот день и эту ночь приложил огромные усилия для того, чтобы привести происходящее в порядок. И порядок для него состоял в том, чтобы выстроить последовательность действий в своих десяти пунктах. Лично для меня эти десять пунктов были на-

чалом порядка»¹⁹. Для нее Восточная Германия, как уже отмечалось, не была чужой. В ходе избирательной кампании вместе с канцлером Ханнелоре побывала во многих городах ГДР. И есть своя логика в том, что результаты выборов 18 марта 1990 г., последних в истории ГДР, в Лейпциге огласили в присутствии Ханнелоре Коль. Ее появление на грандиозном митинге было встречено громом аплодисментов.

Вальтер Коль так описывал чувства своей матери 3 октября 1990 г.: «Весь период объединения моя мать пережила как в опьянении, и ночь в Берлине была для нее звездным часом. Моя мать не только была свидетелем объединения, но и в свою очередь принимала в нем участие. Для моего отца, который в то время мог общаться только с ограниченным количеством людей, потому что многие были настроены скептически или против воссоединения, моя мать была центральной эмоциональной поддержкой. Она всегда придавала ему мужества и поддерживала его в его проектах».

«...То, что ей аплодировали люди, когда она стояла вместе с ним на ступенях у Рейхстага, ее очень тронуло, — продолжает он — хотя она была не тем человеком, которому требовались овации... Моя мать была той женщиной, которая спокойно, не требуя никаких аплодисментов, могла быть рядом с моим отцом. Иначе она поступала бы совсем по-другому»²⁰.

Ханнелоре еще в юности мечтала о собственном деле. Судьба оказалась иной, но мечту отчасти удалось осуществить. В 1971 г. она взяла шефство над федеральной неврологической клиникой для людей с черепно-мозговыми травмами. После выборов в бундестаг 1983 г., когда положение ее мужа упрочилось, Ханнелоре проявила инициативу по учреждению попечительного совета по поддержке больных с заболеваниями головного мозга. Буквально все пришлось создавать с нуля: искать нужных специалистов, врачей, помещения, средства. Тем не менее, в декабре 1983 г. состоялась презентация организации «Kuratorium ZNS» («Кураториум»), занимавшейся лечением заболеваний центральной нервной системы. В серьезность ее намерений поверили в обществе. До конца года почти 200 клиник собрали 36,9 млн марок. Пациентами «Кураториума» становились молодые люди в возрасте от 5 до 25 лет, которые проходили лечение и курсы реабилитации²¹. Среди прочего «Кураториум» инициировал ряд проектов: «Компьютер помогает выздороветь», «Ранняя реабилитация», «Система цифровой связи», «Автотренажер». Это не было рекламным увлечением — для Ханнелоре Коль это стало призванием. На этом посту она проработала до самой смерти. Разумеется, многие вопросы, когда супруг являлся главой правительства ФРГ, решались быстрее, но без ее энтузиазма, настойчивости, преданности делу попечительный совет остался бы только в названии.

Гельмут Коль в силу своей занятости не мог уделять семье много времени. Воспитанием, учебой, устройством жизни сыновей в основном занималась его супруга. Вальтер и Петер служили в бундесвере, но о военной карьере не думали. Получить хорошее университетское образование в ФРГ детям канцлера, как считала мать, не так просто. Для Вальтера выбор был сделан: учиться в США, в колледже Гарвардского университета. Ханнелоре подыскала репетиторов, требуемые экзамены были сданы, началась учеба. Полученные знания, диплом

экономиста стали хорошим стартом в профессиональной жизни. Младший сын Петер пошел по пути своего брата. После окончания службы в 1987 г. и подготовки к сдаче экзаменов поступил в Массачусетский технологический университет, где изучал экономику, а также авиационную и космическую технику. Оба сына были благодарны матери за ее постоянную заботу и помощь во время их учебы за границей.

Президент «Кураториум» не предполагала, что ей самой придется столкнуться с тяжелым заболеванием, которое станет причиной ее ухода из жизни. В феврале 1993 г. Ханнелоре дали антибиотики, чтобы вылечить инфекцию. Врач упустил, что препарат содержит вещество, на которое у нее была аллергия. После приема лекарства ее кожа сильно покраснела, появились волдыри и отеки. К этим симптомам добавились зуд и удушье. Последствия повторного приема были губительны — у Ханнелоре развился синдром Лайелла — сильнейшая аллергическая реакция, от которой она чуть не умерла. С тех пор она должна была избегать прямых, а впоследствии и любых солнечных лучей. Приходилось отказываться от поездок и визитов вместе с канцлером ²².

Пошатнувшееся положение мужа тоже не добавляло ей здоровья. В августе 1994 г. советские войска покинули Берлин, что было несомненным успехом Коля. Для его супруги, как пишет Шванн, 31 августа — окончательный вывод советских солдат — было сравнимо с 8 ноября 1989 г. — падением Стены. Но объединение Германии оказалось нелегким и долгим делом: страна срасталась с трудом. В правительственной коалиции росла неуверенность и нервозность. Вновь отважились критиковать Коля его старые друзья-соперники: Хайнер Гайслер и Курт Биденкопф ²³.

Поражение ХДС/ХСС на выборах 1998 г., было огорчительным не только для мужа — Коль рассчитывал на очередную победу, но и для его супруги, которая, несмотря на болезнь, участвовала в избирательной кампании. За этим последовал новый удар: в СМИ была предана гласности так называемая «афера с черными кассами» — финансирование ХДС в обход законодательства, что бросало тень и на попечительскую деятельность «Кураториум». Кое-кому не терпелось принизить авторитет Коля, представить его в образе «нечистоплотного политика». Особую досаду вызвало то, что отвернулись партийные выдвиженцы Коля, в их числе и Ангела Меркель, бывшая в 1991—1998 гг. одним из заместителей председателя ХДС. Впрочем, свою позицию они оправдывали тем, что стремились сохранить христианскую партию ²⁴.

3 апреля 2000 г. Гельмуту Колю исполнилось 70 лет. Однако торжества в стране, которые готовились, отменили. Причина — финансовая афера ХДС. Юбилей отмечался скромно, в кругу семьи и ближайших друзей. В опубликованном «дневнике» Коль не скрывал своего разочарования поведением тех «партийных товарищей», которые поспешили забыть все позитивное, сделанное им на посту председателя партии. Видимо политике не введома вечная дружба. Разумеется, о Коле, его семье не забыли. Многочисленные поздравления шли от рядовых граждан. В бюро бывшего канцлера поступило более 6 тыс. поздравлений. Три американских президента, почти все европейские коллеги поздравили его. Особенно сердечное письмо поступило от Маргарет Тэтчер, были телеграммы из бывшего СССР, от Б.Н. Ельци-

на. Официальное поздравление от партии пришло за подписями Ангелы Меркель и Вольфганга Шойбле. Федеральный президент, действующий канцлер и некоторые министры также поздравили Коля ²⁵.

Нападки на мужа не прибавляли Ханнелоре сил в борьбе с недугом. Рук, правда, она не опускала, но со временем симптомы ужасной аллергии становились все сильнее. С весны 2000 г. она была приговорена к жизни в сумраке. Приходилось целыми днями прятаться от солнечных лучей. В доме в люстрах были только черные лампочки, потому что резкое искусственное освещение причиняло ей боль. Аллергия распространялась на определенные продукты и косметические средства. Даже тепло, исходящее от нагревательных приборов причиняло боль. Это означало: никаких свечей, никакого отопления и никакого теплого воздуха. Даже к телевизионному экрану она не могла подойти. Когда самочувствие позволяло, она работала со своей корреспонденцией за рабочим столом в кабинете, вела телефонные переговоры. Ханнелоре принимала участие в заседаниях, на которых ее муж и его коллеги работали над мемуарами. К этому делу она относилась очень серьезно. Особенно ее помощь была нужна, когда дело касалось деталей. Учитывая состояние здоровья, встречи проходили в одной из комнат подвала, защищенной от дневного света. Все это время ее муж старался как можно чаще находиться с ней. Почти ежедневно к Ханнелоре приходили ее друзья и знакомые.

Однако надежды на выздоровление не было, а жить в постоянной темноте и холоде, с ужасными болями, видеть страдания родных она больше не могла. В ночь с 4 на 5 июля 2001 г., когда ей никто не мог помешать, Ханнелоре Коля покончила с собой.

11 июля 2001 г. тысячи граждан пришли к католическому Шпайерскому собору в Людвигсхафене, чтобы проститься с Ханнелоре Коля. Ее супруг не скрывал слез. Скорбь была на лицах собравшихся, в словах, произнесенных на панихиде. Немцы прощались с той, что всегда была рядом с канцлером. Похоронили Ханнелоре на кладбище Людвигсхафен-Фрайзенхайм в семейном склепе Колей, несмотря на то, что она была протестанткой

В прощальном письме к мужу она написала: «Я очень долго думала над этим решением. Мне очень тяжело оставлять Тебя после 41 года семейной жизни, но, к сожалению, то, что я неизлечима, подтверждалось много раз, и надежды больше нет.

Много лет я боролась за то, что естественно в жизни — свет и солнце, но все безнадежно. Становилось только хуже и, увы, мои силы закончились. Постоянная борьба не осталась без последствий для меня, и сил больше нет. Моя надежда на исцеление после восьми лет испарилась. Специалисты, с которыми я консультировалась, сказали мне правду, каждый по-своему. Конечно, остается надежда на чудо. Мне уже 68 лет, а это тот возраст, когда все в жизни должно быть на своих местах. Я благодарю тебя за помощь, хорошее отношение и твои попытки облегчить мою жизнь. Вместе с тобой я прожила много счастливых лет, вместе мы пережили трудные времена. Я благодарю тебя за свою жизнь с тобой и за то, что она была полной событий, любви, счастья и удовольствия. Я люблю тебя и восхищаюсь твоей силой. Я хочу, чтобы ты держался. У тебя еще много дел» ²⁶.

Примечания

1. In: SCHWARZ H.-P. Helmut Kohl. Eine politische Biographie. München. 2012, S. 900.
2. KOHL H. Erinnerungen 1930—1982. München. 2004, S. 376.
3. KUJACINSKI D., KOHL P. Hannelore Kohl. Ihr Leben. München. 2002, S. 29.
4. Ibid., S. 37, 39.
5. SCHWAN H. Op. cit., S. 34—35.
6. SCHWARZ H.-P. Op. cit., S. 85.
7. KUJACINSKI D., KOHL P. Op. cit., S. 51.
8. МАЗЕР В. Гельмут Коль. М. 1993, с. 23.
9. Журналист Б. Хаймрих писал, что впервые желание стать канцлером Гельмут высказал, еще участь в школе, а затем — в 1959 г., когда стал самым молодым депутатом ландтага. См.: Frankfurter Allgemeine Zeitung. 15.I.1983.
10. KUJACINSKI D., KOHL P. Op. cit., S. 77.
11. Ibid., S. 282.
12. SCHWAN H. Op. cit., S. 115.
13. МАЗЕР В. Ук. соч., с. 287.
14. Последняя частная поездка Гельмута и Ханнелоре Коль в ГДР состоялась в конце мая 1988 г., до начала революционных перемен. Канцлер был удивлен тем, что граждане ГДР открыто выражают симпатии ему и его партии. Некоторые из них обращались с просьбой помочь выехать из ГДР. Для Коля было важно почувствовать, что на востоке живут не враги, а те же немцы, которые не утратили надежд на единое государство. Надо полагать, что супруга канцлера содействовала его «прозрению». См.: KOHL H. Op. cit., S. 706—711.
15. МАЗЕР В. Ук. соч., с. 288.
16. KUJACINSKI D., KOHL P. Op. cit., S. 178.
17. Подробнее см.: PLATO A. von. Die Vereinigung Deutschlands — ein weltpolitisches Machtspiel: Bush, Kohl, Gorbatschow und die geheimen Moskauer Protokolle. Bonn. 2003.
18. KUJACINSKI D., KOHL P. Op. cit., S. 173—174.
19. Ibid., S. 245. Данный сюжет содержится в книге Михаэля Мертеса, руководившего в «аппарате германской политики» Коля сектором спичрайтеров (См.: МЕРТЕС М. Немецкие вопросы — европейские ответы. М. 2001, с. 111). Однако политолог А. фон Плато, ссылаясь на беседу с ближайшим помощником канцлера Хорстом Тельчиком 27 сентября 2000 г., ставит под сомнение непосредственное редактирование «десяти пунктов» супругой Коля. ПЛАТО А. фон. Объединение Германии — борьба за Европу. М. 2007, с. 417.
20. KUJACINSKI D., KOHL P. Op. cit., S. 253—254.
21. См.: Verbannt in die Dunkelheit. Die ungewöhnliche Lichtallergie der Alt-Bundeskanzlerin Hannelore Kohl. — Der Spiegel. 2001, N 28, S. 74—81.
22. Ibid., S. 74.
23. Далеко не всем известно, что в 1988 г., накануне перемен в ГДР, против Коля был организован «заговор» с участием руководства ХДС. «Путчистам» симпатизировал президент ФРГ Р. фон Вайцеккер (KOHL H. Mein Tagebuch 1998—2000. München. 2000, S. 118). «Заговор» провалился. На съезде ХДС в Бремене в сентябре 1989 г. наиболее активные «заговорщики», включая Х. Гайслера, лишились своих постов. Но Коль при избрании председателем ХДС получил всего 77% — наилучший результат с 1973 года. Как написал журналист В. Биккерих: «Счастье Коля, что через месяц он мог начать собирать плоды германского единства». In: BICKERICH W. Der Enkel: Analyse der Ära Kohl. Düsseldorf. 1995, S. 99.
24. Опасения не были надуманными. В начале 1990-х гг. в Италии операция «Чистые руки» привела к ликвидации Христианско-демократической партии. В связях с мафией был обвинен ее многолетний лидер Дж. Андреотти. На авансцену в стране вышли другие политики. Нечто подобное могло повториться и в Германии.
25. KOHL H. Mein Tagebuch, S. 215—216.
26. Эта часть письма Ханнелоре Коль приведена в книге ее сына Петера. См.: KUJACINSKI D., KOHL P. Op. cit., S. 19—20.

Повышение квалификации учителей в 1950-х гг. в Калининградской области

Г.В. Кретинин, Л.М. Фуксон

Перед народным образованием в послевоенные годы ставилась задача обеспечить высшую и среднюю школы хорошо подготовленными кадрами. Задача была решена. Однако в стране все отчетливее стало формироваться мнение об отрыве школы от жизни и практических, хозяйственных потребностей общества. В условиях начинавшейся научно-технической революции этот отрыв надо было ликвидировать в короткие сроки.

Страна приступила к реализации курса на постепенный переход с семилетнего всеобщего к всеобщему среднему образованию в столицах, городах республиканского подчинения, в областных и крупных промышленных центрах. Вершиной, которую предстояло преодолеть в школьном образовании, стала идея политехнизации обучения: «В целях дальнейшего повышения социалистического воспитательного значения общеобразовательной школы и обеспечения учащимися, заканчивающим среднюю школу, условий для свободного выбора профессий, приступить к осуществлению политехнического обучения в средней школе и провести мероприятия, необходимые для перехода к всеобщему политехническому обучению»¹.

В школах Калининградской области реализация такой идеи требовала совершенствования работы с учительским составом и работниками народного образования в плане повышения его политехнической квалификации и кругозора, вооружения его знаниями основ современного промышленного и сельскохозяйственного производства, необходимыми практическими навыками. Органам народного образования пришлось пересмотреть подходы к организации учебного процесса в школах, к укомплектованию учительских коллективов.

Задача осложнялась тем, что в связи с естественным уменьшением в середине 1950-х гг. учащихся 5—7 классов (это была первая послевоенная демографическая волна в ее низшей точке), освободилось некоторое число учителей-предметников, которых следовало трудоустроить. Надо было думать и о перспективе, ведь учителя, освобожденные сегодня, после некоторой переподготовки могли быть привлечены к учительской работе завтра.

Кретинин Геннадий Викторович — доктор исторических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта; *Фуксон Лазарь Моисеевич* — кандидат педагогических наук.

Однако подбором и расстановкой кадров учителей и работников народного образования дело не ограничилось. Основной упор был сделан на повышение квалификации и профессионального мастерства, прежде всего руководящего состава, который и должен был стать проводником передовых идей на местном уровне.

Институту усовершенствования учителей (ИУУ) было предписано организовать соответствующие курсы для заведующих районными и городскими отделами народного образования (роно и гороно), директоров средних школ, инспекторов и заведующих педагогическими кабинетами роно. Естественно, состав ИУУ не мог организовать такие курсы собственными силами: дефицит специалистов ощущался здесь, возможно, еще сильнее, чем в учительском звене.

Для проведения занятий в Калининград приглашались специалисты из Центрального института повышения квалификации руководящих работников народного образования, научные сотрудники Академии педагогических наук РСФСР. В течение 1955 г. курсы посетили 20 заведующих отделами, 17 инспекторов школ, 44 директора средних и семилетних школ, 55 завучей средних школ. Областной ИУУ взял на себя организацию практической стороны обучения. В частности, для заведующих отделов и инспекторов школ были организованы занятия в Гвардейском районе области. Завучи средних школ участвовали в проведении практических занятий в средней школе № 5 г. Калининграда ².

К политехническому обучению, как и все школы страны, калининградские учебные заведения приступили с 1954—1955 учебного года. На практике это выразилось в переходе на учебный план, включавший дисциплины политехнического цикла: труд в 1—4-х классах, практические занятия в школьных учебных мастерских — для 5—7-х классов, а также практикум по машиноведению, сельскому хозяйству и электротехнике в 8—10-х классах. Кроме того, с 1955 г. началось активное создание ученических производственных бригад, в основном в сельской местности. Переход планировалось провести за 2—3 года ³.

В соответствии с новым учебным планом были разработаны программы курсов повышения квалификации. Значительное место в них отводилось изучению основ современного производства, проведению производственных экскурсий. Институту усовершенствования учителей директивно предлагалось уделить больше внимания проведению с учителями разнообразных практических занятий: по конструированию приборов, по изучению автомобиля и трактора, постановке опытов, по обработке дерева, стекла, картона и т.д. ⁴

Летние курсы 1954 г. были организованы прежде всего для учителей, ведущих занятия по предметам политехнического цикла. Например, для учителей физики вводилось изучение основ энергетики и машиноведения, химии — основ химической технологии, биологии — сельскохозяйственного производства. Как и в других регионах, по учебному плану на эти спецкурсы отводилось от 27 до 35 % всего учебного времени ⁵.

Расширение масштабов политехнической подготовки учителей внесло коррективы в структуру создаваемой материально-технической базы ИУУ. В институте организовали учебную мастерскую по обработке дерева и металла. Значительные средства были выделены для пополнения необходимым оборудованием и наглядными пособиями учебно-методических кабинетов физики, химии, биологии, математики, географии.

Анализ процесса внедрения политехнизации в общеобразовательную школу в середине 50-х гг. прошлого века позволяет говорить об использовании государством в этот период достаточно мягкой, постепенной реформы народного образования. Не было ломки устоявшейся структуры системы общего обра-

зования. Шло постепенное наращивание материально-технических возможностей школы, совершенствование и доподготовка учительского состава.

Однако руководство страны полагало, что надо менять подходы к перестройке народного образования. «В работе школы наиболее крупным недостатком является известный отрыв обучения от жизни, недостаточная подготовленность оканчивающих школу к практической деятельности» — отмечалось в резолюции XX съезда КПСС⁶. Была поставлена задача практического приобщения учащихся к труду на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах. Это решение «обросло» соответствующими партийными и правительственными актами, а окончательно материализовалось в принятом 24 декабря 1958 г. Верховным Советом СССР «Законе об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР»⁷.

Претворение закона в жизнь требовало не только создания новых типов общеобразовательных школ, рационализации их сети, но и серьезного изменения учебно-воспитательного процесса. Как отмечал еще П.В. Худоминский, при решении поставленной государственной задачи институты усовершенствования учителей должны были уйти от «ориентации на изучение, главным образом, методических вопросов»⁸.

В педагогическом сообществе России даже разгорелась дискуссия о целесообразности существования такой формы повышения квалификации учительского состава, как институты усовершенствования. Дело в том, что осуществление в сжатые сроки массовой переподготовки, а часто переучивания педагогических кадров для учреждений системы повышения квалификации, в частности, для ИУУ, было весьма сложной задачей. По подсчетам специалистов, ежегодные контингенты слушателей должны были возрасти в 2—3 раза, а ИУУ не имели физической возможности (аудиторий, общежитий, учебных кабинетов и т.д.) принять их всех. Но главное, за прошедшие годы работы институтов усовершенствования учителей, их деятельность была направлена преимущественно на повышение методического уровня учителей. В ходе реформы на первый план выдвигались вопросы теории, задачи расширения научного и культурного кругозора. Сложившиеся коллективы методистов ИУУ (как правило, это были опытные учителя-практики) не были готовы к решению таких задач. Надо было сначала подготовить методистов ИУУ или, по крайней мере, родственной системе педагогического образования поделить с системой повышения квалификации своими кадрами.

Радикально настроенные педагоги предлагали вообще объединить учреждения двух систем: педагогического образования и повышения квалификации.

Возобладала обычная логика. Специалисты обратили внимание руководителей системы образования на то, что деятельность ИУУ не сводилась только к проведению курсов и семинаров, чем, в принципе, с успехом могли заниматься и педагогические вузы. Институты усовершенствования выполняли большой объем работы по изучению состояния преподавания и качества знаний учащихся, по обобщению лучшего педагогического опыта, по руководству методической работой, по оказанию учителям помощи в самообразовании и т.д. Педагогические вузы не могли взять на себя выполнение таких сложных и специфических задач⁹.

Министерством просвещения был взят курс на дальнейшее укрепление институтов усовершенствования учителей в соответствии с новыми задачами, вставшими перед общеобразовательной школой. Предстояло создать соответствующую материальную базу, укрепить ИУУ квалифицированными кадрами, обеспечить взаимодействие институтов усовершенствования и педагогических вузов, передав последним переподготовку части учителей.

Несмотря на то, что ИУУ являлись областными учреждениями, поддержка республиканского министерства сказалась. В частности, в конце 1950-х гг. Ка-

лининградский институт усовершенствования учителей отмечался руководством российского народного образования с лучшей стороны ¹⁰.

Дискуссия о деятельности ИУУ калининградскую педагогическую общественность, по всей вероятности, не затронула. По крайней мере, следов дискуссии в документах того времени обнаружить пока не удалось.

Система повышения квалификации и переподготовки учителей и работников образования работала в тот момент с очень большой нагрузкой. Летом 1959 г. облоно и ИУУ удалось организовать и провести в районах области занятия по переподготовке 3700 учителей. Через курсовые мероприятия в самом институте за 1958—1959 учебный год прошли переподготовку 919 учителей. Архивные документы сообщают, что на курсы были привлечены учителя начальных классов, преподаватели русского языка и литературы, математики, физики, химии, биологии, истории, географии, иностранных языков, практических занятий в мастерских, физвоспитания, пения, черчения, воспитатели школ-интернатов, инспектора отделов народного образования, заведующие методическими кабинетами, директора домов пионеров ¹¹.

В том же учебном году при Институте усовершенствования учителей было проведено 39 семинаров и практикумов, которые посетил 2341 человек. Методистами ИУУ были организованы семинары на местах, в районах области, на которые было привлечено более 600 человек ¹².

Коллектив института подчинил свою деятельность решению главной, по мнению директора института Е.Н. Тетеркина, проблемы — «соединению обучения с производительным трудом и подготовкой учащихся к практической деятельности» ¹³.

Сотрудники института опубликовали ряд статей в сборнике «В помощь учителю биологии» и «Методических бюллетенях». Кроме того, указанная проблема обсуждалась на семинарах с руководителями школ, учителями дисциплин политехнического цикла, секции учителей труда на шестых областных педагогических чтениях. В помощь учителям институт организовал постоянный практикум по вопросам трудовой подготовки учащихся на уроках труда на внеклассных занятиях, курсы преподавателей основ сельского хозяйства, постоянный практикум для учителей по цветоводству. С руководителями школ было организовано посещение занятий по производственной практике, организованных одной из средних школ на Калининградском вагоностроительном заводе ¹⁴.

При всей важности темы производственного обучения, в поле зрения оставалась еще одна проблема: «Повышение качества урока, активизация методов обучения, развитие самостоятельности учащихся на уроках». Сотрудникам института удалось организовать и провести педагогический эксперимент по этой теме, в котором приняли участие 15 школ области ¹⁵.

Еще одна проблема, также оказавшаяся в сфере внимания коллектива ИУУ, формулировалась следующим образом: «Формы совершенствования методической работы с учителями в школе и в районе». Сотрудники института выдержали давление определенной части педагогического сообщества, считавшего, что институты усовершенствования учителей непропорционально распределяют усилия по повышению квалификации и переподготовке учителей в сторону методической работы. Калининградский ИУУ не пошел на простое сокращение учебного времени, отводимого на ее совершенствование, а использовал на практике новые формы и методы. ИУУ удалось внедрить в практику методической работы районов и школ семинары и практикумы с учителями и классными руководителями. Такая форма оказалась более живой, по сравнению с «традиционными» докладами, которые часто просто списывались с профессиональных журналов, или открытыми уроками.

Повышение активности деятельности районных методических кабинетов стало одним из факторов, способствовавших приближению основного элемента системы повышения квалификации учителей к «переднему краю» образования — школьной сети. При планировании занятий и семинаров учитывался тип школ (средние, восьмилетние, школы-интернаты, школы рабочей и сельской молодежи), стаж (начинающие учителя и учителя с опытом работы) и сочетания преподаваемых предметов. На курсах учителей начальных классов выделялись группы преподавателей малокомплектных школ, для которых разрабатывались специальные программы. Занятия проводились с руководителями районных (городских) и межшкольных (кустовых) методических объединений.

В год начала реформы непосредственно на местах были проведены семинары учителей иностранных языков, начальных классов, пения, а также малокомплектных начальных классов, учителей физики и математики. Во втором по величине городе области — Черняховске — начал работу кустовой семинар по истории. Удалось организовать три постоянно действующих (выездных) семинара-практикума: по внеклассной воспитательной работе для классных руководителей; по цветоводству для учителей биологии, практикум для учителей практических занятий в учебных мастерских. Был организован областной практикум для учителей физики и химии с использованием лабораторного оборудования и специалистов ¹⁶.

В результате возможности института усовершенствования учителей по организации и проведению занятий с различными категориями преподавателей значительно возросли. Опыт показал, что на семинарах, совещаниях, практикумах наибольшим признанием в учительской среде пользовались выступления самих учителей-предметников, директоров школ, заведующих учебной частью, лучших инспекторов и заведующих роно. К концу 1958—1959 учебного года численность актива института составила около 300 человек ¹⁷.

Следует отметить, что для успеха начального этапа реформы стало важным изучение, обобщение и распространение педагогического опыта. Именно в 1950-х гг. появились исследования М.Н. Скаткина и других авторов по вопросам изучения, пропаганды лучшего (впоследствии — передового) опыта школ и учителей ¹⁸.

Наряду с существовавшими достаточно распространенными формами обобщения педагогического опыта (доклады, открытые уроки, выставки, методические бюллетени, практикумы на базе лучших школ и т.д.) в эти годы получили распространение новые формы, предполагавшие более активное участие самих учителей в анализе и обобщении своего опыта. Одной из таких форм стали педагогические чтения. К концу 1950-х гг. сложилась двухуровневая система проведения педагогических чтений. Так, в 1959 г. они прошли в 12 районах области. В них приняли участие 343 человека. Участники чтений были распределены по предметным секциям: русского языка и литературы, физики, практических работ и мастерских, физвоспитания, учителей начальных классов, воспитателей детских домов и школ-интернатов — всего 9 секций. Определялись лучшие доклады, которые затем были представлены на республиканские педагогические чтения ¹⁹.

Анализируя деятельность областного Института усовершенствования учителей, методических кабинетов, всего учительского состава в первый год реформы, следует отметить, что в целом задача подготовки учителей к проведению реформы была выполнена. Массовую переподготовку прошли в общей сложности более 5 тыс. человек. В результате, учительский состав и работники народного образования Калининградской области смогли приступить не просто к улучшению успеваемости учащихся, а к повышению качества образования в целом.

Примечания

1. Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 гг. М. 1974, с. 45.
2. Государственный архив Калининградской области (ГАКО), ф. 462, оп. 3, д. 10, л. 12—14.
3. Там же, д. 141, л. 87.
4. Сборник приказов и инструкций Министерства просвещения РСФСР. М. 1953, № 36, с. 28.
5. См., напр.: НАУМОВ Н. Повышение педагогического мастерства учителей. — Народное образование. 1954, № 5, с. 15.
6. Народное образование в СССР, с. 46.
7. Ведомости Верховного Совета СССР. 1959, № 1, ст. 5.
8. ХУДОМИНСКИЙ П.В. Развитие системы повышения квалификации педагогических кадров советской общеобразовательной школы (1917—1981 гг.). М. 1986.
9. СИМАКОВ П. Об институтах усовершенствования учителей. — Народное образование. 1978, № 11, с. 61—66.
10. О работе районных педагогических кабинетов. М. 1959, с. 36—37.
11. Государственный архив новейшей истории Калининградской области (ГАНИКО), ф. 1, оп. 32, д. 150, л. 21.
12. Там же, д. 23, л. 64—65.
13. ГАКО, ф. 127, оп. 1, д. 24, л. 6.
14. Там же, л. 7—8.
15. Там же, л. 8.
16. ГАКО, ф. 127, оп. 1, д. 24, л. 15—16.
17. Там же, л. 22.
18. СКАТКИН М.В. Изучение и обобщение опыта школ и учителей. М. 1952; Изучение и распространение опыта передовых учителей. М. 1954; Изучение и распространение педагогического опыта. М. 1956.
19. ГАКО, ф. 127, оп. 1, д. 24, л. 23—24.

Правовое регулирование сельскохозяйственной миграции в РСФСР в 1946—1991 гг.

С.А. Пискунов

Наличие внушительных слабозаселенных районов в России обусловило выработку и реализацию аграрной миграционной политики, получившей широкое распространение со второй половины XIX столетия и имевшей целью наращивание в этих регионах демографического потенциала. Очевидно, что предпринимаемые меры, призванные решить комплекс задач, в качестве главного итога предполагали максимальный переход мигрантов в категорию постоянных жителей новых для них территорий.

Особую актуальность закрепление новоселов приобрело по окончании Великой Отечественной войны, жертвами которой, по оценкам Л.Л. Рыбаковского, стали 27—28 млн граждан СССР¹, что, в свою очередь, резко сузило численность потенциальных мигрантов в регионах-донорах. Кроме того, уже с начала 60-х гг. XX в. все более активно проявились негативные последствия демографического перехода, выразившиеся в сокращении естественного прироста жителей деревни и города при одновременном усилении урбанизации. В связи с этим, важным представляется исследование опыта советской системы правового регулирования выбытия плановых аграрных мигрантов из мест вселения, не получившего широкого освещения в заявленных хронологических рамках в научной литературе².

Проблема закрепления переселенцев была обозначена еще в дореволюционный период и тесным образом связана с резким увеличением миграционных потоков за Урал. По сведениям известного отечественного историка Э.М. Шагина, за 1906—1914 гг. на Дальний Восток прибыло 265,2 тыс. душ обоего пола, из них вернулось обратно — 28,6 тыс. (11%)³. Ситуация не изменилась в лучшую сторону и в советское время: в 1940 г. на заседании коллегии Переселенческого управления при СНК СССР указывалось, что из колхозов Алтайского края уехало 8380 из 19 166 семей (43,72%), а из Красноярского — 1999 из 5925 (33,74%)⁴. Из принятых в 1944—1945 гг. в Крыму 17 040 хозяйств выехало 9164 (53,78%), из Грозненской области из 12 930 — 1900 (14,70%). В 1946—1951 гг. — 966 хозяйств из 5874 (16,45%) и 2077 из 6151 (33,77%), соответственно⁵.

Пискунов Сергей Александрович — кандидат исторических наук, доцент Благовещенского государственного педагогического университета.

Стремление власти скорректировать негативную ситуацию выразилось не только в расширении предоставляемых льгот, но и в политике ужесточения ответственности за самовольные выезды переселенцев. В послевоенный период правовой основой для разрешения вопросов о материальной компенсации государству со стороны «недобросовестных» новоселов являлось постановление ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1937 г. №115/2043 «О сельскохозяйственном переселении».

В пункте 22 документа указывалось: «В случае ухода переселенца из колхоза вселения выданные ему ссуды на хозяйственное обзаведение, приобретение скота, семян, продовольственного фуража, на ремонт и строительство домов и надворных построек (за исключением суммы оплаченных ссуд и стоимости оставшегося имущества) подлежат взысканию на общих основаниях...»⁶.

Отметим, что четкого механизма взимания средств ни в этом постановлении, ни в дальнейших правовых актах прописано не было. Более того, согласно тексту документа 1937 г., возврат средств касался только выделенных кредитов на конкретные статьи расходов: покупку (или ремонт) жилья, скота, семян и фуража. Следовательно, в законодательстве того времени отсутствовала норма, закреплявшая компенсацию государственных затрат в случае самовольного отъезда семей за единовременное денежное пособие, проезд и провоз багажа, а также налоговых льгот, получаемых ими как в областях выхода, так и вселения. Немаловажно, что действие этого документа касалось переселения в колхозы.

Не случайно, что уже в 1946 г. Переселенческим управлением при Совете Министров РСФСР были инициированы изменения пункта 22 постановления ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1937 г. №115/2043⁷.

Несмотря на то, что коррективы, касающиеся расширения ответственности переселенцев так и не были введены в масштабах страны, материальная ответственность покинувших хозяйства новоселов была предусмотрена в постановлении Совета Министров РСФСР от 5 марта 1947 г. № 172. Так, в пункте 5 читаем: «...при обнаружении обратных выездов производить в каждом случае тщательное расследование причин выезда и взыскание в установленном порядке с самовольно выехавших переселенцев непогашенных ими ссуд и других расходов по переселению». Очевидно, что словосочетание «других расходов по переселению» являлось весьма гибким, учитывавшим возможное расширение перечня предоставляемых государством льгот и, следовательно, взысканий. Всего же, как показывает анализ правовых актов республиканского (РСФСР) уровня, касавшихся наращивания демографического потенциала в отдельно взятых регионах или административно-территориальных единицах, с 1947 г. вплоть до отмены в декабре 1952 г., прецедентная норма упоминавшегося пункта 5 была включена еще в 10 принятых в этот период документов.

На практике сложилась неоднозначная ситуация. По сведениям начальника союзного Главного переселенческого управления С.Д. Черемушкина, за 1947—1951 гг. в общей сложности было предъявлено исков на 19,9 млн руб., из них удовлетворено — на 2,4 млн рублей, или 12,06 %. Это свидетельствовало, по его мнению, о том, что «...судебные органы не всегда взыскивают с переселенцев, вернувшихся из мест вселения, расходы по переселению»⁸. Напрашивается вывод, что подавляющая часть семей покидала хозяйства из-за неустроенности либо по иной легитимной причине. К тому же, несмотря на наличие юридически закрепленной ответственности за самовольный выезд, в послевоенное пятилетие так и не была создана четкая система поиска должников. Например, за 1948—1950 гг. из Амурской области выехало 137 семей, местонахождение лишь 65 (или 47,45%) из них было установлено, предъявлено к исполнению 182 531 руб., а взыскано на 1 января 1951 г. 40 530 рублей (22,2%). Более того, процедура взыскания денежных средств затруднялась в силу отсутствия доку-

ментально подтвержденных затрат. Дело в том, что за некоторыми переселенцами по кредитам ровным счетом ничего не значилось (то есть на них не была переоформлена ссуда либо имевшаяся погашена), а размер выданного единовременного денежного пособия записывался в переселенческий билет, находившийся на руках у выбывших.

Тем не менее, вне зависимости от имевших место недостатков, идея взыскания денежных средств с «недобросовестных» переселенцев трансформировалась в юридически закреплённую норму, просуществовавшую, до декабря 1952 года.

В 1952 г. В.Н. Меркуловым было доложено в президиум Совета Министров СССР «О неправильном распоряжении начальника» союзного переселенческого управления С.Д. Черемушкина. Указывалось, что «...установленную Правительством ответственность для колхозников-переселенцев....т. Черемушкин без разрешения Совета Министров СССР распространил на колхозников-переселенцев в другие области РСФСР, а также в Украинскую, Белорусскую и Карело-Финскую республики»⁹.

В итоге, нарушения были обнаружены и в постановлениях республиканского (РСФСР) правительства «как противоречащие постановлению ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1937 г.»¹⁰. С формулировкой не были согласны ни председатель Совмина РСФСР Б.Н. Черноусов, ни начальник союзного переселенческого управления, доводы которых, однако, не явились определяющими при решении вопроса.

В конечном счете, результатом работы специальной комиссии по означенной проблеме стало принятие в декабре 1952 г. постановлений союзного и российского правительств об отмене прежних республиканских решений, касающихся взимания с выбывших новоселов затраченных на них средств. С этого времени в директивах, касающихся переселения, значилось: «...Обеспечить тщательное расследование каждого факта выезда переселенцев, принимать меры к созданию условий закрепления переселенцев и добиваться...наказания виновных лиц, содействующих выезду...». Таким образом, вся ответственность за адаптацию колхозников автоматически перекладывалась на советские и партийные органы регионов-реципиентов, первостепенной задачей которых стало их полное хозяйственное устройство. Очевидно, что выбытие для самих семей, с финансово-юридической точки зрения, становилось безнаказанным.

Именно в таком правовом поле и стала развиваться практика в отношении самовольно выбывавших колхозников, несмотря на неоднократные попытки со стороны переселенческих органов переломить ситуацию.

В 50-е гг. XX в. централизованное обеспечение рабочими руками стало осуществляться и в отношении совхозов. Первоначально, равно как и в отношении колхозников, на переселенцев этой категории хозяйств распространялось действие упоминавшихся декабрьских постановлений союзного и республиканского правительств. Позднее была найдена юридическая основа для предъявления исков новоселам, самовольно покинувшим совхозы. Так, в указании Главного управления переселения и оргнабора, датированном ноябрем 1963 г., разъяснялось, что «в соответствии со статьей 16 постановления ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1931 г. “О компенсации и гарантиях при переводе, приеме вновь и направлении на работу в другие местности”, переселенцы, выбывшие из совхозов без уважительных причин в течение одного года с момента переселения, обязаны возместить государству все расходы, произведенные в связи с их переселением». Это означало, во-первых, что претензии предъявлялись, если переселенец прожил на новом месте менее года; во-вторых, иск предъявлялся при условии самовольного, безосновательного выезда.

Попытки распространить действие постановления ЦИК и СНК СССР от 23 августа 1931 г. «О компенсациях и гарантиях...» и на семей, самовольно

покинувших колхозы, потерпели неудачу, как это было, например, в 1965 г. при рассмотрении вопроса о продлении льгот по переселению на 1966—1970 года. Возвращались к этой проблеме и в 1968 году ¹¹.

В вышедшем в мае 1973 г. постановлении Совета Министров СССР «О льготах по переселению» статья 10 определяла ответственность семей, уехавших без уважительных причин до истечения пятилетнего срока с момента прибытия. В документе фиксировались их обязательства только в отношении кредитов, полученных на приобретение или строительство жилья и покупку скота. Возмещение затрат, связанных с выдачей единовременного денежного пособия, оплатой проезда, и компенсация предоставленных налоговых преференций не нашли своего отражения в документе. В отношении рабочих совхозов, как и прежде, действовали нормы постановления ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1931 г. «О компенсациях и гарантиях при переводе...», позволявшие истребовать в законном порядке затраченные на переселение средства.

Подобного рода неравноправие прослеживается при анализе бухгалтерских отчетов Госкомтруда РСФСР. Так, в 1977 г. 300 семей, покинувших совхозы, выплатили в бюджет 59,5 тыс. руб., тогда как 75 колхозных семей внесли средства (14,2 тыс.) добровольно, поскольку, как отмечалось в аналитической записке, к ним не предъявлялись иски через судебные органы. Эта диспропорция сохранялась и позднее. В 1986 г. 839 семей, выехавших из совхозов, возместили 213 тыс. руб., тогда как 368, покинувших колхозы, — всего 100 тысяч ¹².

Принципиально иной подход к возмещению затрат государственного бюджета и хозяйств на месте вселения был определен в июне 1989 г. с принятием «Временной инструкции о порядке проведения переселения семей и общественного призыва молодежи в сельскую местность». В частности, пунктом 18 предусматривалось заключение договора крестьян, выразивших желание работать, с конкретным хозяйством. В пункте 7 договора прописывались и обязанности новоселов. Так, отъезд без уважительных причин до истечения 25-летнего срока, обязывал семью возвратити хозяйству «...построенный за счет кредита Госбанка СССР жилой дом с надворными постройками и приобретенный с помощью кредита скот» с соответствующей компенсацией произведенных ей выплат либо возмещение затрат государственного бюджета и средств колхоза (совхоза). Если переселенцы увольнялись до истечения пятилетнего срока с момента приезда, в пользу государства с них взыскивалось единовременное пособие и стоимость переезда.

Таким образом, анализ нормативно-правовой базы 1946—1991 гг. позволил выявить 4 этапа в изменении государственного подхода к проблеме самовольной миграции. На первом, хронологически ограниченном 1946 — декабрем 1952 г., доминировала позиция Совета Министра РСФСР и подчиненного ему Переселенческого управления, согласно которой «недобросовестные» новоселы юридически обязывались возмещать затраченные на них средства. Такая линия, как оказалось, шла вразрез с концепцией союзного правительства, принявшего в декабре 1952 г. постановление, обусловившее начало второго этапа с характерной для него правовой свободой переселенцев (в отношении компенсации затраченных на них средств при самовольном отъезде). На третьем этапе — с ноября 1963 по июнь 1989 г. — было закреплено неравноправие переселенцев по социальному признаку: возмещение колхозниками государственных инвестиций в отличие от рабочих совхоза по-прежнему не предусматривалось, за исключением кредитных обязательств. И, наконец, четвертый этап, датированный июнем 1989 — декабрем 1991 г., в силу политических событий ставший скоротечным. В означенный временной промежуток были установлены конкретные обязательства сельских работников вне зависимости от социальной принадлежности, закрепленные в подписываемых ими договорах. Не-

маловажно, что в возникавшем противоречии интересов государства и переселенцев в связи с их самовольным отъездом из хозяйств предпочтение отдавалось легитимному способу решения конфликта — судебному порядку.

Примечания

1. РЫБАКОВСКИЙ Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой отечественной войне. М. 2010, с. 25.
2. Следует отметить, что послевоенное сельскохозяйственное переселение в ряде регионов стало предметом изучения исследователей. См., например: БОЛЬШАКОВА Г.И. Заложники новой границы: проблемы заселения и освоения Карельского перешейка в 1940—1960 гг. СПб. 2009; ЗАНДАНОВА Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х — середина 60-х гг. XX в.). Иркутск. 1997; КИМ И.П. Развитие территорий, присоединенных к СССР после второй мировой войны (Восточная Пруссия, Южный Сахалин, Курильские острова). 1945 — первая половина 1949 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Владивосток-Южно-Сахалинск. 2010; ОСМАНОВ А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-е — 70-е гг. XX века). Махачкала. 2000; СМИРНОВА Е.П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы: автореф. дис. канд. ист. наук. Петрозаводск. 2006.
3. ЦАГИН Э.М. Столыпинская аграрная реформа и хозяйственное освоение восточных окраин России. В кн.: Очерки истории России, ее историографии и источниковедения. М. 2008, с. 103.
4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 5675, оп. 1, д. 348, л. 70.
5. Подсчитано нами на основе источников. См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. А-327, оп. 1, д. 90, л. 21, 32—33.
6. Там же, д. 3, л. 48.
7. Там же, оп. 2, д. 610, л. 29—30.
8. Там же, оп. 7, д. 1164, л. 27.
9. Там же, ф. Р-5446, оп. 86, д. 2010, л. 23.
10. Там же, ф. А-259, оп. 1, д. 417, л. 141.
11. Там же, ф. 10005, оп. 1, д. 275, л. 251; д. 36, л. 107—112; д. 38, л. 55—60.
12. Там же, д. 610, л. 63; д. 1249, л. 73.

Как читало общество на заре Великих реформ середины XIX в.

С.А. Репинецкий

Взаимоотношения общества и печати эпохи Великих реформ и их развитие затрагивались практически во всех научных трудах, посвященных данному периоду, начиная с вышедшей в Берлине «по горячим следам» крестьянской реформы многотомной работы Д.П. Хрушова¹. В той или иной степени эта тема поднималась во всех работах, посвященных обществу и общественным движениям, а также печати и государственной цензурной политике. Историографию развития общества и общественного движения в данном исследовании нет смысла рассматривать. Во-первых, эта тема столь обширна, что по ней можно написать отдельную докторскую диссертацию, на что совершенно справедливо указал во введении к одной из последних обобщающих монографий по данному вопросу В.Я. Гросул². Во-вторых, во всех работах по данной проблематике тема круга чтения общественных деятелей поднимается эпизодически и фрагментарно, поэтому, несмотря на огромное количество исследований, ее нельзя считать вполне разработанной.

Прежде, чем говорить о том, как читали в России, неминуемо приходится задаться вопросом, какая часть населения умела читать, а также какая печатная продукция присутствовала на рынке и в каком количестве. В ходе подготовки и проведения Великих реформ середины XIX в. не раз вспыхивала дискуссия о том, можно ли давать различные права и свободы полуграмотному или почти безграмотному населению Российской империи. Например, о суде присяжных известный общественный деятель того периода, составитель одного из самых последовательных и ярких проектов преобразований (отсидевший за него в тюрьме) А.М. Унковский писал следующее: «В Англии суд присяжных существовал уже в XV столетии, она завела его даже в Новой Зеландии. Неужели русский народ ниже по развитию жителей ее?»³

И для многих современников это был далеко не праздный и совсем не риторический вопрос. В период правления императора Александра II, который и принято называть эпохой Великих реформ, точных сведений о грамотности населения просто не было. Например, Н.Г. Чернышевский писал в 1859 г.: «По самым щедрым расчетам предполагается, что из 65 или 70 миллионов жителей

Репинецкий Станислав Александрович — кандидат исторических наук, докторант Университета Бар-Илан. Рамат-Ган. Израиль.

Русской империи, людей, умеющих читать, набирается до 5 миллионов. Но эта цифра, по всей вероятности, слишком велика. Большинство грамотных людей сосредоточено в городах; в селах едва ли наберется половина того, сколько находится в городах. Но и в городах гораздо больше половины жителей еще не знают грамоты. Судя по этому, едва ли мы ошибемся, положив число грамотных людей в России, не превышающим 4 миллионов» (то есть не более 6 % населения) ⁴.

При этом нужно иметь в виду, что в разряд грамотных попадали все, кто мог хоть как-то читать и написать свое имя. Далеко не всех этих людей, а скорее меньшинство из них, можно отнести к читателям литературных и специальных произведений. Статистических сведений о количестве грамотных и, тем более, читающих в России эпохи Великих реформ просто не было, а существовали данные лишь по некоторым городам и губерниям, которые относились к разным периодам, имели различную степень достоверности и охвата и поэтому трудно сводились в едино целое. Как явствует из материалов проводившихся в тот период городских переписей, лишь в Санкт-Петербурге более половины населения были грамотными, а среди мужчин такой уровень достигался в пяти городах страны. В 1869 г. число грамотных в Петербурге составляло 55,6%, причем среди мужчин этот показатель равнялся 62,0%. В Пскове в 1870 г. цифры были следующими: всего грамотных — 45,6%, среди мужчин — 51,8%; В Москве в 1871 г. соответственно — 43,2 и 49,5%; в Новочеркасске в 1872 г. — 41,8 и 52,2%; в Харькове в 1866 г. — 36,9 и 45,5% и в Одессе в 1873 г. — 30,9 и 35,7% ⁵.

Кроме этих сведений, существовали и отдельные исследования по некоторым губерниям, основанные на земской статистике, но они не представляют особого интереса в изучении вопроса о чтении в России ⁶, поскольку доля «читающей публики» среди населения этих губерний вряд ли выходила за рамки статистической погрешности. Коренной перелом в количестве и качестве статистических данных произошел в ходе и по завершении первой всеобщей переписи населения 1897 года. Ее результаты легли в основу ряда специальных исследований современников и энциклопедических изданий Брокгауза и Эфрона ⁷, однако они относятся уже к совершенно другому периоду и не представляют интереса в данном исследовании.

Больше сведений имелось о публикациях и изданиях. В современном описываемым событиям статистическом исследовании говорилось следующее: «В 1872 году, по сведениям главного управления по делам печати число вышедших в России книг было 3024 неповременных изданий, из коих только $\frac{1}{4}$ часть пользовалась правом выхода без цензуры, а журналов и газет выходило 427. По числу сочинений целых $\frac{3}{5}$ приходилось на долю Петербурга и Москвы, а на остальную Россию лишь $\frac{2}{5}$; если же считать их по их объему, т.е. по числу листов, то бедность провинциальной литературы выказывается еще резче: на долю двух столиц приходится около $\frac{7}{8}$ всего числа печатных листов, и лишь $\frac{1}{8}$ на прочие местности.

В период с 1865 по 1869 гг. в Петербурге и Москве вышло 14 610 изданий; исключив из них около 3600 номеров музыкальных сочинений и эстампов, на долю собственно книг придется до 11 тысяч изданий, из коих содержание 5000 не определено и показано под рубрикой смесь, а 6000 определено с точностью. Наибольшее число между ними составляют книги реального и технического содержания (1891) и почти в таком же количестве книги из области словесности (1795); на третьем плане идут книги политического содержания (1109), а затем элементарные (949) и философские (221)... Иностранских книг в 1868 году было ввезено в Россию 3469, из них дозволено вполне 3236, отчасти 106, запрещено — 127. Все эти книги составляли 3539 тыс. томов и 1734 т. экземпляров» ⁸.

Согласно упомянутой автором таблице, «в коей показано также распределено их по срокам выхода и по языкам (за 1868 г.)», всего выпускалось 318 периодических изданий, из которых большинство — 264 — публиковалось на русском языке, а крупнейшими категориями изданий были научные и специализированные — 83 наименования. На губернские ведомости и другие местные и епархиальные издания приходилось порядка ста наименований. Около сотни изданий выходили еженедельно, чуть меньшее количество чаще, а все остальные имели большой временной промежуток между выпусками или номерами⁹.

Приведенные де Ливроном статистические данные показывают, что в 1860-е гг. в течение 5 лет в свет вышло порядка 11 тыс. книг, в то время как только за 1868 г. было опубликовано порядка 27 тыс. номеров и выпусков периодических изданий, среди которых, правда, лишь порядка полутора тысяч выходили ежемесячно или реже, то есть представляли собой, «толстые журналы» (крупные — до тысячи страниц и более — сборники самостоятельных научных, публицистических и критических статей и художественных произведений).

Нужно отметить, что роль этих журналов для читающей публики была исключительно высока, и именно в них впервые публиковалось большинство художественных и часть научных произведений, ставших затем классикой русской литературы, публицистики, критики, историографии, философии и т.п. Например, И.А. Гончаров опубликовал свой роман «Обломов» в 1859 г. в журнале «Отечественные записки». Помимо оригинальных российских произведений и переводов из Гёте и Шекспира, журнал помещал переводы современных зарубежных авторов — Жорж Санд, Чарльза Диккенса, Фенимора Купера, Генриха Гейне, Александра Дюма-отца, Эдгара По.

Всколыхнувшие общество произведения И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» и «Отцы и дети» появились в 1859 и 1862 гг. в журналах «Современник» и «Русский вестник». Там же были впервые опубликованы роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» («Современник», 1863 г., он стал, по признанию советских историков и их западных коллег, «настоящей Библией для русских революционеров»¹⁰) и романы Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Бесы» («Русский вестник» за 1866 и 1871 гг. соответственно). В 1865 г. в «Русском вестнике» началась публикация романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (первая часть вышла под заглавием «1805 год»). Можно сказать, что середина XIX столетия стала «Золотым веком» русской эпической и реалистической прозы, а «толстые повременные журналы» (то есть периодические издания, выходявшие раз в 1—2 месяца) были главным средством ознакомления читателя с новейшими шедеврами литераторов.

Нужно отметить, что художественная литература играла в XIX в. примерно ту же роль, которую в современном массовом сознании играет кино: новые произведения начинали обсуждаться еще на стадии их создания, публика с нетерпением ждала «премьеры» (первой публикации) и затем живо обменивалась впечатлениями, читатели узнавали в героях себя и своих знакомых, начинали отождествлять друг друга с характерными типажам.

Популярность и известность произведений сегодня и при жизни авторов (в изучаемый нами период) далеко не всегда совпадали. Ряд популярных в середине XIX в. писателей почти не известен современному читателю, что обусловлено, прежде всего, их позицией в общественной борьбе — нейтральной, как, например, у Н.А. Мельгунова — одного из первых русских фантастов, или консервативной, как у В.В. Крестовского — автора политических романов¹¹. Это обстоятельство привело к негативной оценке их творчества демократической критикой и общественностью, мнение которой возводилось в абсолют советским литературоведением.

С романом «Что делать?», например, произошла обратная метаморфоза. Современники крайне невысоко оценили его художественные достоинства; романом зачитывалась лишь революционная молодежь, да и то только в одном-двух поколениях¹². Однако автор романа был вождем революционеров своей эпохи, демократы превознесли его как «апостола новой веры» и «мученика за благо народа», и что самое главное, оно стало любимой книгой будущего «вождя мирового пролетариата» В.И. Ленина¹³, вследствие чего было канонизировано советской наукой как величайшее творение своего времени.

Советская историческая наука, всегда уделявшая огромное внимание Чернышевскому и его роману «Что делать?», к 1990 г. была вынуждена констатировать, что, хотя буквально «каждый исследователь» упоминает о бешеной популярности романа среди прогрессивной молодежи, никто до сих пор не смог найти этому документального подтверждения. Получается, повторяемое из книги в книгу положение о том, что роман был «библией» молодого поколения, оказалось лишенным источникового основания¹⁴.

Все перечисленные и многие другие крупные произведения, как правило, публиковались в нескольких номерах журналов, которые и были основным, а иногда и единственным каналом, знакомившим публику с этими романами. Кроме того, в журналах публиковалось множество статей и материалов научно-популярного характера, что придавало им важное значение в «просвещении публики».

В начале царствования императора Александра II (1855—1856 гг.) среди общественных деятелей было распространено мнение, что общество накопило в себе значительный запас знаний и идей, применение которых искусственно сдерживалось тяжелыми политическими условиями николаевской эпохи, а теперь достаточно предоставить свободу слова (устного и печатного, в преподавании и судопроизводстве), и вся могучая сила общественного мнения устремится на разработку и реализацию необходимых России преобразований. Так оценивали ситуацию К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин¹⁵, Ю.Ф. Самарин¹⁶, Н.А. Мельгунов¹⁷, редакция журнала «Отечественные записки»¹⁸, а промышленник В.А. Кокорев в своем тосте в московском купеческом собрании объявил это сущностью современной государственной политики¹⁹.

Своего рода манифестом требований «гласности для ожидающей ее, готовой к ней публики» стали либеральные статьи первых выпусков сборников «Голоса из России»²⁰, издававшихся Герценым и Огарёвым в Лондоне. Вот вполне красноречивый набор цитат из работ Кавелина, Мельгунова и Чичерина: «Каким же образом скажется русская мысль? Как восстановятся прямые отношения между царем и народом? Как поймут они наконец друг друга? Для этого одно и есть средство: прямое, откровенное выражение русской мысли посредством печатной книги или статьи, которая будучи издана за границей, невольно обратит на себя внимание», «узнать Россию можно только от нее самой» и далее — «Станем лучше надеяться, что голос публики, так или иначе, проникнет до государя...»²¹.

Такие суждения можно встретить в двух основных видах общественно-политических сочинений того периода — нелегально доставлявшихся в Россию заграничных изданиях русских корреспондентов и «ходивших по рукам» «записках», авторами которых зачастую были те же самые лица. Рукописные и заграничные публикации российских либералов достаточно хорошо изучены исторической наукой. Лишь с 1857 г. обсуждение общественно-политических вопросов проникало на страницы российской публицистики, да и то ненадолго: уже в конце 1859 г. свобода прессы была резко и существенно ограничена циркуляром министра просвещения²².

Однако проблема адресата довольно остро ощущалась сочинителями. Уже в 1855 г. Кавелин и Чичерин сознавали узость культурного слоя в России:

«Поставленная между бессмысленной, скажу даже — преступной — бюрократией и невежественной массой... русская мысль представлена горстью просвещенных и порядочных людей»²³. Дальше скепсис относительно размеров и качества этой «мыслящей группы» усиливался. Общественные деятели и публицисты становились все менее высокого мнения друг о друге и об уровне интеллектуального и культурного развития «публики», ощущая себя ее «просветителями».

В качестве иллюстраций приведем несколько цитат известных публицистов, научных и общественных деятелей. В 1857 г. Чичерин, который всегда смотрел на общество в целом более критично, нежели его коллеги и соратники, писал Е.Ф. Коршу следующее: «Задача... дать толчок дремлющему уму. В этом отношении вы можете оказать нашей публике величайшую услугу. У нас даже большинство занимающихся людей до такой степени дико, что самые простые вещи кажутся ему неслыханною странностью»²⁴.

Несколько лет спустя, и Кавелин начал высказываться в письмах тому же адресату и приблизительно в том же духе: «При негоднейших цензурных условиях, которые чуть ли не хуже, чем в самые худые времена... Что за дрянь газетные писаки, что и вообразить не можешь! Или невежды, или подлые и поганые души! Безлюдье в этом мире изумительное» (1865 г.). И десятилетие спустя: «Что за безобразие, например, печатная полемика Лесевича с Соловьёвым! Меня просили резюмировать эту ее, но резюмировать решительно нечего! Только ругня. Я хочу по этому поводу сказать о бедствиях нашей публики, интересующейся философскими вопросами, и разъяснить, как стоит вопрос... нашей журналистике, давно не выражающей общественного мнения и не ведущей его... С переводами нашему полуграмотному люду не справиться, да и написаны оригиналы не для нашей публики» (1875 г.)²⁵.

В рецензиях на роман Тургенева «Отцы и дети» редакция журнала «Русский вестник» высказалась об ученых и представителях науки в том смысле, что «эту породу едва ли можно найти в наше время в России»²⁶. М.П. Драгоманов, сочетавший в своих взглядах черты либерализма и демократизма, указывал в 1876 г., что «политическая литература “оскудела” и не отвечает вовсе не только положению России, как европейской страны, но даже самым скромным потребностям общества... Одна из причин “оскудения”... заключается в отсутствии в обществе достаточного количества политически образованных людей, людей со знаниями в общественных науках». Затем автор обрушился на необразованность, невежество и нелогичность суждений «среднего русского литератора»²⁷.

Обращает на себя внимание, что эти крайне нелестные высказывания о читающей публике исходили от лиц, которые позиционировали себя как ее часть, как представители общества. Более непримиримую позицию заняли традиционалисты, представленные в русском дискурсе, прежде всего, сочинениями славянофилов. Для этих авторов слова «общество» и особенно «публика» превратились почти в ругательные. Например, один из предводителей славянофилов К.С. Аксаков посвятил целую статью выявлению недостатков российской «публики» по сравнению с русским «народом», в которой публика явно демонизировалась: «...публика есть искажение идеи народа... Публика подражает и не имеет самостоятельности... У публики свое обращается в чужое... Публика выписывает из-за моря мысли и чувства»²⁸.

Аналогии с эпохой Просвещения были столь сильны, что в обществе даже витала идея создания всеобъемлющей Энциклопедии, которой суждено было воплотиться лишь почти полвека спустя в известном издании Брокгауза и Эфрона. Не удовлетворяясь существовавшими «настолярными словарями для справок»²⁹, известный публицист Е.Ф. Корш предполагал в 1859 г. следующую программу издания нового типа. Цитата достаточно обширна, но является пре-

красной иллюстрацией отношения публицистов к обществу и своей роли в его развитии — то, что крупными и намеками рассыпано во множестве источников, здесь высказано целостно и прямо: «...издание предлагаю назвать: Энциклопедический сборник.

Цель его: доставить за умеренную цену такое чтение, которое общедоступным изложением добытков современной науки содействовало бы развитию общего образования и пробуждению научных интересов в обширнейших кругах читателей. Содержание: избранные с этой целью статьи лучших иностранных изданий за последнее десятилетие, извлечения из замечательнейших книг, а по мере возможности и оригинальные статьи русских ученых, насколько они будут соответствовать выше изложенной цели.

Чтобы сообщить изданию решительный, хотя и не оглашаемый в печати оттенок, руководиться при выборе статей не тенденциозным или памфлетным направлением, но тем общим направлением современной науки, которое видит главного своего врага в незаконном произволе, откуда бы он ни шел, и какими бы ни прикрывался личинами. Это направление не терпит пустых слов и фраз, а требует всему положительного разъяснения, или по крайней мере откровенного сознания в том, что еще не разъяснено»³⁰.

Помимо упомянутого патерналистского и просветительского отношения к публике, заслуживает внимания акцент на иностранное происхождение подавляющего большинства материалов и на то, что научное и культурное просвещение масс неразрывно связывается с политической пропагандой. Российская интеллигенция осталась на таких позициях вплоть до краха самодержавия, а возможно и до сегодняшнего дня.

Как нам прекрасно известно из упоминавшихся уже романов того периода, просвещенная читающая публика вполне владела не только русским, но иностранными языками, как правило, французским и немецким. Изучение не только этих языков, но и освоение основной написанной на них литературы являлось обязательной частью классического образования. В этом смысле, большинство общества действительно, как выразился Аксаков, выписывало идеи из-за моря, однако делали это вынужденно — за неимением адекватной замены в отечественной литературе, что в большей степени касается научных сочинений. Российские писатели и ученые только начинали покорять отечественного, а затем и зарубежного читателя. Глубоко символично, что Герцен, Тургенев и Достоевский писали свои романы, находясь за границей, а роман «Что делать?» был написан в тюрьме: российская публика черпала свои идеи и свое вдохновение либо из иностранных произведений, либо от своих соотечественников, фактически выпавших из нее и оказавшихся на чужбине или в местах не столь отдаленных.

По меткому замечанию историка И. Берлина, в России, где любое политическое действие контролировалось властью, и всякая самодеятельность или оппозиционность запрещалась и каралась, именно литература стала единственной формой выражения гражданской позиции³¹. Литература освоилась с этой ролью уже к середине XIX столетия и на заре Великих реформ выполняла ее ярко и осмысленно. Можно констатировать, что при всей кажущейся напряженности борьбы за свободу слова и неопределенности ее исхода писатели и читатели уверенно одерживали победу и, так или иначе, получали доступ ко всей интересующей информации.

Исследование цензурной политики в области контроля внутренних изданий, а также ввоза и перевода иностранных публикаций показывает, что при всей кажущейся строгости бюрократии представителям общественности удавалось опубликовать и провезти почти все, в чем они видели необходимость. Иллюстрацией практического бессилия внутренней цензуры может быть ле-

гальная публикация в журнале «Современник» романа Чернышевского «Что делать?», который лишь задним числом был признан опасным, а журнал закрыт. О свободе российской прессы один читатель в своем письме восклицал: «...в Русском Вестнике Крузе (член Московского цензурного комитета. — С.Р.) пропускает такие штуки, что ваша Лондонская книгопечатня»³². В годовом отчете Третьего отделения императору — «Политическом обозрении за 1858 год» — о распространении в России публикаций Герцена, воспрепятствовать которому правительство пыталось изо всех сил, говорилось: «...запрещенные издания преимущественно обращаются в С.-Петербурге и Москве... Во внутренних губерниях известны более других изданий: “Колокол” и “Голоса из России” ... ни одному правительству не удавалось еще прекратить тайный ввоз и вывоз не только предметов столь малого объема, как книги и рукописи, но и громоздких товаров, а у нас это, по огромному протяжению наших границ, еще менее возможно»³³. К тем же выводам приходил в своей официальной записке помощник руководителя Третьего отделения Долгорукова А.Е. Тимашев³⁴.

Ту же степень вольности демонстрируют и материалы перлюстрации: люди писали, кому хотели и что хотели. Наказания случались, но были скорее исключением и не меняли общей картины. Интересно отметить, что наряду с жалобами на строгости цензуры постоянно были желающие сделать ее еще строже³⁵. При этом идея ликвидации цензуры в либеральном дискурсе практически не было: даже ее убежденные противники ограничивались требованиями ее ограничения.

Цензоры и писатели отнюдь не были сплоченными группами по разные стороны баррикад, а, наоборот, в некоторой степени являлись коллегами по просветительскому цеху. Возможно, это было обусловлено и специфической ролью цензуры как органа государственного «контроля качества» печатной продукции³⁶. Известные писатели и общественные деятели становились цензорами, а цензоры были тепло приняты публикой; отдельные персоны добивались высокого положения одновременно и в литературных кругах и в цензурном ведомстве.

Цензорами в разные периоды работали такие известные деятели культуры и просвещения, как писатель Аксаков (1826—1832 гг.) и либеральный литературный критик и редактор А.В. Никитенко (с 1833 г., его деятельность пришлась и на эпоху реакции и на эпоху реформ). Оба цензора понесли наказания за допуск к публикации крамольных сочинений. Инженер и ученый Е.П. Ковалевский тоже работал в Московском цензурном комитете, а в 1858—1861 гг. был министром народного просвещения, в непосредственном подчинении которого находилась вся внутренняя цензура, кроме ведомственной. В декабре 1858 г. должность цензора предлагали московскому археологу и историку И.Е. Забелину. Отношение общества к «своим» цензорам можно проиллюстрировать на примере случая с отставкой Н.Ф. фон Крузе, после которой в редакции «Русского вестника» задумали небывалую акцию в его поддержку, о чем Катков писал в 1858 г. в Петербург В.П. Безобразову³⁷.

Совершенно очевидно, что расширение свободы слова совсем не означало роста взаимопонимания и взаимной поддержки между правительством и обществом. Наоборот — оппозиционность последнего только нарастала. Консерваторы объясняли это просто: чем больше отдаешь — тем больше хотят. Реформы нередко трактовались как уступки обществу, в которых оно видело показатель слабости власти, поэтому вырвав у правительства одну уступку, оппозиция выдвигала следующие требования — и так вплоть до падения режима.

Оппозиционная литература существовала и при царе-реформаторе и при его консервативных отце и сыне. Разница лишь в том, что, чем строже становилась цензура, тем большее распространение получала нелегальная (контра-

бандная или рукописная) литература и тем большую долю в круге обязательного чтения каждого образованного человека она занимала. И наоборот: при относительной свободе печати роль нелегальной литературы значительно сокращалась. Иными словами, свобода прессы не определяла градус оппозиционности общества.

Например, ситуацию под занавес «мрачного 30-летия» Николаевского царствования ярко характеризует изданная за границей в 1856 г. анонимная статья «Записка о письменной литературе», которую историки приписывают перу Кавелина или Чичерина³⁸: «В настоящее время войдите в кабинет всякого скольнибудь образованного человека, и вы непременно найдете у него запрещенные книги и бумаги». И далее: «Известно, что запрещенные книги есть у всякого; у нас запрещены многие сочинения Гизо и Августина Тьерри, история Англии Маколея, история Греции Грота, не говоря уже о других; а между тем всякому, кто не хочет остаться невеждой, необходимо познакомиться с этими книгами»³⁹.

В прогрессирувавшем отчуждении между властью и интеллигенцией можно видеть выражение и результат фатального взаимного непонимания правительства и общества, реализовывавших принципиально различные модели взаимодействия, которые отражали их представления о применении европейского опыта, правда, относящегося к разным эпохам. Правительство и аристократия, которые со времен Н.М. Карамзина прочно усвоили консервативные ценности и ориентиры, считали, вслед за автором «Записки о древней и новой России», эпоху Екатерины Великой своим «Золотым веком» и во всем старалась соответствовать стандартам Просвещения. Именно в духе Просвещения высшая бюрократия пыталась строить отношения с интеллигенцией, воспринимая ее как философов-просветителей образца предыдущего столетия. На практике это означало, что их с удовольствием выслушивали, позволяя говорить и давать советы, а также заниматься наукой и преподаванием с целью использования их интеллектуальных достижений для развития и укрепления авторитарно-бюрократического режима.

Свобода письменного слова всегда в большей или меньшей степени допускалась правительством с тем, чтобы из всего написанного можно было выбрать наиболее дельные идеи и рекомендации, а самых зарвавшихся оппозиционеров примерно наказать. При этом ни в коем случае речь не могла идти об изменении основ политического строя: интеллигенция воспринималась как советник власти, а не как выразитель воли самого народа, конструирующий его политическое бытие — как она сама склонна была себя позиционировать. В этой функции общественности было отказано: слова не переходили в дела, поэтому цензурные реформы шли, а политические даже не планировались.

Либеральная интеллигенция, напротив, уже совсем не ощущала себя философами-просветителями восемнадцатого столетия, а наоборот, стремилась играть роль оппозиции, как это происходило в современных ей парламентских политических системах Западной Европы. Лидеры образованного класса разных политических направлений считали, что уже давно выросли из роли добровольных помощников бюрократии, иногда даже брезговали ею. Например, показателен случай отказа Ю.Ф. Самарина от ордена за помощь правительству в ходе подготовки крестьянской реформы. Какая бы ни была свобода слова, это воспринималось (наверное, не всегда осознанно) как попытка власти подменить реальные действия разговором и отделаться более мелкими уступками, игнорируя главные требования.

Именно поэтому оппозиционность только нарастала. Свобода письменного самовыражения отнюдь не компенсировала невозможность участия в политике, а только подогревала недовольство. Нужно также учесть, что интеллигенция была склонна сопоставлять степень своей свободы с положением современ-

ников на Западе в большей степени, нежели своих предков. Каждый автор старался в максимальной степени подействовать на общество, а оно с готовностью видело в литературе проповедь и призыв. Но и это не давало выход стремлению к действию, а лишь подогревало его. Действовать начали следующие поколения.

Примечания

1. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Т. I. Берлин. 1861.
2. ГРОСУЛ В.Я. Русское общество XVIII—XIX веков. Традиции и новации. М. 2003.
3. ДЖАНШИЕВ Г.А. А.М. Унковский и освобождение крестьян. М. 1894, с. 126.
4. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н.Г. ПСС. Т. IV. СПб. 1906, с. 556.
5. РАШИН А.Г. Население России за 100 лет (1813—1913). Статистические очерки. М. 1956.
6. БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ Н.А. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. Т. I. М. 1893; БЫКОВ Н. Грамотность сельского населения по данным земской статистики. — Юридический Вестник. 1880, с. 310—312; ДАНИЛЕВСКИЙ Г. Об образовании низших классов России. Сельские училища и народное образование в Харьковской губернии. — Отечественные записки. 1864, № 4, с. 533—535; ПОКРОВСКИЙ В.И. Историко-статистическое описание Тверской губернии, 1882; Сб. статистических сведений по Московской губернии. Т. IX. М. 1884; СУПЕРАНСКИЙ М. Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск. 1906.
7. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. 1890—1907.
8. ЛИВРОН В. де. Статистическое обозрение Российской Империи. СПб. 1874, с. 310—311.
9. Там же.
10. КАРПАЧЁВ М.П. Истоки российской революции. Легенды и реальность. М. 1991, с. 139.
11. МЕЛЬГУНОВ Н.А. История одной книги. М. 1839; ЕГО ЖЕ. Гуляние под Новинским. М. 1841; КРЕСТОВСКИЙ В.В. Кровавый пух. М. 1995.
12. КОРОЛЕНКО В.Г. Собрание сочинений. Т. 5. М. 1953; ПАНАЕВА А.Я. Воспоминания. М. 2002, с. 361—385; Критика 60-х годов XIX века. М. 2003; ВИДУЭЦКАЯ И.П. Роман «Что делать?» в оценке революционно-демократической критики. В кн.: «Что делать?» Н.Г. Чернышевского: Историко-функциональное исследование. М. 1990, с. 78.
13. КРУПСКАЯ Н.К. Воспоминания о Ленине. М.-Л. 1930, с. 177.
14. АФАНАСЬЕВ Э.Л. Роман Чернышевского «Что делать?» и жизненный идеал народовольца. В кн.: «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, с. 145—147.
15. КАВЕЛИН К.Д., ЧИЧЕРИН Б.Н. Письмо к издателю. Голоса из России. Т. 1. М. 1975, с. 9.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109, оп. 3, д. 2026, л. 14.
17. МЕЛЬГУНОВ Н.А. Мысли вслух об истекшем тридцатилетии в России. Голоса из России, т. 1, с. 69.
18. Современная хроника России. — Отечественные записки. 1857, № 12, т. 115, с. 2—15, 48—49.
19. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), ф. 31, оп. 5, д. 398, л. 31—32.
20. Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М. 2010, с. 200—201.
21. Голоса из России, т. 1, с. 15, 36; т. 4, с. 150, 153.
22. ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 425, л. 109—110.
23. Голоса из России, т. 1, с. 15.
24. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 465, оп. 2, д. 105, л. 3—4.
25. Там же, д. 40, л. 1—3.

26. Роман Тургенева и его критики. — Русский вестник. 1862, № 5, с. 393—426; О нашем нигилизме: По поводу романа Тургенева. — Там же, № 7, с. 402—426.
27. ДРАГОМАНОВ М.П. К вопросу об «оскудении» литературы и о столичной печати и провинции. — Молва. 1876, № 36.
28. АКСАКОВ К.С. Опыт синонимов. Публика — народ. — Там же, 1857, № 36.
29. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. СПб. 1864.
30. ОР РГБ, ф. 465, оп. 1, д. 3.
31. Berlin Isaiah. Introduction to Russian intellectual history. Anthology. N.Y. 1966, p. 3—13.
32. ГАРФ, ф. 109, оп. 1, д. 1802.
33. Россия под надзором: отчеты III отделения 1827—1869. М. 2006, с. 474.
34. ГАРФ, ф. 109, оп. 35, д. 105.
35. Там же, оп. 1, д. 1716, 1951.
36. Исторические сведения о цензуре в России. Печатано по распоряжению Министерства Народного Просвещения. СПб. 1862, с. 89—95.
37. Институт русской литературы и искусства РАН (ИРЛИ РАН), ф. 23, д. 69, л. 5—6.
38. НЕЧКИНА М.В., РУДНИЦКАЯ Е.Л. Комментарии. Голоса из России, т. 4, с. 62—66, 92, 297. Об авторстве «Записки о письменной литературе» см. так же: КИРЕЕВА Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М. 2004, с. 223—225; HAMBURG G.M. Boris Chicherin and Early Russian Liberalism. Stanford. 1992, p. 374.
39. Записка о письменной литературе. Голоса из России, т. 1, с. 43—45.

Нальчикский горский словесный суд в конце XIX — начале XX в.

А.Х. Абазов

История судоустройства Терской области в последней трети XIX — начале XX в. всегда привлекала внимание исследователей¹. К настоящему времени в рамках данной проблематики разработаны вопросы о составах, порядке комплектования, правоприменительной практике отдельных судебных учреждений. В связи с этим появилась необходимость детального исследования обстоятельств и условий функционирования звеньев этой системы с учетом особенностей их правоприменительной практики. В теоретическом плане такое исследование позволит глубже понять особенности интеграции традиционных северокавказских обществ в административно-политическое и правовое пространство Российской империи. В практическом — определить особенности правоприменительной практики и правосознания этих обществ на разных этапах их истории.

В последней трети XIX — начале XX в. Нальчикский горский словесный суд являлся частью многоуровневой судебной системы Терской области. При этом власти в определенной мере пытались сохранить основные элементы традиционного судопроизводства коренных народов, населявших этот регион Кавказа, и выработывали модели их функционирования в судах, создаваемых по российскому образцу.

Нальчикский горский словесный суд был создан в 1871 году. Его председателем являлся начальник округа. Большая часть дел в суде подлежала разбирательству на основании норм обычного права кабардинцев и балкарцев. Однако в ст. 50 «Временных правил для Горских Судов Кубанской и Терской областей» устанавливалось, что суд для решения дел, по которым «обычай не сложился, руководствуется общими законами Империи»². В Нальчикском горском словесном суде по шариату рассматривались дела о разводе, о законности рождения, о калыме, о наследстве и ряд других. Мусульманский судья (кадий) входил в состав суда, утверждался в административном порядке из числа кандидатов, избранных населением. Н.М. Рейнке писал, что «в иных судах дела (особенно бракоразводные) производятся и разрешаются кадием лично, вне суда, в других — лишь в присутствии суда или, наконец, при деятельном участии суда в разъяснении обстоятельств дела и по совещании с судом». Ис-

Абазов Алексей Хасанович — кандидат исторических наук, доцент Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик.

ключение составляли бракоразводные дела, где духовные лица могли принимать самостоятельное решение. По остальным категориям дел, отнесенных к подсудности шариата, решение принимали судьи. Кроме того, Рейнке отмечал, что «в некоторых областях влияние светского элемента так велико, что решение кадия получает законную силу лишь по утверждению его председателем суда»³. Поэтому, в Нальчикском горском словесном суде в обязанности избранного на съездах доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ кадия входило в основном толкование конфессиональных норм по делам, отнесенным к решению по шариату. Мнение кадия записывалось в настольный журнал и служило основанием для принятия соответствующего решения членами Нальчикского горского словесного суда. Часто случалось, что это правило не соблюдалось, и кадии самостоятельно принимали решения по делам, отнесенным документами к решению по шариату, однако выходящим за пределы их компетенции. Сохранилось множество документов, в которых канцелярия начальника Терской области предписывала начальнику Нальчикского округа или председателю Нальчикского горского словесного суда устранить эти нарушения⁴.

Согласно п. 7 «Временных правил для горских словесных судов Терской и Кубанской областей» (1870), им были подсудны все уголовные дела, указанные в Уставе «о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», за исключением проступков, отнесенных положением к подсудности аульных (сельских) судов. Согласно ст. 9 «Временных правил...», подсудности «Горского словесного суда не подлежат: 1) дела о проступках и преступлениях, в совершении коих обвиняются, хотя бы вместе с горцами, не принадлежащий к горскому населению, и 2) дела о преступных деяниях, совершенных хотя бы одними лишь горцами, но не исключительно против горцев, а и против других лиц и нарушающие права этих лиц»⁵. В этих случаях дела подлежали рассмотрению в мировых судах или Владикавказском окружном суде. Приговоры по уголовным делам, превышавшим компетенцию мировых судей и отнесенных «Временными правилами...» к подсудности горского словесного суда, начальник округа представлял на утверждение начальнику Терской области.

Согласно ст. 24 «Временных правил...», дела решались большинством голосов. Если же голоса судей разделялись поровну, право решающего голоса имел председатель суда⁶. Кроме того, «Временными правилами...» был определен круг правонарушений, которые решались председателем горского словесного суда единолично. К ним относились проступки «против порядка управления, против благочиния, порядка и спокойствия, против общественного благоустройства, против народного здравия и все нарушения уставов: о паспортах, строительного и путей сообщения, пожарного, почтового и телеграфного»⁷.

Заседания в Нальчикском горском словесном суде проходили ежедневно, за исключением выходных, а также времени полевых работ. Кроме того, в связи с тем, что в Георгиевском (Нальчикском) округе проживало преимущественно мусульманское население, заседания словесного суда не проводились по пятницам и во время важнейших конфессиональных праздников⁸.

В п. 56 «Временных правил...» устанавливалось, что «приговор горского словесного суда считается окончательным, когда им определяются: денежное взыскание не свыше 30 руб. с одного лица, арест не свыше одного месяца и когда вознаграждение за вред и убытки не превышает 100 рублей. По делам же гражданским решение считается окончательным, когда цена иска не превышает 100 рублей»⁹. На все остальные приговоры и решения горского словесного суда могли быть поданы апелляционные жалобы. При вынесении приговора или объявлении решения, председатель Нальчикского горского словесного суда обязан был разъяснить сторонам порядок подачи апелляционных жалоб.

Рейнке писал, что «в Терской же и Кубанской областях не имеется второй судебной (кассационной) инстанции». Поэтому апелляционные жалобы подавались на имя начальника Терской области. Дела, не входившие в компетенцию Нальчикского горского словесного суда, после предварительного расследования передавались во Владикавказский окружной суд для вынесения решения по законам Российской империи. И наоборот, иногда следственные материалы возвращались в Нальчикский суд для оглашения приговоров, выносимых на основании мотивированного заключения следователя Владикавказского суда. На основании § 60 «Временных правил...» от 18 декабря 1870 г., решения и приговоры горских словесных судов Кубанской и Терской областей могли быть обжалованы в месячный срок со дня объявления ¹⁰. В ст. 57 «Временных правил...» устанавливался порядок обжалования решений горских словесных судов. Апелляционная жалоба оформлялась на простой бумаге и в течение месяца со дня объявления приговора или решения подавалась начальнику Георгиевского (Нальчикского) округа. В свою очередь, окружной начальник в течение недели после получения апелляционной жалобы с выпиской из настольного журнала направлял ее начальнику Терской области. Причем в сопроводительном письме начальник округа был обязан изложить свое мнение по существу дела. В случае отмены решения словесного суда начальник Терской области или возвращал дело для нового рассмотрения в тот же суд или выносил свое решение ¹¹. Решения начальника Терской области считались окончательными, не подлежали обжалованию ¹² и должны были быть приведены в исполнение незамедлительно.

«Временные правила...» устанавливали порядок судебного заседания. Разбирательство начиналось с оглашения сущности иска по гражданскому делу или жалобы — по уголовному, после чего председатель спрашивал ответчика или обвиняемого, признавал ли он иск справедливым или себя виновным в совершении того или иного правонарушения. В случае отрицательного ответа, суд заслушивал показания свидетелей истца или обвинителя и изучал доказательства. Затем ответчику или обвиняемому предлагалось выступить с оправдательной речью, засушивались показания свидетелей защиты и изучались представленные им доказательства. В судебном заседании свидетели выступали по отдельности. Причем судьи были обязаны установить, в каких отношениях состояли свидетели с участвующими в деле лицами. После выступления свидетелей сторонам предлагалось задавать вопросы. Также вопросы могли задавать председатель и судьи. Показания сторон и свидетелей заносились в настольный журнал. В случае необходимости суд мог принять решение о производстве осмотров, освидетельствований и обысков или возложить это на местную полицию. Результаты всех следственных мероприятий также подлежали занесению в настольный журнал. Туда же вносились и подписанные сторонами мировые сделки. Случалось, что стороны заключали перемирие уже после того, как суд вынес по делу решение или приговор. В этом случае мировая сделка отменяла решение или приговор. В п. 48 «Временных правил...» устанавливалось, что «дело, прекращенное мировую сделкою, не может быть возобновлено ни сторонами, участвующими в совершении ся, ни наследниками их» ¹³. Если же стороны отказывались прекратить дело примирением, суд приступал выносить решение или приговор. Приговор или решение записывались в настольный журнал и, после подписания его судьями, публично объявлялись сторонам.

Вступившие в законную силу решения и приговоры Нальчикского горского словесного суда передавались на исполнение местной полиции ¹⁴. Сведения о взыскании штрафов, наложенных Нальчикским горским судом, заносились в специальную книгу, выданную начальником Терской области.

Члены суда избирались сроком на три года ¹⁵. Основным нормативным документом, регулировавшим процедуру выборов судей, являлась инструкция

«О порядке избрания депутатов, кадия и кандидатов для заседания в Горских словесных судах Кубанской и Терской областей». Порядок комплектования Нальчикского горского словесного суда был следующим: каждое сельское общество избирало двух доверенных, которые в месте пребывания суда в закрытом голосовании приступали к избранию депутатов и кадия. Судей и кандидатов в судьи избирали на съездах доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ. Причем судьи и кандидаты избирались отдельно от каждой группы доверенных соответствующего порядка. Так, например, судьи и кандидаты в судьи от Большой Кабарды избирались на съезде доверенных сельских обществ Большой Кабарды, от Малой — соответственно, на съезде доверенных Малой Кабарды и т.д. Все решения съездов представлялись в администрацию округа, где формировались сводные списки, которые впоследствии при сопровождении рапорта начальника округа направлялись на утверждение начальника Терской области. Судьи официально приступали к исполнению своих должностных обязанностей после вступления в силу соответствующего приказа начальника Терской области. Приказы начальника Терской области об утверждении судей в должностях публиковались в газете «Терские ведомости»¹⁶.

В 70-х — первой половине 80-х гг. XIX в. выборы в Нальчикский горский словесный суд проходили с соблюдением этнического, сословного и административно-территориального принципов. Так, в 1874 г. начальник Терской области предлагал начальнику Пятигорского (Нальчикского) округа избрать состав Нальчикского горского словесного суда таким образом: один судья — от всей Большой Кабарды, другой — от Малой Кабарды, третий — от горских обществ, а четвертый — от простого народа всего населения округа¹⁷.

После утверждения кандидатур начальником Терской области судьи и кандидаты обязаны были дать «клятвенное обещание» при вступлении в должность. В источниках о деятельности Нальчикского горского словесного суда сохранились тексты этих клятв, которые имели следующее содержание: «Обещаюсь и клянусь перед всемогущим Алкораном, не имеющим себе равного, хранить верность ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ, исполнять свято законы империи, творить суд по чистой совести без всякого в чью-либо пользу, лицепрятия и поступать во всем соответственно званию, мною принимаемому, памятуя, что во всем этом должен буду дать ответ с чистым лицом перед Богом на страшном суде его, в удовлетворении сего целую слова Алкарана. Аминь». Текст присяги подписывали или удостоверяли печатями присягатели. Документ хранился в материалах суда. Присягу приводил народный кадий в присутствии председателя Нальчикского горского словесного суда¹⁸.

Согласно ст. 25 «Временных правил...», в компетенцию этих судов входили уголовные, гражданские, религиозные и опекунские дела. В материалах Рейнке, Н.М. Агишева и В.Д. Бушуева отмечалось, что «особенностью Нальчикского Горского Словесного Суда представляется лишь расширенная, по сравнению с другими, компетенция по делам гражданским, а именно: ведению этого суда подлежат гражданские иски по долговым обязательствам, когда такие иски не основаны на формальном акте, и о наследстве, хотя бы в состав оно входило недвижимое имущество, о разделе наследств и спорах наследников между собой и против действительности духовных завещаний, составленных по горским обычаям, но на сумму до четырех тысяч, а не до двух, как в других судах»¹⁹.

В ст. 8 «Временных правил для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» перечислены уголовные преступления, входившие в их компетенцию: 1) убийство, нанесение ран и увечий в ссоре или драке, «начавшейся

без умышленного намерения», 2) случайное убийство, нанесение ран и увечий и смерти, 3) совершение кражи со взломом со стоимостью похищенного не более 300 руб. и совершенных в первый или второй раз, 4) похищение женщин, 5) «дела по предупреждению и прекращению на основании местных обычаев, вражды и кровомщения, могущих возникнуть вследствие необнаружения виновного в убийстве»²⁰. Эти действия не подлежали рассмотрению горского словесного суда, если в совершении преступления участвовал человек, не принадлежащий к горскому населению, или же когда преступление совершено не против горцев. В этих случаях дело подлежало рассмотрению мировыми судьями или Владикавказским окружным судом в зависимости от подсудности²¹.

Гражданские дела могли быть рассмотрены только по исковой жалобе, а уголовные — как по исковой, так и без нее, например, по рапорту сельского старшины. В документах отмечается, что «по делам гражданским горскому словесному суду подсудны следующие, возникающие между горцами иски, за исключением подлежащего разбирательству аульного суда: 1) иски, ценою не свыше 500 руб. серебром, о движимом имуществе, о вознаграждении за вред и убытки, а также возникшие из договорных и личных обязательств; 2) иски о восстановлении нарушенного владения недвижимым имуществом, когда со времени нарушения прошло не более 6 месяцев; 3) иски о праве участия частного, когда со времени сего нарушения прошло не более года; 4) иски о личных оскорблениях и обидах; 5) иски на сумму не свыше 2000 руб. по долговым обязательствам, по обязательствам обеспеченным залогом недвижимого имущества и о праве собственности на недвижимое имущество, если только эти иски не основаны на формальном акте, 6) иски о наследстве, о разделе наследства и споры наследников, как между собою, так и против действительности духовных завещаний, составленных по горским обычаям»²². Исполнение решений этого суда возлагалось на чиновников окружного и участкового управлений по взаимодействию с сельскими административными органами.

Основной круг вопросов, разбираемых в Нальчикском горском словесном суде по нормам обычного права кабардинцев и балкарцев, ограничивался в основном назначением платы за кровь. В практике суда отложились материалы о взыскании кровной платы с жителей селения Касаево за убийство М.²³ Случалось, что Нальчикский горский словесный суд назначал материальную компенсацию за убийство по принципу круговой поруки. Например, на основании определения суда от 8 февраля 1892 г. предполагалось взыскать с жителей селений Касаево за кровь убитого М. и убытки пятьсот рублей по оценке скотом в пользу вдовы М. в равных долях с 14 человек. В сумму иска родственники потерпевшего включили все понесенные ими издержки, например: расходы на организацию и проведение похорон, содержание малолетних детей и т.п.²⁴

Следует отметить, что одной из функций Нальчикского горского словесного суда была проверка законности решений посреднических (третейских, медиаторских) судов по фактам, имеющим юридическое значение. В основном это относилось к категории дел об установлении права наследования, передачи недвижимости в порядке наследования, выделении части имущества и т.п.²⁵

Основная деятельность Нальчикского горского словесного суда протоколировалась и заносилась в соответствующие журналы и книги. Обязательными для ведения делопроизводства в этом учреждении были: ежегодные настольные журналы, ежегодные исходящие и входящие журналы, ежегодные алфавитные указатели жалобщикам, обвиняемым, истцам и ответчикам, книги об освобождении холопей, общий алфавитный указатель обвиняемых, ежегодные описи дел, ежегодные книги для записывания совершенных засвидетельствований актов, книги для записи штрафных денег, взыскиваемых с разных лиц за неявки в

суд, книга с записью денег, выдаваемых в заем из Кабардинской общественной суммы, разносная книга, книга для записывания совершаемых штрафов, книга для записи вещественных доказательств²⁶.

В первые годы после учреждения этих судов в Нальчикском горском словесном суде образовался застой в решении исков и жалоб. Для успешного окончания дел начальник Георгиевского округа предлагал следующие преобразования: «1) увеличить количество судов, т.к. одного суда недостаточно для 66 000 населения; 2) увеличить власть сельских судов с представлением права решать дела о кражах до 30 рублей по примеру волостных судов и по гражданским искам до 100 руб.; 3) запись дел в настольном журнале делать совершенно сокращенным»²⁷. После долгой переписки начальник Терской области разрешил учреждать в Нальчикском округе «еще два отделения: одно, собственно, для решения дел, возникших в горском населении округа под председательством местного участкового пристава, а другое для решения остальных дел в слободе Нальчик»²⁸. Все необходимые на содержание временных отделений расходы (жалование депутатам и кадиям в размере, определенном для чинов постоянных горских судов, на расходы и на приобретение канцелярских припасов, материалов и других канцелярских надобностей) предполагалось отнести на счет местного населения. В этом же рапорте начальнику Нальчикского округа также было предписано незамедлительно избрать судей, кандидатов в судьи и кадия во вновь созданные отделения, а выборные списки предоставить на утверждение начальнику Терской области. Однако спустя две недели начальник Терской области отменил свое распоряжение и предписал начальнику Нальчикского округа учредить на тех же основаниях лишь одно временное отделение при Нальчикском горском словесном суде²⁹.

Позже это решение начальника Терской области было вынесено на рассмотрение съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ, которое состоялось 10 октября 1885 года. Доверенные приняли по этому делу положительное решение³⁰. Для председательствования во временном отделении Нальчикского горского словесного суда был командирован Есентукский участковый пристав подполковник Ловен³¹.

В 1893 г. на съезде доверенных горских обществ Нальчикского округа было принято постановление ходатайствовать перед начальником Терской области о присоединении временного отделения к Нальчикскому горскому словесному суду. Мотивацией к принятию такого решения было предложение прекратить «отпуск председательствующему добавочного содержания от народа в количестве пятисот рублей»³². Однако это ходатайство не было удовлетворено.

Нальчикский горский словесный суд был упразднен решением Нальчикского окружного народного совета от 26 марта 1918 года³³.

Таким образом, Нальчикский горский словесный суд представлял собой региональный орган судебной системы Терской области. Он был образован в ходе мероприятий, направленных на реализацию судебной реформы 1864 г., и занимал равное положение с другими горскими словесными судами Терской и Кубанской областей, а также окружными словесными и народными судами Дагестанской, Карской, Батумской областей и Закатальского округа. Однако региональная специфика отправления основных функций правосудия способствовала учреждению временного отделения Нальчикского горского словесного суда для разбора дел между балкарцами, что качественно отличало его от своих аналогов, функционировавших в других регионах Кавказского наместничества. В целом же, Нальчикский горский словесный суд представлял собой орган, созданный по российскому образцу, деятельность которого была основана на непротиворечащих имперскому законодательству принципам традиционной соционормативной культуры кабардинцев и балкарцев.

1. ЗОЗУЛЯ И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй половине XIX — начале XX века: Автореф. дис. канд. ист. наук. Ставрополь. 1999; ДУМАНОВ Х.М. КУШХОВ Х.С. К вопросу о судеустройстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX — начале XX в. Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). Вып. VI. Майкоп. 1986, с. 41—51; КАЛМЫКОВ Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик. 1994; БАБИЧ И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860—1990-е годы). М. 1999; ДУМАНОВ Х.М., КЕТОМ Ю.М. Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII—XIX в. Нальчик. 2000; МУРАТОВА Е.Г. Судебная система в трансформирующихся обществах (на примере Балкарии XIX в.). Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М. 2006, с. 203; Северный Кавказ в составе Российской империи. М. 2007; КЕМПИНСКИЙ Э.В., ЗОЗУЛЯ И.В. Судебная система Терской области в начале XX в. Суд присяжных на Северном Кавказе. Ставрополь. 2007, с. 60—64; ХАСБУЛАТОВ А.И. Суд и судебные органы в Чечне (вторая половина XIX - начало XX в.) — Научная мысль Кавказа. 2007, № 1, с. 67—77; МАЛЬЦЕВ В.Н. Политико-юридический аспект реформирования горских судов в Кубанской и Терской областях в конце 60-х — начале 70-х гг. XIX в. — Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008, № 8, с. 96—108; ЗОЗУЛЯ И.В. Анализ судеустройства на Северном Кавказе в начале XX в. — Культурная жизнь Юга России. 2008, № 2, с. 73—78; ГЛАДУНЕЦ А.В. Судебный процесс на Северном Кавказе во второй половине XIX — начале XX в. — Право и политика. 2009, № 9, с. 196—199; АРСАНУКАЕВА М.С. Горско-казачьи суды в Чечне и Ингушетии (начало XX в.) — Юридический мир. 2009, № 7, с. 76—80; КОБАХИДЗЕ Е.И. «Не силою оружия едины...» Осетия конца XVIII — начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ. 2010; ЕГО ЖЕ. Очерк К.Л. Хетагурова «Горский словесный суд» и проблемы реорганизации судопроизводства для горцев Северного Кавказа в 70-е гг. XIX — начале XX в. — Известия СОИГСИ. 2010, № 4, с. 37—47; САЙДУМОВ Д.Х. Сельские (аульные) и горские суды Терской области: порядок производства и решения дел в сельских судах. — European social science journal. 2010, № 3, с. 132—137; КОБАХИДЗЕ Е.И. Интеграция Осетии в судебно-административную систему Российской империи. — Российская история. 2012, № 4, с. 3—15; СЕРДЮК А.В. Особенности судопроизводства Северного Кавказа в составе Российской империи в середине XIX — начале XX в. — Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство, право и управление. 2012, № 4, с. 150—153; АРСАНУКАЕВА М.С. Сельские (аульные) суды в горских районах Северо-Восточного Кавказа (вторая половина XIX — начало XX в.). — Вестник Российской правовой академии. 2012, № 2, с. 11—15; АРСАНУКАЕВА М.С., ХАЛИФАЕВА А.К., ДЖАЛИЛОВ Ш.Н. Язык судопроизводства по делам с участием горцев Северного Кавказа (XIX — начало XX в.). — Юридическая наука. 2013, № 1, с. 4—7.
2. АГИШЕВ Н.М., БУШЕН В.Д., РЕЙНКЕ Н.М. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб. 1912, с. 112.
3. РЕЙНКЕ Н.М. Кавказско-горские суды Кавказского края. — Журнал Министерства юстиции. 1912, № 2, с. 4—71. Опубликовано: Антология памятников права народов Кавказа. Т. 3. Памятники права черкесов (адыгов). Ростов-на-Дону. 2011, с. 483.
4. См., например: Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР), ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 109—110.
5. Временные правила для Горских словесных судов Кубанской и Терской областей, утвержденные Наместником кавказским 18 декабря 1870 года. Терский календарь на 1895 год. Владикавказ. 1894, вып. 4, с. 135.
6. Там же, с. 137.
7. Там же, с. 135.

8. Там же, с. 136.
9. Там же, с. 141.
10. РЕЙНКЕ Н.М. Ук. соч., с. 464, 472.
11. АГИШЕВ Н.М., БУШЕН В.Д., РЕЙНКЕ Н.М. Ук. соч., с. 112.
12. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-Алания), ф. 12, оп. 3, д. 1477, л. 20об.
13. Временные правила..., с. 138—140.
14. Там же, с. 142.
15. РЕЙНКЕ Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. — Журнал Министерства юстиции. 1912, № 2, с. 16.
16. ЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 154, л. 5.
17. Там же, л. 1—1об.
18. Там же, ед. хр. 3595, л. 17.
19. Материалы по обозрению Нальчикского горского словесного суда Терской области в 1911 г. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. Собраны под наблюдением и.о. обер-прокурора общего собрания кассационных департаментов Правительствующего Сената Н.М. Рейнке, членом Московской судебной палаты Н.М. Агишевым и товарищем прокурора Тамбовского окружного Суда В.Д. Бушеном. СПб. 1912, с. 104.
20. Временные правила..., с. 234.
21. ЦГА РСО-Алания, ф. 12, оп. 3, д. 1477, л. 20.
22. Там же.
23. ЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2510, л. 2; ЦГА РСО-Алания, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 979, л. 1.
24. ЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2510, л. 13.
25. ЦГА РСО-Алания, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 1330, л. 10об.—11.
26. ЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 26—27.
27. ЦГА РСО-Алания, ф. 12, оп. 3, д. 1060, л. 12.
28. Там же, д. 1063, л. 6.
29. Там же, л. 6об.—8.
30. ЦГА РСО-Алания, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 1279, л. 1.
31. Там же, д. 1063, л. 8.
32. Там же, ед. хр. 1305, л. 11—11об.
33. ТЕУНОВ М.К. Шариатские суды в советской Кабардино-Балкарии (1918—1929 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Нальчик. 2007, с. 12.

Азербайджанская печать накануне и в годы первой мировой войны

Э.Р. Вагабова

С началом первой мировой войны изменилось и направление тематики газет. Стали появляться новые рубрики, выходили экстренные выпуски, листовки. В газетах и журналах возникли новые рубрики — «Война», «Военные известия», «События на фронте», «Вести с фронта» и другие, освещавшие ход боевых действий, поражение на фронтах и тяжелое положение в тылу, действия союзников и союзных войск, а внутренние проблемы страны отошли как бы на второй план.

Война затронула все стороны жизни общества, обнажила социально-политические и национальные проблемы. Эти вопросы на протяжении всего военного времени освещались на страницах существовавших к тому времени, как русскоязычных («Каспий», «Баку», «Бакинские известия», «Закавказье» (до 13 февраля 1914 г.), «Молла Насреддин», «Кавказский телеграф», «Бакинец»), так и азербайджаноязычных («Ниджат», «Ени Иршад», «Ишыг», «Ени Икбал», «Басират», «Ачыг сёз») газет.

Следует отметить, что возникшая в начале XX в. сатирическая печать в годы первой мировой войны приобретала еще большую популярность. Например, давая оценку журналу «Молла Насреддин»¹, газета «Бакинский день» писала, что этот журнал — «лучший друг прогресса и беспощадный враг застоя, невежества и беспросветной темноты»². «Полюбуйтесь на “Моллу Насреддина”, — писал о первом номере (9 апреля 1906 г. Тифлис) в редактируемой им газете «Иршад» известный журналист Ахмед бек Агаев. — Сколько ума, мысли, какое совершенство, какой вкус!» «Молла Насреддин» стал профессиональным, целенаправленным иллюстрированным сатирическим журналом, продолжившим традиции Г. Зардаби и М.Ф. Ахундова. На его страницах, как и в других органах азербайджанской периодической печати, часто предметом общенародного обсуждения становился женский вопрос.

За равноправное положение азербайджанских женщин выступал и Г. Минасазов, который в своих рассказах описывал их бесправное положение, как в семье, так и в обществе, и выступал за предоставление им экономической свободы. «Пока наши женщины, подобно женщинам других народов, не полу-

Вагабова Эмира Рагим гызы — доктор философии по истории, старший научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана.

чат должного знания и воспитания и не научатся делать все то, что делают они, мусульмане всегда в экономической борьбе будут биты и от материальных невзгод никогда не освободятся»³.

В 1911—1912 гг. вышла женская газета «Ишыг», издателем которой был видный публицист и переводчик Мустафа бек Алибеков, а редактором — его жена, врач Хадиджа ханум. Эта газета выходила еженедельно по субботам. В ней освящались вопросы литературы, домоводства и детского воспитания. Она помогала раскрыть талант многих азербайджанских журналисток, писательниц и поэтесс. По оценке Ю.В. Чеменземенли, высказанной в письме к Х. Алибековой, «издание газеты для женщин является священной миссией»⁴.

На содержании самой печати, которой в это время придавалось особое значение, сказывались законы, принимаемые правительством царской России.

Так, еще накануне первой мировой войны, в 1913 г., было принято Уголовное уложение, согласно которому предусматривалось суровое наказание за «государственную измену», под которой понимались и так называемые «оскорбления в печати войска или воинской чести», что грозило заключением в тюрьму на срок от 2 до 16 месяцев⁵.

28 января 1914 г., за несколько месяцев до начала войны, был опубликован первый «Перечень» сведений, которые запрещалось сообщать в печати: изменения в вооружении армии, флота, формирование воинских частей, проведение маневров, сборов, хотя об этом могло говориться в публичных выступлениях⁶. А 20 июля 1914 г. было подписано «Временное положение о военной цензуре», которое также предусматривало недопущение опубликования в печати произносимых в публичных собраниях речей и докладов, которые могли навредить военным интересам государства⁷. Царскому досмотру подлежали не только газеты, журналы, книги, рисунки, но и вся почтовая и телеграфная корреспонденция, тексты и конспекты публичных выступлений. В последующих 3-м и 4-м «Перечнях» запрещалось писать даже о содержании писем и телеграмм, о потерях на войне, о моральном положении в армии и волнениях среди жителей⁸. Гражданская цензура была передана в руки департамента полиции⁹.

Разработанный министром внутренних дел Н. Маклаковым (1871—1918) в 1913 г. проект закона о печати, в начале 1915 г. был вынесен на рассмотрение Государственной думы¹⁰, о чем сообщали «Русские ведомости» (14.X.1915), а в марте 1916 г. был утвержден Закон о военной цензуре¹¹.

Естественно, что все эти законы соответствовали духу времени и преследовали, прежде всего, как защиту государственной тайны, так и сохранение самой государственной власти.

Накануне первой мировой войны Бакинское градоначальство, по образцу российских градоначальств (Петроградского, Одесского и Московского), решило издавать собственную ежедневную газету под названием «Ведомости Бакинского градоначальства», о чем свидетельствует переписка заместителя Кавказа с градоначальниками Москвы и Одессы, обнаруженная нами в архиве¹².

Как видно из переписки, заместитель на Кавказе граф Воронцов-Дашков «не признал возможным возбуждать вопрос о разрешении издания при Бакинском градоначальстве специальных ведомостей», считая, что «“Бакинские губернские ведомости” вполне удовлетворяют той цели, которую должны будут преследовать ведомости градоначальства, а потому проект издания указанных ведомостей должен быть оставлен»¹³.

Решение вопроса об издании «Ведомостей...» затянулось на три года, хотя Бакинский градоначальник считал, что «управлять градоначальством без официального органа не представляется возможным»¹⁴. Таким образом, бумажная волокита и бюрократизм не позволили газете «Ведомости Бакинского градоначальства» выйти в свет.

Несколько слов стоит сказать и о еженедельном сатирическом журнале «Лек-лек» («Аист»), издававшемся в азербайджанском городе Иревань. Первый номер журнала, который печатался в типографии «Луйс» на азербайджанском языке, вышел 22 февраля 1914 года¹⁵. В журнале критиковали религиозный фанатизм, непросвещенность и чиновничий произвол, публиковались сатирические рассказы, стихи, фельетоны. «Лек-лек» распространялся и далеко за пределами Иревани: в Баку, Елисаветполе (Гяндже), Тифлисе, Средней Азии, Тебризе и Тегеране¹⁶. Главной задачей журнала было просвещение народа, борьба за изучение родного языка и литературы¹⁷. Редакторами журнала были Джаббар Аскерзаде и М.М. Фатуллаев.

В 1914 г. предполагалось издание еще одного журнала на азербайджанском языке — «Чынгы» («Искра»). Однако вместо этого 1 января 1917 г. вышел первый номер журнала «Бурхани-хагигат». Этот научно-политический и художественный журнал издавался один раз в две недели на 8 страницах. Редактором журнала был А.Р. Зейналабдинзаде, издателем — Г.М. Алиев. В журнале работали Мирза Джаббар Мамедов, Джаббар Аскерзаде, Вахид Муганлинский, Тахвил Иревани, Сария ханум¹⁸. Наряду с общественно-политическими вопросами, на страницах журнала широко освещались вопросы домоводства, воспитания детей и гигиены. Несмотря на злободневность тем, журнал просуществовал всего несколько месяцев.

В 1914 г. в Баку вышел новый иллюстрированный еженедельный сатирический журнал «Мезели» («Смешной») на азербайджанском языке, куда, оставив «Бич», перешел работать художник А. Азимзаде. В этом журнале были помещены 300 цветных карикатур, принадлежавших его кисти. Журнал «Мезели» разоблачал взяточников, высмеивал духовенство, освещал военные события. За все время вышло 42 номера журнала, и в октябре 1915 г. он был закрыт.

Также в годы первой мировой войны стал выходить еженедельный юмористический журнал на азербайджанском языке «Тути» («Попугай»). Редактором черно-белого сатирического журнала был Дж. Буниятзаде, издателем — Т. Нагиев, художником — А. Азимзаде. В журнале публиковались карикатуры художников Г. Мамеда и М. Алиева.

Еще задолго до первой мировой войны газетное дело переживало финансовый кризис. Резкое сокращение количества газетных объявлений уменьшило крупную статью дохода. Расходы по газетному делу возросли. Цены на все печатные материалы увеличились почти вдвое, причем особые затруднения вызывала доставка бумаги, повысилась также оплата труда занятых в типографии рабочих. При таких условиях стало ясно, что периодическая печать в Баку может продолжить свою работу и пережить трудное для нее время лишь при повышении цен на свою продукцию. Поэтому редакции газет «Каспий», «Баку», «Кавказский телеграф», «Бакинец», «Ени Икбал» и их издательства вынуждены были увеличить продажную цену отдельных номеров бакинских газет на 1 копейку. Это подорожание, объявленное временным, вводилось с 23 сентября, а для иногородних — с 1 октября. Увеличились также цены на все объявления в газетах — на 25%¹⁹.

В начале 1914 г. количество газет вновь стало возрастать. Они превращались в доходное предприятие, становясь выгодной сферой приложения капитала. Принося значительный доход, периодические издания превращались в прибыльные предприятия, что, естественно, в правительственных кругах не осталось незамеченным. Тогдашний министр внутренних дел И.Л. Горемыкин выдвинул проект обложения периодических изданий 5% сбором с объявлений для покрытия расходов «цензурного ведомства». Но этот проект не получил поддержки, поскольку против него высказался С.Ю. Витте, стремившийся всегда поддерживать хорошие отношения с периодической печатью²⁰.

В годы первой мировой войны журнал «Нефтяное дело» продолжал освещать, в частности, падение цен на нефть, а также состояние нефтяной промышленности. Отмечалось, что положение катастрофическое. Журнал обращал внимание на то, что война истощила и в конце дезорганизовала страну, но она могла «оказать и организующее влияние, которое сказалось бы в устранении той системы правления, какая царила при старом режиме и которая совершенно стесняла экономическое развитие страны». Однако «министерская чехарда» старого режима сменилась «министерской чехардой» нового режима ²¹.

Большое место на страницах журнала «Нефтяное дело» отводилось вопросам строительства рабочих поселков на бакинских промыслах, ставших предметом обсуждения на различных съездах бакинских нефтепромышленников. Также журнала сообщал об увеличении съездом ассигнований на нужды войны до 1 млн руб., в том числе, и на организацию помощи раненым ²².

В журнале было размещено положение о премии имени Э.Л. Нобеля, учрежденной БО ИРМО, состоявшего из 15 параграфов, первый параграф которого гласил, что она будет «выдаваться за лучшие труды или изобретения по отраслям знаний, неразрывно связанным с нефтяным делом» ²³.

Накануне первой мировой войны — 25 мая 1914 г. — премия была назначена «за лучшие труды по добыче нефти или наукам, близко соприкасающимся с нею, например, геология нефти» ²⁴.

В годы первой мировой войны стал выходить печатный орган партии «Мусават» газета «Ачыг сёз». Газета говорила о развитии и равноправии всех народов и народностей Кавказа, о том, что «достигнуто это может быть лишь при приобретении ими тех или иных прав и преимуществ, какими пользуются отдельные группы граждан внутренней России» ²⁵. Для того, чтобы завоевать это право, писала «Ачыг сёз», «необходимо, с одной стороны, чтобы пришло в движение само кавказское мусульманское крестьянство, с другой, чтобы соседние нам племена питали к нам уважение и относились доброжелательно и сочувственно к нашим нуждам и потребностям» ²⁶.

Идея национального самосознания и национального возрождения, разрабатываемая азербайджанскими просветителями и представителями прогрессивной национальной буржуазии еще в начале XX в. ²⁷, получила свое дальнейшее развитие в работе лидера партии «Мусават» М. Расулзаде (1884—1955) «Национальное возрождение».

Статья Расулзаде «Карта мира изменится войной», опубликованная в первом номере газеты «Ачыг сёз» (1915 г.), вызвала бурные дискуссии в общественной среде. Современная эпоха была охарактеризована автором следующим образом: «Этот путь, ужасы которого мы сейчас наблюдаем, показывает, что наша современность — век наций» ²⁸. В другой статье — «Дорога, которую мы выбираем», также опубликованной в первом номере «Ачыг сёз» Расулзаде писал: «Мы — тюрки по языку, тюрки по национальности. В первую очередь наша цель — сохранить независимость тюркской литературы, тюркского искусства, тюркской истории и тюркской культуры. Блестящая тюркская культура — наша святая цель, наша яркая путеводная звезда» ²⁹.

Давая оценку местной прессе со страниц газеты «Ачыг сёз», известный азербайджанский просветитель и публицист Омар Фаик Неманзаде (1872—1937) с сожалением отмечал: «Наша пресса больше освещает жизнь других народов, но не нашу собственную. Это очень бросается в глаза и свидетельствует о том, что у многомиллионного русского мусульманства нет определенной общественно-политической мысли, нет общественно-политического идеала. Отказываться же от признания этой истины, а тем более обойти ее мол-

чанием — есть умышленное введение в заблуждение и народа, и правительства»³⁰.

Говоря о том, чтобы мусульманам, как и русским, были дарованы права и их считали полноправными гражданами России, а не какими-то пасынками, О. Фаик призывал освещать в прессе все общественно-политические вопросы, невзирая на то, будут ли удовлетворены требования мусульман, или нет. «Мы должны дать знать о своих нуждах, если не правительству, то прогрессивной части русского общества»³¹. Долг печати — «не ссорить соседей, а примирять их и устанавливать между ними дружественные связи»³².

Важно отметить и тот факт, что раньше, согласно принятому 1 января 1874 г. «Уставу о всеобщей воинской повинности», призыв в армию не распространялся как на казаков, так и на народы Южного Кавказа, Средней Азии и Сибири, которые вместо этого платили денежный налог. Хотя, надо заметить, что существовали немногочисленные «инородческие войска» — иррегулярные конные части, в состав которых на добровольной основе могли записываться представители мусульманских народов Кавказа³³.

26 июля 1914 г. с началом первой мировой войны генерал-адъютант, главнокомандующий войсками кавказского округа граф И.И. Воронцов-Дашков обратился через военного министра к царю с просьбой использовать «воинственные кавказские народы» для формирования войсковых частей. И уже 27 июля последовало высочайшее соизволение «сформировать из туземцев Кавказа на время военных действий несколько войсковых частей»³⁴. 23 августа 1914 г. был издан приказ Николая II о создании Кавказской туземной конной дивизии, просуществовавшей до октября 1917 года³⁵.

Стоит обратить внимание на тот факт, что положение мусульманских женщин, будучи и без того удручающим (это и вопросы о женской занятости и низкой заработной платы, нарушения техники безопасности и производственных аварий)³⁶, в период первой мировой войны было намного хуже положения других женщин. Государство не выплачивало мусульманкам пособия, о чем можно узнать из периодической печати военных лет, например, из газеты «Ачыг сёз», где была опубликована статья Таги Шахбази «Новое положение и наши женщины»³⁷.

На страницах еженедельного журнала «Бабаи-Амир», редактором и издателем которого был А. Музниб Муталлимзаде, говорилось о невыполнении властями обещания открыть для женщин так называемый «стол по трудоустройству»³⁸. В этом журнале публиковал свои стихи известный азербайджанский поэт и драматург Джафар Джабарлы (1899—1934), выступавший за соблюдение прав женщин³⁹.

Мысль об издании специальной газеты для азербайджанских женщин возникла весной 1915 года. Предполагалось, что ее возглавит женщина-журналист Шафига ханум Эфендизаде. В газете «Ени Икбал» она писала, что «дело тормозится условиями военного времени, при которых чувствуется недостаток в газетной бумаге непомерно вздорожавшей, обстановка же работы типографий крайне тяжелая»⁴⁰. В издававшемся в этот период в Баку сборнике «Дирилик» она опубликовала серию статей по женской проблематике, в которых затрагивала вопросы гражданских и политических прав женщин⁴¹.

Многочисленные материалы о женском вопросе печатались в 1915—1916 гг. в газете «Ачыг сёз». Они были посвящены в основном положению азербайджанских женщин, их общественной, благотворительной деятельности и образованию. В перепечатке из газеты «Тарджуман» и в статье «О наших женщинах» был поднят вопрос о положении женщин: «Разделение общества на две части — мужчин и женщин — приводит к горьким результатам» — говорилось в ней⁴². А в сборнике «Дирилик», издаваемом в Баку в годы войны, была опубликована

статья Гусейна Талыта «Женский вопрос — феминизм», в которой автор высоко оценивал борьбу американских и европейских женщин за равноправие с мужчинами и за получение избирательного права ⁴³.

На страницах периодической печати обсуждалась роль азербайджанской интеллигенции и буржуазии в вопросах защиты своих прав. Так, газета «Басират» писала: «Наша интеллигенция, как и наши богачи, должны понять, что нация ни на шаг не продвинется вперед в своем развитии, пока они будут только и заниматься тем, что ежедневно наряжать своих жен в новомодные костюмы и украшать их шею множеством жемчужных ожерелий и возить их в разные увеселительные места. Если наша интеллигенция будет находиться в состоянии сна и беспечности, в состоянии бездействия, что же тогда произойдет, интеллигенция является одним из ответственных элементов нации» ⁴⁴.

Известный политический деятель, депутат М. Джафаров, выступая на заседании IV Государственной думы, отмечал, что «никогда мрачная практика национального угнетения не достигала таких размеров, как в настоящее время освободительной войны. Никогда бездушный централизованный бюрократический механизм не издевался так над национальными чувствами инородцев России и не уродовал их бытовых и духовных особенностей, как в настоящий момент» ⁴⁵.

7 марта 1917 г. в помещении Городской управы состоялось общее собрание бакинских журналистов, работавших в периодической печати. Была принята резолюция, в которой выражалось доверие и готовность поддерживать Временное правительство в осуществлении объявленной им программы, говорилось о защите свободы печати, о воздержании от партийной полемики в течение переходного времени, а также о созыве общего собрания журналистов для обсуждения возникавших вопросов.

В апреле 1917 г. было образовано Общество мусульманских писателей и журналистов, а 28 апреля того же года на первом учредительном заседании общества был принят устав и определены его цели — забота о духовном, профессиональном и материальном развитии своих членов и поощрение начинающих тружеников пера ⁴⁶.

Для реализации этой задачи общество подготовило широкую программу литературной деятельности, была создана особая литературная комиссия, которой «вменялось в обязанность устройство литературно-художественных вечеров, беседований, докладов и рефератов, лекций и т.п.» ⁴⁷. 27 октября (9 ноября) 1917 г. был принят декрет Совнаркома «О печати» ⁴⁸, с которого начался запрет изданий по политическим мотивам. Закрытию подлежали органы прессы, призывавшие к прямому сопротивлению или неповиновению правительству, к уголовно наказуемым действиям, сеющим смуту клеветническими извращениями фактов. В документе указывалось, что принимаемые меры временны и будут отменены «по наступлению надлежащих условий жизни». И как правильно отметила С.Ф. Варламова, «всякие ограничения, если они останутся, должны базироваться на правовой основе, обеспечивающей как свободу научной информации, так и охрану сведений, составляющих государственную, военную, коммерческую и иную тайну» ⁴⁹.

Подводя итоги рассмотрению деятельности азербайджанской печати накануне и в годы первой мировой войны, важно отметить, что, несмотря на всевозможные бюрократические препоны, преследования и гонения, до февраля 1917 г. в Азербайджане выходило большое количество газет и журналов, как на русском, так и на азербайджанском языке. Азербайджанская интеллигенция при поддержке национальной буржуазии на страницах периодической печати поднимала важнейшие вопросы общественно-политической, экономической и

культурной жизни страны — национальной идентичности, национального возрождения, роста национального самосознания, прав и положения азербайджанской женщины в обществе, пережитков прошлого, дальнейшего развития самобытной азербайджанской культуры.

Примечания

1. 4 марта 1906 г. было получено разрешение от Тифлисского губернатора на издание Дж. Мамедкулизаде в г. Тифлисе еженедельного юмористического журнала «Молла Насреддин» на азербайджанском языке.
2. Бакинский день. 16.VI.1907, № 4.
3. Кавказское слово. 26.VIII.1916, № 189; подробно о «Газете-копейке» см.: БЕРЕЖНОЙ А.Ф. К истории отечественной журналистики: конец XIX — начало XX в. СПб. 1998; История отечественной журналистики: Документы и материалы. СПб. 2003, с. 113.
4. ГУСЕЙНОВ Ш. «Ишыг»-95. Первый печатный орган для азербайджанских женщин. — Гюнай. 15.VII.2006, № 28; Иршад. 10.IV.1906, № 86.
5. ЛЕМКЕ М. 25 дней в царской ставке. Пг. 1920, с. 362.
6. Собрание Узаконений и распоряжений правительства. СПб. 1914.
7. БЕРЕЖНОЙ А.Ф. Ук. соч., с. 18—19; Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1914, отд. 1, № 170, с. 2821—2822; Правительственный вестник. 22.VI.1914.
8. ЛЕМКЕ М. Ук. соч., с. 51; Собрание узаконений..., № 203, с. 3027.
9. Новая газета. 30.I.1915.
10. Русские ведомости. 4.XII.1915.
11. Государственная Дума IV созыва. Сессия четвертая. Стенограф. отчет. СПб, стб. 3160—3162; ЕСИН Б.И. Из истории русской журналистики начала XX века. М. 1984, с. 28.
12. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИА АР), ф. 46, оп. 2, д. 384, л. 4—5об., 12, 15—15об., 16—19.
13. Там же, л. 20.
14. Там же, л. 30—30об.
15. МАМЕДОВ И.С. Об истории, исконной земле и горькой судьбе азербайджанцев, изгнанных из нынешней республики Армения. Баку. 2009, с. 300.
16. Центральный Государственный исторический архив Грузии (ЦГИАГ), ф. 968, д. 523, л. 1.
17. МАМЕДОВ И.С. Азербайджанская печать в Армении. Автореф. канд. дисс. Ереван. 1971.
18. ЕГО ЖЕ. Об истории, исконной земле и горькой судьбе азербайджанцев..., с. 301.
19. Баку. 26.IX.1915, № 214; 27.IX.1915, № 215.
20. БОХАНОВ А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. — 1914 г. М. 1984, с. 41; Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 776, оп. 21, ч. 1, д. 100, л. 20.
21. Нефтяное дело. 23.XII.1917, № 23—24, с. 2—3.
22. Там же, 9.II.1915, № 3, с. 35—36; 23.VII.1915, № 14, с. 1043.
23. Там же, 8.I.1914, № 1, с. 24—25.
24. Там же, с. 25.
25. Кавказский телеграф. 4.I.1916, № 2.
26. Там же.
27. Каспий. 23.I.1905; 19.XII.1906.
28. Ачыг сёз. 1915, № 1. Цит. по: ГАСАНЛЫ Дж. Русская революция и Азербайджан. Трудный путь к независимости (1917—1920). М. 2011, с. 53.
29. Там же.
30. Баку. 14.XI.1915.
31. Там же.
32. Там же. 24.XI.1915.

33. 1 января 1874 г. был принят «Устав о всеобщей воинской повинности», в соответствии с которым воинской повинности подлежало все мужское население, без различия состояний, с 21-летнего возраста. Срок службы в сухопутных войсках составлял 15 лет — 6 лет действительной службы и 9 лет в запасе (на флоте срок действительной службы составлял 7 лет). Призыв не распространялся на казаков, народы Закавказья, Средней Азии и Сибири. Русская армия. Советская военная энциклопедия. Т. 7. М. 1979, с. 167—175; Революция и гражданская война в России: 1917—1923 гг. Энциклопедия. М. 2008.
34. <http://www.savash-az.com/rasskazi/tkdiv.htm>.
35. Дикая дивизия, как ее тогда называли, состояла из трех бригад шести кавказских туземных конных полков (каждый в 4 эскадрона). 2-я бригада, например, состояла из Татарского конного полка (состоявшего из азербайджанцев, который формировался в Елисаветполе) и Чеченского конного полка (состоявшего из чеченцев). Во главе стоял младший брат царя, великий князь Михаил Александрович. Таким образом, была сделана попытка распространить призыв на «инородческое» население, которое до этого было освобождено от несения воинской повинности.
36. Бабаи-Амир. 15.VII.1915, № 13; 1.IV.1916, № 12; См.: АЛИЕВА Л.А. Положение женщин Азербайджана в период военных конфликтов (на примере фактов I-ой Мировой войны). — Известия БГУ, серия гуманитарных наук. 2012, № 4, с. 90.
37. Ачыг сёз. 4.VIII.1916, № 250.
38. АЛИЕВА Л.А. Ук. соч., с. 89—90.
39. Бабаи-Амир. 2.VIII.1915, № 17; 9.IX.1915, № 21.
40. Баку. 5. XI.1915, № 247.
41. Дирилик. 16.XII.1914, № 7.
42. Ачыг сёз. 17.VIII.1916, № 261.
43. Дирилик. 1.II.1915, № 10.
44. Баку. 4.III.1916, № 51.
45. Госдума. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб. 1916, с. 84; СЕИДЗАДЕ Д. Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. Баку. 1991, с. 34.
46. Каспий. 3, 7.III.1917; 30.IV.(13.V).1917, № 95.
47. Там же.
48. Декреты Советской власти. Т. 1. М. 1957, с. 24—25.
49. ВАРЛАМОВА С.Ф. Спецхран РНБ: прошлое и настоящее. — Библиотекосведение. Вып. 2. М. 1993, с. 82.

Переписка К.И. Невоструева и митрополита Макария

Н.М. Валеев

В истории России XIX в. яркими красками должны быть написаны имена замечательных подвижников науки Капитона Ивановича Невоструева (1816—1872) и митрополита Макария (до монашества — Михаила Петровича Булгакова, 1816—1882).

К.И. Невоструев в фундаментальном справочном многотомнике «Русский биографический словарь»¹ охарактеризован как исследователь древнерусской литературы, археолог. В «Советской исторической энциклопедии» параметры характеристик несколько изменены. Здесь сказано, что Невоструев — «русский палеограф и археограф... для развития палеографии большое значение имело “Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки...” (Т. 1—6. М. 1855—1917), представляющее образец анализа текстов»². В библиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России»³ ученый назван филологом и археографом. Столь широкий диапазон характеристик совершенно справедлив, так как Капитон Иванович всю жизнь занимался научными изысканиями в этих областях. Можно лишь дополнить неназванные области научных интересов ученого — знаток исторических и церковных древностей Симбирской, Казанской, Вятской и др. губерний, лингвист, владевший множеством древних и европейских языков, библиофил, нумизмат, коллекционер древностей и т.д.

Член-корреспондент Императорской Академии Наук (с 1861 г.), член Сербского ученого общества в Белграде (с 1870 г.), Югославянской академии в Загребе, профессор, археограф, палеограф, археолог и филолог, Невоструев родился 28 февраля 1816 года в г. Елабуге Вятской губернии в семье священника. Мальчиком обучался в Елабужском духовном училище. После его окончания продолжил учебу в Вифанской духовной семинарии в Москве, где его старший брат Александр был профессором богословия, а затем — в Московской духовной академии у знаменитого церковного историка Филарета (Гумилевского). Здесь он был сподвижником не менее знаменитого Александра Васильевича Горского (1812—1875), также историка церкви, профессора.

Валеев Наиль Мансурович — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и РТ. Республика Татарстан.

Невоструев окончил академию со степенью магистра богословия и в 1840 г. был назначен профессором вновь открытой Симбирской духовной семинарии, где преподавал священное писание, патристику, еврейский язык.

В 1849 г. его вызвал в Москву А.В. Горский для работы над задуманным описанием рукописей библиотеки Священного Синода. Ученый поселился в Чудовом монастыре в Кремле, где располагалось уникальное древлехранилище. Этот труд, который он выполнял до 1862 г. совместно с Горским, а с 1862 г. и до конца своих дней — в одиночку, имеет особое значение в истории славянской филологии. Полное его название — «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» (М. 1855—1869; последняя часть опубликована лишь в 1917 г.). Он состоит из шести объемных томов, свидетельствующих о подвижническом отношении Капитона Ивановича к столь нелегкой работе. В 1867 г. «Описание...» было удостоено первой Ломоносовской премии Российской академии наук. Сведения о языке рукописей, о составе памятников, об отношении славянского перевода к греческому и иным оригиналам делают этот труд совершенно уникальным и по сей день не имеющим аналогов по грандиозности воплощенных замыслов. В «Описании...» впервые были обстоятельно рассмотрены богослужебные книги (октоихи, триоди и др.). Описание рукописей Ветхого и Нового заветов сопровождалось важнейшими обобщениями и заложило основы отечественной славянской библеистики. Кроме того, заслуживает внимания обстоятельнейший ответ Невоструева на критику «Описания...», где он дает важнейшие разъяснения по вопросу формирования текста полной славянской Библии.

Академик И.И. Срезневский (1812—1880), славист широкого профиля, крупнейший специалист по истории западных и южных славян и славянской филологии, справедливо отмечал огромное значение «Описания...» для русской культуры. Он говорил, что митрополит московский Филарет, «задумав предпринять описание рукописей... не мог не чувствовать, как сильно зависеть должен успех дела от тех, кому оно будет поручено, и не обманулся в выборе лиц; таких исполнителей, какими “показали” себя А.В. Горский и К.И. Невоструев, нельзя найти многих ни в одной образованной стране Европы». Но далее он с горечью констатирует: «Труд, так великолепно начатый, составляющий одно из лучших украшений нашей научной литературы, не доведен и до половины, а ... продолжателя — нет»⁴.

В 1872 г. написанное Невоструевым «Слово святого Ипполита об антихристе» было удостоено Уваровской премии (М. 1868). Эта работа явилась ценным вкладом в русскую и славянскую археографию, историю церкви, древнерусскую литературу. Заслуга ученого состояла в том, что он отыскал в чудовской библиотеке не привлекавшую ранее внимание редакцию этого памятника христианской литературы III в., сличил ее с другой, бывшей в ходу у старообрядцев и сделал основательные обширные исторические справки, доказал подлинность именно новой, а не помещенной в «Соборнике», редакции. Помимо обширного введения к изданию самого текста «Слова...» (на славянском, русском и греческом языках), Капитон Иванович снабдил его многочисленными примечаниями, показывающими его осведомленность в вопросах славянской палеографии и древнерусского правописания. О достоинствах этого труда лучше всего свидетельствует его успех. Старообрядцы и все несогласные с учением об антихристе, как дьяволе, стали раскупать ее и слать ученому благодарственные письма. Эта книга, по собственному признанию Невоструева, как-то «подошла к современным обстоятельствам раскола» и потому пользовалась большим спросом. Впрочем, не одни старообрядцы оценили книгу. Труд был замечен и Венской академией, отозвавшейся о нем как об очень ценном произведении.

Яркой звездой засветилась на небосклоне великой русской культуры недавно изданная московским Новоспасским монастырем одна из серьезных работ Капитона Ивановича — «Исследование о Евангелии, написанном для новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII века, в сличении с Остромировым списком, Галичским и двумя другими XII и одним XIII века»⁵, которая дождалась своей публикации около 150 лет. Это выдающийся памятник русской письменности начала XII в., научное значение его в условиях развития российской и мировой славянской филологии постоянно возрастает. Это образец исследования древних текстов, снабженных данными палеографии, хронологии, истории, служащих пониманию исторической судьбы литературных произведений древности.

О митрополите Московском Макарии в «Советской исторической энциклопедии», несмотря на жесткие цензурные условия, характерные для этой эпохи, сказано, что это «русский ученый, иерарх, историк церкви и богослов, епископ, митрополит московский. Академик с 1854 года, член многих ученых обществ»⁶.

Главный труд митрополита Макария — «История русской церкви»⁷ (1857—1883) — фундаментальный, непревзойденный по фактической полноте, над которым он работал, как и Невоструев над «Описанием...», всю жизнь, до сих пор не утратил своего значения и изучается специалистами и слушателями духовных академий. При написании его активно использовались материалы рукописных собраний графа Н.П. Румянцева, М.П. Погодина, Московской, Петербургской, Киевской духовных академий, целого ряда монастырей. Основную работу по сбору необходимых архиепископу материалов, их переписыванию, а нередко и анализу, вел на протяжении многих лет Невоструев. Кроме того, очень важен труд митрополита «Православно-догматическое богословие»⁸, отмеченный в 1853 г. Демидовской премией Петербургской Академии Наук. Опубликовано свыше 200 его богословских и публицистических проповедей, в том числе, произнесенная им на открытии памятника А.С. Пушкину в 1880 г. на Тверском бульваре в Москве.

Митрополит Московский и Коломенский с 1879 г. Макарий — архиепископ, известнейший богослов, историк церкви, член Святейшего Синода, действительный член Петербургской Академии наук по отделению русского языка и словесности (1854), почетный член многих ученых обществ, проповедник-публицист окончил Киевскую духовную академию в 1841 г., где и начал преподавание. В следующем году был переведен в Петербургскую духовную академию, где читал курс русской гражданской и церковной истории, а также богословия. В 1844 г. стал профессором богословия и был посвящен в архимандриты. В 1850—1857 гг. был ректором Петербургской духовной академии. С 1850 г. редактировал журнал «Христианское чтение». В 1851 г. рукоположен в епископы, с 1859 г. — архиепископ. Является автором целого ряда работ по истории русской церкви и догматическому православному богословию. По инициативе Макария в 1860-е гг. учреждена премия для поощрения наиболее достойных трудов в гуманитарной сфере — не только богословских, но и светских. В 1997 г. эта премия была восстановлена и присуждается ежегодно Московской патриархией, мэрией Москвы и Российской академией наук.

Эпистолярное наследие профессора Московской духовной семинарии Невоструева огромно: это тысячи писем, написанных на протяжении всей жизни, которые представляют большой научный интерес, поскольку адресатами их были известные ученые России и славянских стран, высокопоставленные сановники, известные историки церкви, церковные иерархи.

В научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранятся 11 писем архиепископа Макария 1856—1872 гг. Не-

воструеву, показывающих творческие и духовные контакты ученых, широту кругозора, их особенности работы с рукописями и другими источниками, безграничную преданность порученному или избранному делу.

К сожалению, сохранилась лишь малая толика писем, с интервалами написания в год и более.

28 мая 1856 г. Макарий, в то время епископ Винницкий, в письме Невоструеву высказал радость по поводу получения «драгоценного подарка» — первого тома «Описания славянских рукописей Московской синодальной библиотеки»⁹ (М. 1855) и сразу же обратился с просьбой: «У Вас под руками богатое Синодальное книгохранилище. Кое-какие вещи и нам хотелось бы иметь из него, разумеется, в копиях. Не можете ли найти человека, который верно и точно мог бы списать для меня след[ующие] две рукописи: 1) Греческое послание нашего м[итрополи]та Леонтия об опресноках, нах[одящихся] в Соборн[иках] №№ 353 и 355, по Маттею, и 2) Студийский устав — собственно монашеский, помещенный в пергам[енной] рукописи № 330, во второй половине (есть ли на этой рукописи пометка будто устав писан для Новгор[одского] Богородичного м[онасты]ря? Весьма любопытно)... Вознаграждение за труд переписчику будет выслано мною немедленно, как только Вы потрудитесь меня известить о количестве денег.

Но, позвольте, это только начало просьбы. Продолжаю: Вы, когда изволили быть у меня, говорили, что описание Синод[альных] рукописей у Вас почти окончено, — и, со временем, без сомнения, оно делается известным ученому свету. А между тем мне именно в настоящее время хотелось бы иметь хотя самые краткие сведения: 1) нет ли в Синодальной библиотеке богослужебных и других книг, писанных на славянском языке в период Домонгольский — и если есть: то какие по имени, когда писаны и за каким ныне № библиотеки; 2) нет ли в этих книгах служб собственно Русским Святым того времени и каким есть; 3) вообще нет ли в них русских сочинений XI, XII и до половины XIII века? Боюсь обременить Вас; но я покорнейше просил бы Вас написать самый краткий реестр этих книг и статей, с показанием только их имен, времени написания и №№. Для моей цели достаточно только знать, какие книги есть, а подробности об них не нужны. Если позволите, то, при упоминании этих книг в моих исторических статьях, я буду ссылаться на Ваше имя».

Еже в конце 1855 г., через пять лет после начала работы, Невоструев несколько торопливо высказался о скором завершении всего описания рукописей. За два последующих десятилетия, к 1872 г., он успел описать чуть больше половины всех рукописей. Похоже, что ко времени публикации первого тома «Описания...» молодой ученый еще не представлял себе всех масштабов предстоящей работы.

Сами просьбы епископа Макария были столь сложны, что на исполнение каждой из них потребовались, вероятно, месяцы. Чтобы ответить на вопросы, необходимо было пересмотреть весь рукописный и книжный фонды с целью выявления книг на славянском языке, написанных в домонгольский период. Подвопрос о службах русским святым в древних рукописях и книгах понуждал вникнуть в их содержание досконально. Даже сейчас эти просьбы кажутся неисполнимыми. Но, видимо, Капитон Иванович сумел подобрать необходимые материалы, поскольку почти в каждом письме о. Макарий благодарил его за огромную помощь и обещал называть имя Невоструева при публикации этих материалов.

В кратком (втором) письме от 15 июня 1858 г. о. Макарий — уже епископ Тамбовский — благодарил чудовского труженика за присылку второй книги «Описания...» и «за копию с акта одного из Тамбовских архиереев». Фраза: «Если я уже и не могу сам трудиться для науки: то все же от души сочувствую

другим трудящимся и, верьте, Вашему собственно труду искренне желаю всякого успеха», — из уст 42-летнего историка церкви звучит несколько неестественно. Человек, приобщившийся к научному поиску, фанатически влюбленный в дело, разумеется, не может отойти от него, какими бы заботами он не был обременен. А хлопот по епархии, конечно, хватало, поскольку епископ Макарий старался вникнуть во все сам и пытался поднять епархию. И это ему вполне удавалось.

В следующем сохранившемся письме от 11 июля 1860 г. Макарий, епископ Харьковский, получив третью книгу «Описания рукописей...», дал ей очень высокую оценку и одновременно с горечью писал о своей «Истории русской церкви». «Не стану говорить Вам комплиментов: Вы сами очень хорошо понимаете всю цену Вашего великого труда и, конечно, сознаете, что воздвигаете себе, вместе с Вашим достойным сотрудником, памятник прочный и долговечный, — не то, что наши какие-нибудь историйки Русской церкви и под[обное], на которые через год никто уже не хочет обратить и внимания, а только бросают грязью. Сладостно трудиться вот над такими трудами, какой выпал на Вашу долю. И дай Бог Вам силы и средства докончить столько счастливо начатое и продолжаемое».

Оба труда — и «Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки», и «История русской церкви» — справедливо признаются монументальными и непревзойденными творениями высокого человеческого разума, «памятниками прочными и долговечными», так что о. Макарий ошибся, считая, что через короткое время его труд будет забыт.

В октябре 1861 г. епископ попросил Капитона Ивановича прислать ему «список книг истинных и ложных, который будто бы помещен в Требнике или служебнике митрополита Киприана, находящемся в Синодальной библиотеке».

Через месяц о. Макарий, получивший исполненный заказ, писал: «Не нахожу слов, чтобы высказать Вам мою глубочайшую признательность за присланную Вами статью. Жалко только, что в ней находится один перечень книг ложных, а нет перечня книг истинных, который для моей цели равно был нужен. Подобные перечни XVII в., как вам известно, очень разнообразны».

Думается, что и эту несколько завуалированную просьбу, Невоструев выполнил, поскольку апрельское 1862 г. письмо из Харькова начинается с благодарности: «Ваша присылка чрезвычайно меня обрадовала: тысячу раз Вам за нее спасибо». Кроме того, о. Макарий сообщил своему московскому корреспонденту о том, что будет летом ездить по епархии. Далее вновь последовала просьба и, как всегда, трудно исполнимая: «Со временем мне хотелось бы напечатать все слова митрополита Григория Самвлаха. Но у меня их только двенадцать, выписанных их разных сборников Новгородской библиотеки. Где и как достать остальные? Прошу высказать Ваше искреннее мнение об этом моем хотении и подать добрый совет». Неизвестно, сумел ли Капитон Иванович подобрать для своего ученого собрата желаемое, но то, что это также серьезная работа, не вызывает сомнений. Всего «Слов» Г. Цамблака (Цамвлах, Семивлах) было не менее 32. Хранились они в библиотеке Казанской духовной академии, Афонском монастыре св. Павла, в Румянцевском музее в Москве, в Санкт-Петербургской Публичной библиотеке, в частных библиотеках и, разумеется, в Московской синодальной библиотеке. Думается, те рукописи, что хранились в синодальной библиотеке, все же были переписаны. Но писем с информацией об этом пока не обнаружено. А в письме, написанном более чем через год (15 июля 1863 г.) архиепископ высказывал слова благодарности за очередной том «Описания...» (М. 1862) и благословлял Невоструева на дальнейшие труды: «Да подкрепит Господь Ваши силы на продолжение Вашего достопочтенного труда и да подаст Вам высокую радость увидеть окончание его». К сожалению, чудовскому сидельцу не удалось довести свой труд до завершения и увидеть его окончание.

Архиепископ Макарий также высылал свои книги Невоструеву. Так, 18 декабря 1865 г. он просил принять в дар два очередных тома «Истории русской церкви», «как знак моего искреннего уважения к Вашим ученым трудам».

В следующем сохранившемся письме, написанном спустя 6 лет (10 августа 1871 г.), он, как и раньше, выразил искреннюю благодарность Капитону Ивановичу за то, что тот собственноручно переписал для него очередной материал из отдела рукописей синодальной библиотеки.

5 августа 1872 г. он написал: «Я долго не решался писать к Вам: так совестно опять Вас беспокоить. Но вижу, что без этого не обойтись мне: во всей Москве у меня нет никого, к кому бы я мог обратиться с моею нуждою.

Дело в том, что мне понадобилось “Поучение о молитве” митрополита Макария, упоминаемое в Описании Румянцев[ского] музеума на стр. 626. И я покорнейше прошу Вас, не найдете ли возможным поручить кому-либо списать это поучение и переслать мне, а также уведомить меня о вознаграждении за переписку.

Ради Бога извините меня, что беспокою Вас так часто! Вы сами избаловали меня тем, что ни разу мне не отказали.

Да будет над Вами всегда Божие благословение».

И последнее письмо от 26 августа 1872 г., за три месяца до смерти Невоструева: «Вы, добрый, не отказались и настоящий раз исполнить мою докучливую просьбу: да воздаст Вам Бог.

Сердечно благодарю за Ваши две статьи, которые я имел удовольствие получить от Вас: удивляюсь Вашему трудолюбию и разнообразием Ваших сведений.

Глубоко и искренне скорблю о расстройстве Вашего здоровья. Да уврачает Вас Господь»¹⁰. Можно представить, сколь неожиданным и скорбным был для Макария преждевременный, всего лишь на 57-м году жизни, уход Капитона Ивановича в мир иной. Сам известный историк церкви пережил своего ровесника на 10 лет.

Плодотворное сотрудничество двух выдающихся сынов Отечества и православия, великих тружеников, вызывает огромное уважение к ним у любого знающего человека. Для тех же, кто сроднился со своими героями, они стали духовными собратьями, собеседниками более, чем через столетие. И поныне они в полной мере сеют «разумное, доброе, вечное», которое, несмотря ни на что, остается востребованным.

Примечания

1. Русский биографический словарь. СПб. 1914, с. 180—181.
2. Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М. 1967, стб. 92.
3. Славяноведение в дореволюционной России. М. 1979, с. 248.
4. СРЕЗНЕВСКИЙ И.И. К.И. Невоструев. Записки Академии Наук. Т. 22. СПб. 1873, кн. 1, с. 3—4.
5. Мстиславово Евангелие XII века. Исследования. М. 1997.
6. Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М. 1965, стб. 919.
7. МАКАРИЙ (БУЛГАКОВ), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. СПб. 1857—1883 (переиздание — 1994—1996).
8. ЕГО ЖЕ. Православно-догматическое богословие. СПб. 1895.
9. ГОРСКИЙ А.В., НЕВОСТРУЕВ К.И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. 1. Священное писание. М. 1855.
10. Письма архиепископа Макария К.И. Невоструеву. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), ф. 193, картон 10.

A. RIEBER. *The Struggle for the Eurasian Borderlands from the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War*. Cambridge University Press. 2014. 648 p.

А. РИБЕР. *Борьба за евразийские приграничные территории от становления современных империй до окончания первой мировой войны*. Изд-во Кембриджского университета. 2014. 648 с.

Монография известного американского историка Альфреда Рибера является итогом его научных изысканий в области так называемой имперской истории и развивает идеи, высказанные в его предыдущих работах¹. Новизна и оригинальность данного труда заключается в том, что он является попыткой представить альтернативу традиционной истории империй, поставив во главу угла проблемы, связанные с приграничными имперскими территориями. Автор представляет анализ истории имперских окраин, считая их не только основным источником соперничества, войн и международных конфликтов, но и «геокультурными территориями, где пересекались носители несовместимых идеологий и политических движений — национализма, аграрного популизма и промышленного социализма, создавая гремучую смесь и угрожая имперскому правлению параличом государственной власти, восстаниями, и войнами» (с. 531).

В фокусе исследования находятся пять континентальных или евразийских империй, противопоставленных империям морским или колониальным: Российская, Османская, Австро-Венгерская, Иранская и Китайская. В основе исследования процессов формирования этих империй, механизмов их легитимизации и функционирования, причин их устойчивости и распада, предпринятого А. Рибером, лежит анализ так называемых «неустойчивых при-

граничных зон» (border shatter zones). Эти территории, созданные империями в ходе их генезиса и дальнейшей экспансии, представляли собой смешанные этнотерриториальные образования, зачастую в культурном, этническом и государственном плане чуждые центру империи.

Автор определяет приграничные территории (borderlands) как очаг нестабильности, отмечая повышенную политическую и миграционную активность их населения, частые этно-социальные конфликты, а также специфический тип пограничной культуры. Сложные пограничные общества отличались высоким уровнем перекрестного культурного взаимодействия и сомнительной политической лояльностью (с. 64, 350). Кроме того, особым приграничным субкультурам была свойственна повышенная криминогенность (с. 72, 357). Рибер показывает, как с течением времени социальные, религиозные и культурные отличия населения приграничных территорий как повод для сопротивления имперскому правлению заменялись национализмом и стремлением к политической автономии (с. 294).

Как следствие, на протяжении всей истории империй перед ними стояла задача управления этими территориями и их интеграции. Раскрытие этой проблемы и является основной задачей автора. Поскольку империи зачастую имели смежные приграничные

территории, автор пытается раскрыть и основные моменты продолжительного и сложного соперничества держав за контроль над ними.

Хронологически работа охватывает период с XV—XVI вв. (приблизительное время образования империй) до начала XX в., заканчиваясь анализом распада евразийских империй в результате первой мировой войны. Первая глава посвящена описанию методологии исследования — так называемому «геокультурному» подходу, а также основным формам взаимодействия между имперскими центром и периферией в ходе становления имперской государственности. В частности, в главе подробно освещаются особенности процесса российской колонизации необжитых регионов и приграничных территорий, политика культурной русификации и ассимиляции населения этих регионов с помощью религиозных и светских институтов власти (с. 50—58, 105—123, 203—222).

Во второй главе автор раскрывает эволюцию имперских идеологий и культурных практик, иначе говоря, способы легитимизации власти в империях во временном развитии. Автор отмечает относительно высокий уровень динамизма и гибкости властных элит, обусловившие долговечность империй. На протяжении всего периода их существования поддерживался баланс между светскими и религиозными атрибутами власти, религиозными мифами и церемониальными ритуалами. В книге анализируются и истоки политических культур империй. На протяжении всей своей истории власти империй Романовых, Габсбургов, Османов, Иранской и Китайской использовали в своих целях религию. Когда же вызовы Нового времени в виде идей Французской революции, модернизации и национализма существенно подорвали их стабильность, религиозные идеи стали вытесняться национальными идеологиями, такими, как панславизм, панисламизм и пангерманизм (с. 119—123, 135—164, 346, 551).

Третья глава повествует о том, какие методы стабилизации и укрепления власти правящие элиты использовали в отношении границ и окраин. В частности, раскрываются институциональные основы имперского правления. Существенная часть главы посвящен-

на анализу отношений между имперскими центрами и окраинами империй. Автор утверждает, что в империях управление границами имело ряд подобных, если не идентичных проблем и черт.

Рибер описывает попытки правящих элит приспособиться к вызовам Нового времени — техническому прогрессу, секуляризации системы управления и необходимости конкурировать с ведущими европейскими державами. Они заключались в политике модернизации, реформ в сфере образования, военной тактики и административного управления (с. 272). При этом внимание заостряется на имперских армиях и попытках их преобразования, имперской бюрократии и административных реформах. В главе подробно рассматриваются механизмы управления окраинными территориями. Они включали в себя попытки привлечения местных элит в аппарат управления и их дальнейшей ассимиляции в имперской бюрократии во всех пяти империях. В конечном итоге, все они были неудачны (с. 269, 274). Относительно успешной система управления была лишь в Китае, что было обусловлено давними культурными традициями (с. 282).

В четвертой главе автор переходит непосредственно к «битве за окраины» между империями, последовательно рассматривая то, что он называет «горячими точками» евразийской истории, расположенными вдоль евроазиатских границ: в Прибалтике, на Балканах, в Придунайских областях, районах Причерноморской степи, Кавказского узла и Центральной Азии. В данной главе значительное внимание уделяется геополитике и международным отношениям, но опять же, с точки зрения имперских приграничных территорий и их населения, а также их влияния на ход мировой истории.

В пятой главе — «Кризис империй» — автор анализирует внутренние противоречия, подрывавшие основы мультикультурных империй на фоне распространения идей конституционного правления и народовластия и последующего подъема национализма. По мнению автора, именно предпринятые конституционные эксперименты послужили основным катализатором конституционных кризисов, почти одновременно разразившихся в начале XX в. в Российской, Австро-Венгерской, Иранской,

Османской и Китайской империях и сопровождавшихся все возрастающим сопротивлением населения имперских окраин (с. 424). Автор выделяет общие черты этих процессов в империях и раскрывает предысторию первой мировой войны как кульминацию «имперского кризиса приграничных территорий» (с. 442).

В своем анализе кризиса и крушения империй автор убедительно изображает его как процесс, характеризующийся чередой взаимовлияющих внешне- и внутривнутриполитических факторов (с. 447—469). В частности, в своей оценке конституционного кризиса в Российской империи Рибер не только анализирует сложную внешнеполитическую ситуацию и экспансию, кризисы и конфликты на окраинах империи как катализатор разрушительных процессов (с. 466, 473—483), но и развивает ранее выработанную им концепцию социума Российской империи как «общества осадочных пород» (*sedimentary society*), в котором из-за ряда факторов в ходе структурных реформ современные социальные и политические институты и нововведения не заменяли собой старые, отжившие, а наслаивались на них (с. 470).

Заключительная глава — «Имперское наследие» — демонстрирует, как так называемые «устойчивые» (*persistent*) факторы, постоянно провоцирующие состояние «борьбы за приграничные территории», пережив потрясения войны, революции и гражданских войн, стали наследием вновь созданных на руинах империй многонациональных государств (с. 532—533). Анализ этого наследия, а также преемственности методов управления своими окраинами многонациональными государствами XX в. является без сомнения одной из самых удачных частей работы, придавая ей дополнительную ценность и актуальность (с. 164—165, 613—617).

Данная работа проливает свет на доселе неизвестные страницы социальной истории элит и системы управления империями в сравнительной перспективе. В ней выдвигается теория, объясняющая историю возникновения и упадка империй и стратегию их будущего изучения. Анализ приграничных окраин евразийских империй как основного фактора их постоянной дестабилизации, а в конечном итоге и распада представляет собой

ценную модель для будущего изучения мировой истории.

Автор утверждает, что именно через приграничные территории распространялись идеи революции и националистических проектов, подорвавшие в конечном итоге международный баланс сил, и именно окраины империй служили причиной множества международных конфликтов и войн, включая первую мировую войну. Тем не менее, не является ли подобный взгляд на историю некоторым ее упрощением? Ставя во главу угла континентальные империи и их приграничные территории, не умаляется ли значение других международных факторов? Не преувеличивается ли значение приграничных территорий? Ведь для того, чтобы определить, являлся ли тот или иной международный кризис исключительно следствием конфликта из-за приграничной территории, или данный конфликт использовался для эскалации напряжения, необходимо вникать в тонкости дипломатической истории. Этот и многие другие вопросы остаются открытыми для будущих исследований.

Особого внимания заслуживает проблема методологии. Заявленный автором «геокультурный» подход (с. 2) отражает давнее увлечение американских и европейских историков идеями, представленными школой Анналов. Также в работе прослеживаются веяния теоретических идей более современных европейских исследователей. В частности, в концепции колонизации приграничных территорий Российской империи автор использует идеи ориентализма в духе Э. Саида (с. 401), особенности имперской бюрократии и администрирования на окраинах империи опираются на концепции власти и бюрократии М. Вебера и Н. Элиаса (с. 166—167), в повышенном внимании к пространственным аспектам власти и идеологии прослеживается влияние М. Фуко. В остальном же, работа, как и многие другие, написанные в русле компаративистского подхода, носит междисциплинарный характер, располагаясь на стыке геополитики, истории международных отношений, дипломатической, социальной и культурной истории. «Геокультурный» подход растворяется в эклектичном материале из истории различных европейских и азиатских стран.

Само по себе использование «геокультурного» подхода как объединяющей методологической схемы для географически и культурно обширных и отдаленных друг от друга государственных образований вызывает сомнения. Не слишком ли значительный культурный разрыв лежит между восточными империями, в частности, Китайской, Османской, и Иранской, и империй Габсбургов, чтобы вписывать их в одну схему? Представляется, что, несмотря на несомненное сходство методов управления и жизненного цикла империй, указанных автором, амбициозность рабочей модели ведет к определенному культурно-идеологическому упрощению.

Империя Габсбургов является скорее европейской империей с евразийскими приграничными территориями. Несмотря на то, что автор неоднократно подчеркивает политическую и культурную исключительность Китайской империи (с. 146), он, тем не менее, берет на себя смелость вписать ее в свою методологическую схему. В то же время, в работе детально рассматриваются в качестве участников борьбы за приграничные территории государственные образования, не вписанные в рабочую модель империи, в частности, Польшо-Литовское царство (с. 154). Более того, противопоставление империй континентальных, евразийских, империям колониальным или морским требует пояснения. Непонятно, в чем же заключалась специфика управления приграничными территориями в евразийских империях по сравнению с европейскими державами, такими, как Франция или Германия, которым были не чужды приграничные конфликты, споры и проблемы с сепаратистскими настроениями приграничных территорий. Почему же исключена империя Гогенцоллернов?

Из-за масштабности исследования некоторым его главам не хватает глубины. К примеру, в то время как историку Российской империи, вне всякого сомнения, будет крайне интересно ознакомиться с частями, посвященными евразийским империям, материал по истории непосредственно России может показаться носящим базовый, энциклопедический характер.

Обращает на себя внимание некоторая перегруженность термином «идеология» при-

менительно к политической жизни империй (с. 108). Она отражает опять же модную в современной историографии тенденцию отождествлять имперские политические реалии с тем или иным идеологическим проектом. Изредка встречается неточность перевода на английский язык некоторых терминов. К примеру, перевод определения «стрельцы» как musketeers (с. 201) являет собой явное упрощение, как и перевод понятия «ойкумена» (с. 110). Также несколько обескураживает отсутствие в работе архивного материала и источников. Она опирается исключительно на опубликованные работы, как на английском, так и на русском языках.

Тем не менее, отличительные качества монографии — не только масштабность, но и качественность исследования. В ней представлен огромный фактологический материал. Приводятся интереснейшие факты даже из истории религии, музыки, и политических учений. Более того, это действительно вдумчивый анализ, переосмысляющий важные аспекты мировой истории. По многим проблемам истории изучаемых стран предлагаются исчерпывающие историографические обзоры (с. 239, 391—392), а оригинальность подхода сочетается с высоким уровнем исследования, что является довольно редким явлением в наши дни.

Данное исследование значительно расширяет поле изучения «имперской проблематики». Кроме того, отражая новейшие тенденции в развитии мировой исторической науки, в частности, повышенный интерес к региональным вопросам, взаимоотношениям центра и периферии и стабильности многонациональных государственных образований, оно ставит новые задачи перед исследователями. В частности, — задачу дальнейшего изучения воздействия состояния границ на социальные, культурные, а также политические процессы, проходящие в многонациональных государствах.

Обстоятельный анализ предыстории многочисленных межэтнических, межконфессиональных и межгосударственных конфликтов, а также генезиса и проблем национализма на приграничных евразийских территориях, являющихся современными «горячими точками» в различные периоды времени делает монографию особенно актуальной не только для историков, но и для специалистов в области меж-

дународных отношений, политологии, а также широкой читательской аудитории. На примере различных приграничных конфликтов автор затрагивает и важную тему их демографических, социальных, религиозных и культурных последствий для населения, показывая, как разрушались традиционные устои общества (с. 387—390).

Авторские оценки сложных и неоднозначных процессов, таких, как российская колонизация и русификация отдельных регионов, радуют своей глубиной и сбалансированностью (с. 466), что свойственно далеко не всем американским исследователям Российской империи. Автор на конкретных примерах убедительно показывает, как шло динамичное взаимовлияние процессов, проходивших в центре и на окраинах империй, и как важны были последствия подобного взаимовлияния (с. 166). Для историков важно дальнейшее их изучение. К примеру: как радикализация политических настроений населения окраин распространялась на центральную часть имперского пространства, и как не только западная, но и южная периферия империй (в случае Российской империи — Южный Кавказ) служила переходным звеном в процессе распространения идей национализма, демократии и социализма (с. 222—231, 452—459, 469, 588—602).

Рибер, описывая рост сопротивления различных этнических групп и радикализацию настроений в приграничных районах империй,

выделяет 1890-е гг. как рубеж, после которого деструктивные тенденции и рост национализма значительно усилились и приобрели необратимый характер. Именно этот период характеризовался политическим оформлением прежде разрозненных движений в ряде изучаемых империй (с. 452—459, 465, 503).

Представляет интерес и дальнейшее изучение социального среза приграничного населения по уровню политической активности и радикализации настроений и их связь с реформированием имперских систем образования (с. 228—231). Дальнейшее изучение этой темы могло бы раскрыть, как под видом обучения в ведущих университетах Западной Европы проходили подготовку идеологи новых политических веяний и как они претворяли свои идеи на практике на окраинных территориях. Наконец, биография одного из самых одиозных диктаторов XX в., пришедшего к власти над огромной территорией бывшей империи является еще одним свидетельством того, что тема данного исследования еще долго не потеряет своей актуальности.

О.Е. ЕРМОЛАЕВА

Примечания

1. РИБЕР А. Сравнивая континентальные империи. В кн.: Российская Империя в сравнительной перспективе. М. 2004.

МИТАНИ ХИРОСИ. *Айкоку-какумэй-минсю* (Национализм-революция-народ). Токио. Тикума сёбо. 2013.

Новая работа профессора Токиского университета Митани Хироси имеет своей основной целью дать теоретическую трактовку революции Мэйдзи исин в самом широком плане.

Введение автор начинает словами: «Какое значение имеет японский опыт для будущего нашей планеты?» и пытается предложить не только модель для понимания внутренних процессов этого крупного события, но и определить его место во всемирной истории. В этом отношении работа Митани заслуживает самого пристального внимания. Для достижения сво-

ей задачи автор не ограничивается собственно историческим подходом, а активно привлекает идеи из других наук, таких, как биология и физика, для объяснения исторических процессов.

Автор пытается ответить на вопрос — каким образом стала возможной Великая революция (дай какумэй), когда практически полностью прекратила свое существование наследственная аристократия, если для нее не было явно выраженных причин и она прошла почти бескровно (с. 10).

Для ответа на этот вопрос автор предлагает обратить внимание на три ключевых понятия: национализм (айкоку), революция (какумэй) и народ (минсю). В изучении этих трех элементов он видит возможность найти универсальные закономерности, которые могут быть полезны для других стран и для самой Японии в будущем (с. 12).

Центральным моментом для понимания Мэйдзи исин, по мнению Митани, является идея национализма, которая привлекает внимание многих японских исследователей по нескольким причинам. Во-первых, это национальная специфика Мэйдзи исин, ставшей уникальным событием в истории XIX столетия. Во-вторых, активная внешняя экспансия после Мэйдзи, которая обычно объясняется националистическими идеями. В третьих, тенденции в современной японской историографии, когда большинство японских исследователей склонны видеть в Мэйдзи исин в первую очередь движение за национальную независимость, которое в их понимании предотвратило превращение страны в полуколонию.

В истории изучения в Японии Мэйдзи исин можно выделить два основных этапа, водоразделом между которыми стала вторая половина 50-х гг. XX столетия. Первый этап начался еще до второй мировой войны и характеризовался хорошо известной дискуссией двух научных школ: «Роноха» и «Кодзаха» относительно перспектив буржуазной революции в Японии, второй, в котором доминируют идеи революции сверху и национализма, продолжается по настоящий день. Смена этапов произошла в период острой борьбы против ограничений суверенитета и за возвращение острова Окинава, что предопределило повышенный интерес историков к вопросам независимости и национального суверенитета. Идея борьбы с иностранным влиянием под лозунгами национализма, создающими благоприятную среду для реформ сверху (то есть со стороны действующего правительства в направлении ускоренной индустриализации), становится важным элементом трактовки Мэйдзи исин современными японскими историками и определяет их весьма позитивное отношение к оценке роли национализма, несмотря на тот факт, что это практически не соотносится с общей

оценкой этого явления в мировом историческом процессе.

Схема, которую предлагает Митани, построена на том, что «открытие» страны вызвало лавинообразный рост движения в ее защиту от внешней опасности, которое, в свою очередь, способствовало появлению политических лидеров, осознававших необходимость единства страны и проведения фундаментальных преобразований. Это движение и привело к Мэйдзи исин (с. 42). При этом автор подчеркивает, что по масштабам происшедших перемен Мэйдзи исин стоит в одном ряду с самыми крупными революциями. В стране была не только ликвидирована сословная система, а сама она разделена на более чем 200 полунезависимых владений. Кардинально изменились внешняя политика и отношения не только с западными державами, но и с соседними странами.

Митани выделяет наличие более 200 самостоятельных владений, как одну из самых заметных отличительных особенностей сёгуната Токугава. Профессор предлагает изменить название всей системы и использовать термин «фукугосэй» (сложносоставная система) взамен распространенного ныне термина «хокэнсэй» (феодализм), который в Китае использовался для обозначения системы раннефеодального типа.

Можно согласиться, что японский термин «хокэн» был заимствован из китайской истории раннего феодализма и не отражает в значительной степени специфику режима Токугава. Некоторые исследователи пробовали применить термин «федерация», но отказались от этих попыток, поскольку федерация в современном смысле этого слова представляет собой объединение государств, в то время как при Токугава существовало объединение феодальных владений под властью единого правителя (сёгуна).

Почему для понимания японского феодализма необходим подход, основанный на акцентировании проблем национализма? Для Митани причина заключается в том, что некоторые моменты Мэйдзи не укладываются в традиционные представления о революции. Например — переход власти в руки императора и воссоздание императорской системы по образцам тысячелетней давности, в то время

как революции обычно совершаются под лозунгами демократизации и создания справедливого гражданского общества. Опыт Мэйдзи в этом отношении существенно отличается от большинства революций, что вызывает стремление объяснить происходившее в Японии национальной спецификой.

В рамках определения национализма исследователи в Японии досконально изучили историю движения «сонно дзёи», видя в его эволюции ключ к пониманию Мэйдзи исин, а также историю неравноправных договоров, заключенных сёгунским правительством после «открытия» страны. В результате выяснилось, что сразу после смены власти движение «сонно дзёи» идет на убыль и сменяется «сонно кайси» (уважение императора и «открытие» страны) и даже преклонением перед Западом. Поэтому многие явления, происходившие в тот период, сегодня не вписываются в концепцию национализма.

Ликвидация системы полунезависимых владений стала, по мнению Митани, существенной чертой преобразований Мэйдзи. Она оказалась возможна в результате двух основных реформ — «тайсэй хокан» (передача сёгуну власти императору) и «хайхан тикэн» (упразднение феодальных владений и организация префектур). Можно было бы ожидать, что автор попытается объяснить эти фундаментальные реформы теорией национализма, которую он ставит во главу угла, однако автор объясняет их принятием новым правительством стратегии развития, чем еще раз подтверждает явно ограниченные возможности теории национализма для объяснения перемен Мэйдзи. В условиях растущего национализма и изоляции невозможно было реализовать программу преобразований, направленную на модернизацию страны, поэтому национализм на некоторое время сменяется очень лояльным отношением к Западу, что требует от автора выработки других теорий для объяснения хода исторических событий.

Еще одним важным моментом трактовки Мэйдзи исин профессором Митани является отсутствие в японском обществе острых противоречий до «открытия» страны. Только после этого шага ситуация кардинально изменилась. Поэтому для Мэйдзи исин важнейшим фактором было давление извне. По мнению

автора, основные причины лежали не внутри страны, а вне ее. Если бы не было «открытия» страны, сёгунат продолжал бы существовать (с. 135)

Митани также подчеркивает роль последнего сёгуна Токугава Ёсинобу, потому что именно он, а не руководители Мэйдзи, был инициатором «тайсэй хокан» и передачи власти императору. В этом политическом акте ученый видит пример самопожертвования политика того времени во имя национальных интересов. Хотя на самом деле поступок Ёсинобу не был уникальным и, например, Николай II в России тоже отрекся от престола во имя сохранения империи. К этому можно только добавить, что сёгун не был сторонником идей национализма и не выступал за изоляцию страны, поэтому попытки искать объяснение его действий с позиций национализма обречены на неудачу. Наоборот, он был приверженцем активного сотрудничества с западными странами, в особенности с Францией. Связь с национализмом Митани находит в жертвенности японцев, рассматривая ее как одну из характерных черт японской национальной идентичности. По его мнению, разрушение сёгуната было принесением себя в жертву всем самураем. При этом лидеры мелких и средних самураев сначала руководствовались лозунгом восстановления императорской власти, а затем — модернизации страны, а не собственно национализмом.

Митани пытается решить проблему, какое определение больше подходит к Мэйдзи исин — реставрация или революция и приходит к выводу, что ни одно из них не отражает полностью характера этого явления. Реставрация — потому, что она не включает многочисленные перемены, произошедшие после Мэйдзи, революция — потому, что обычно это — массовое движение снизу. Автор предлагает новый термин, заимствованный из биологии, — «регенерация» Мэйдзи, где регенерация им понимается в смысле, близком такому понятию, как ренессанс, что должно подчеркивать не реставрацию или восстановление некоей модели прошлого, а создание нового под старым названием. В этом смысле термин «регенерация» не представляется удачным, так как он означает «процесс образования нового органа или ткани на месте утраченного» и

предполагает скорее восстановление в старой форме, чем в сколько-нибудь измененном виде.

В целом из попыток профессора Митани предложить новое объяснение Мэйдзи исин и дать ему новое название видно, что японских историков многое не устраивает в нынешней трактовке этого события. Однако оценка Мэйдзи с позиций национализма не дает кардинального решения большинства поставленных вопросов. Это заставляет Митани искать объяснения в других теориях, включая физику, чтобы там найти ответ на вопрос, что такое «порядок» и «хаос».

Тезис о позитивности национализма вряд ли может быть путеводной звездой в будущее для планеты, на которой во многих случаях национализм является идейной основой радикализма и насилия. Поэтому самый главный вывод, который следует из анализа этой работы, заключается в том, что наступает время теоретических обобщений событий Мэйд-

зи исин, хотя варианты, предлагаемые японскими учеными, в том числе и с позиций национализма, скорее обозначают рамки проблемы, чем дают убедительные ответы.

Увлечение национализмом существенно мешает взглянуть на японские проблемы с точки зрения экономики и экономического кризиса, который нарастал параллельно росту национализма после «открытия» страны. В этом отношении процессы в экономике и рост недовольства были прямо связаны между собой и легко встраиваются в одну картину. Дополнение этой картины экономическим анализом могло бы существенно усилить аргументацию автора и дать ответ на многие вопросы. Все это позволяет надеяться на появление в ближайшем будущем новых работ, направленных на создание действительно новой теории Мэйдзи, помогающей заглянуть в будущее планеты.

С.А. ТОЛСТОГУЗОВ

Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2014 году

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. Публикацию подготовили Новиков А.П. и Суслов А.Ю.

СТАТЬИ

Аракчеев В.А. — Динамика и типология реформ в России в XVI—XVII вв.

Бабкин М.А. — Право завещания монашествующих: решения 1917 года

Воропанов В.А., Крестьянников Е.А. — М.М. Сперанский и сибирская система правосудия в XIX в.

Горская Н.И. — Правовое государство и цели судебной реформы 1864 г.

Греков Н.В. — Защита Транссибирской магистралей от диверсий в годы первой мировой войны

Кокошин А.А. — Исторические корни блицкрига

Науменкова Е.О. — Палата лордов в конституционно-правовой системе Великобритании XIX — начала XX в.

Пасс А.А. — «Неонэп» Г.М. Маленкова и кооперативная промышленность в 1953—1956 гг.

Пелевин Ю.А. — Идеиные основы «Земли и воли» в 1870-х гг.

Рыбачёнок И.С. — Внешняя политика России на рубеже XIX—XX вв.

Цветков В.Ж. — Эволюция политико-правовой системы в Забайкалье в период завершения гражданской войны

Черкасова М.С. — Милосердие в средневековой Руси

№ 11

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

№№ 8-12	Бежанидзе Ю.И., Фирсов А.Г. — Александр Петрович Толстой	№ 2
	Вяткин В.В. — Александр Андреевич Спицын	№ 12
	Гноевых А.В., Назаров В.В. — Сергей Яковлевич Елпатьевский	№ 9
	Ивонин Ю.Е. — Франциск I Валуа	№ 4
	Кива А.В. — Дэн Сяопин	№ 7
	Лазарев С.Е. — Дмитрий Аркадьевич Шмидт Лошаков А.Ю. — Граф Владимир Николаевич Ламздорф.....	№ 10 № 3
	Лупанова Е.М. — Иоганн Бакмейстер	№ 6
	Медоваров М.В. — Александр Алексеевич Киреев	№ 8
	Нестеренко А.Н. — Ярослав Всеволодович Оськин М.В. — Алексей Ермолаевич Эверт ...	№ 11 № 5
	Шляпникова Е.А. — Аркадий Иванович Морков	№ 1

ВОСПОМИНАНИЯ

№ 8	Сахаров А.Н. — «Идеологический десант в Кабуле». Весна 1980 г.	№ № 8-9
-----	---	------------

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

№ 3	Ватлин А.Ю. — Финансовая политика советских властей Баварии в 1919 г.	№ № 6-8
№ 9	Нефедов С.А. — Происхождение регулярно-го государства Петра Великого	№ № 1-2; 4-5

СООБЩЕНИЯ

- Аннаоразов Д.С. — Туркменские воины на фронтах первой мировой войны № 8
- Ахметова А.В. — Правовое регулирование развития коренных народов Дальнего Востока в 1920—1930-е гг. № 2
- Баркова О.Н. — Литературная деятельность женщин русского зарубежья. 1917—1939 гг. № 5
- Бовыкин Д.Ю. — Парижское восстание 13 вандемьера IV года республики № 11
- Буранок С.О. — Первая мировая война и японское общество № 10
- Воейков Е.В. — Трудовая повинность на лесозаготовках в годы индустриализации в СССР № 3
- Войтиков С.С. — «Как нам реорганизовать Рабкрин» № 6
- Волков В.В. — Артельный наем в промышленности России в конце XIX — начале XX в. № 6
- Ерин М.Е. — Х.А. Винклер и его взгляды на воссоединение Германии № 1
- Ефимова В.В. — Деятельность В.С. Филимонова на посту архангельского губернатора № 3
- Задорожник Э.Г. — Ф.И. Тютчев и Ф. Энгельс о судьбах славянства № 1
- Зверев В.О. — Укрепление военной безопасности Российской империи в 1906—1914 гг. № 4
- Клейменов А.А. — Битва при Политимете: крупнейшее поражение армии Александра Македонского № 12
- Кобзева Т.А. — Местное самоуправление в Среднем Поволжье после Февральской революции 1917 г. № 3
- Кондратова Г.А. — Династия Рюриковичей: философско-исторический анализ № 1
- Котов Б.С. — Германский милитаризм накануне первой мировой войны в оценках российской прессы № 9
- Кулиев Т.А. — Крестьянская потребительская кооперация в Азербайджане в годы нэпа № 5
- Куликова О.И. — Отношения Древней Руси со странами Кавказа в письменных источниках IX—X вв. № 1
- Куренков Г.А. — Обеспечение системы защиты информации накануне Великой Отечественной войны № 7
- Куш Т.В. — Узники башни Анема № 11
- Майоров А.В. — Образование Молдавского государства № 4
- Максимов К.Н. — Калмыки в годы первой мировой войны № 12
- Недашковский Л.Ф. — Крупнейшие золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа № 9
- Петров П.В. — Краснознаменный Балтийский флот в конце 1930-х — начале 1941 г. № 6
- Пешков В.С. — Проекты реформы Уральского казачьего войскового самоуправления в 1905—1907 гг. № 9
- Поликарпов В.В. — Производство вооружений в России начала XX в. № 5
- Поляков В.А. — Экспедиция Ф.Э. Дзержинского в Сибирь в 1922 г. № 7
- Попп И.А. — А.К. Анастасьев № 2
- Пузанов В.Д. — Военная служба крестьян Сибири в XVII — XVIII вв. № 2
- Соколов А.Б. — Фобии и политика: процесс Страффорда № 3
- Степанов К.А. — Татънинский Комитет в Ярославской губернии в годы первой мировой войны № 10
- Супоницкая И.М. — «Советизация» Америки в 1920—1930-е гг. № 2
- Тетуев А.И. — Карачаево-балкарская диаспора в странах Центральной Азии № 11
- Тихонова А.В. — Швейцарцы о России первой половины XIX в. № 11
- Федин А.В. — Становление иезуитской миссии среди ирокезов в первой половине XVII в. № 10
- Фролова М.М. — Лейб-гвардии Конный полк в кампании 1814 г. № 7
- Хан Н.А. — Московско-литовская война на рубеже 60-х — 70-х гг. XIV в. № 4
- Чжун вэ Чжо — Стахановское движение и советские профсоюзы в 1935—1936 гг. ... № 12
- Шахин Ю.В. — «Охота на ведьм» в Югославии в конце 40-х — начале 50-х гг. XX в. № 6
- Шипилов А.В. — Новое и старое в поместном быту России в первой половине XVIII в. № 8
- Шпаковская С.В. — Советские газеты в годы Великой Отечественной войны № 5

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Гасратян С.М. — Отношения между Израилем и Иорданией в контексте арабо-израильского конфликта № 6
- Копелев Д.Н. — Утрехтский мир и война с пиратством в Вест-Индии в XVIII в. № 10
- Курбацкий В.А. — Внешняя политика Албании на современном этапе № 5
- Нохрин И.М. — Межэтнические отношения в Канаде в конце XVIII в. № 12
- Панин С.Б. — Англо-русская конвенция 1907 г. и ее влияние на политические отношения с Афганистаном № 7
- Рукавишников Е.Н. — Военно-морское сотрудничество России и Франции после Крымской войны № 11
- Шевель А.А. — Англо-русский правительственный комитет в 1914—1917 гг. № 11

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Артамошин С.В. — Карл Шмитт	№ 2	Гасанов М.Р. — Маскат (Маскут) — политическое образование Восточного Кавказа ...	№ 8
Бехтерева Л.Н. — Д.Н. Домрачев и «капиталистический» Ижевск в годы нэпа	№ 11	Густерин П.В. — Становление Восточного факультета Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе	№ 7
Близниченко С.С., Лазарев С.Е. — Петр Иванович Смирнов-Светловский	№ 5	Есиева И.В. — Варзи-Ягчи: как все начиналось	№ 3
Дугаржав Л., Филин С.А. — Генерал Р.Ф. Унгерн-Штернберг и восстановление независимости Монголии	№ 6	Жарова Е.Ю. — Образовательные реформы в Московском университете в начале 1860-х гг.	№ 11
Ерин М.Е. — Кайзер Вильгельм II и крушение Германской империи	№ 9	Иванов А.А. — Проблема шпионажа в России в конце XIX — начале XX в.	№ 4
Костин А.А., Юнгблюд В.Т. — И. Шубашич и югославская политика США в 1942—1945 гг.	№ 4	Ишутин В.В. — К вопросу о первом российском торговом корабле в США	№ 6
Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф. — Исследователь истории Российской империи Б.Э. Нольде	№ 10	Капчинский О.И. — «Октябрь» под следствием	№ 10
Мухина И.Н., Петелин Б.В. — Ханнелоре Коль: рядом с канцлером	№ 12	Ким А.А. — Война между Бохаем и Китаем в 732—735 гг.	№ 2
Погадаев В.А. — Великий мусульманский правитель Явы султан Агунг	№ 11	Климов Е.В. — Географический фактор христианизации Древней Руси. Конец X — середина XIII в.	№ 6
Серова О.В. — Конклав 1903 г. и российская дипломатия	№ 1	Ковтун И.В. — Путешествие и открытия Д.Г. Мессершмидта на р. Томи	№ 6
Сидоренко М.А. — Уход со сцены Людовика XIV	№ 8	Кретинин Г.В. — Продовольственная проблема нового советского региона в 1945—1946 гг.	№ 2
Станков К.Н. — Уильям Пенн, Яков II Стюарт и движение якобитов	№ 1	Кретинин Г.В., Фуксон Л.М. — Повышение квалификации учителей в 1950-х гг. в Калининградской области	№ 12
Фельдман М.А. — В.В. Адамов и его научное наследие	№ 7	Магарамов Ш.А. — Сотрудничество дагестанской правящей элиты с Россией в XVI—XVIII вв.	№ 10
Хохлов А.Н. — Президент Юань Шикай и его попытка реставрации монархии в Китае в 1915 г.	№ 4	Моргунова Е.И. — Земская интеллигенция в Самарской губернии в 1917—1918 гг. ...	№ 2
Юдин Е.Е. — Император Николай II в восприятии русской аристократии. 1894—1914 гг.	№ 3	Морозова О.М. — Петр Васильевич Монгин	№ 9
		Нестеренко А.Н. — Тевтонский Орден в войне 1240—1242 гг.	№ 8
		Пашкова Л.В. — Галич Костромской в политике московских князей в 1389—1462 гг.	№ 5
		Перминова В.А. — Японский колониализм: особенности управления	№ 7
		Пискунов С.А. — Правовое регулирование сельскохозяйственной миграции в РСФСР в 1946—1991 гг.	№ 12
		Поддубный М.В. — Сенаторская ревизия Московского военного госпиталя в 1908—1910 гг.	№ 5
		Прасолов Д.Н. — Романовы и проблемы интеграции кабардинского общества в социокультурное пространство Российской империи	№ 9
		Репинецкий С.А. — Как читало общество на заре Великих реформ середины XIX в.	№ 12
		Сапон В.П. — Идеиное наследие П.А. Кропоткина и нижегородские анархисты в 1918—1935 гг.	№ 4
		Солнцев Н.В. — Три встречи с Иммануилом Кантом	№ 1

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Абазов А.Х. — Нальчикский горский словесный суд в конце XIX — начале XX в.	№ 12		
Алиева С.И. — Модернизация в Азербайджане и на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX в.	№ 11		
Барнинова Е.Б. — Ордосская культурная традиция в гунно-сарматское время	№ 3		
Бочаров А.А. — Улучшение положения нижних чинов военно-морского флота России в 50—70-х гг. XIX в.	№ 10		
Вагабова Э.Р. — Азербайджанская печать накануне и в годы первой мировой войны	№ 12		
Валеева Ю.Н., Юсупов Р.Р. — Издательская деятельность Казанского губернского статистического комитета во второй половине XIX в.	№ 2		
Варенцова Л.Ю. — Дворцовые поташные промыслы в XVII в.	№ 5		

Солодкин Я. Г. — «Рачители» Бориса Годунова	№ 9	Ивонин Ю.Е. — Священная Римская империя в раннее Новое время (1495—1806 гг.)	№ 11
Сушко А.В. — Якутские национал-коммунисты и образование Якутской автономной республики	№ 3	Кедров Н.Г. — Замкнутый круг российской историографии коллективизации крестьянства	№ 3
Хазанов Д.Б. — Операция «Уран» и взаимодействие союзников осенью 1942 г.	№ 1	Крих С.Б., Метель О.В. — Две парадигмы в современной отечественной историографии	№ 1
Цеглеев Э.А. — «Комитет, высочайше учрежденный в 18-й день августа 1814 года» в Вятской губернии	№ 2	Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф. — Труды зарубежных ученых по истории Урала	№ 2
Чернов К.С. — Абсолютизм в России	№ 1	Лукаш О.В., Портных В.Л. — Источники по истории детского крестового похода 1212 г.	№ 8
Черноухов Э.А. — Врачи-поляки на горных заводах Урала в XIX в.	№ 4	Макаров Н.В. — Современная англо-американская историография русского либерализма периода первой мировой войны	№ 9
Шереметьев О.В. — Дуэли в военной среде наполеоновской эпохи	№ 9	Мицюк Н.А. — История материнства в англоязычной историографии	№ 10
Шпаковский В.О. — К вопросу о достоверности источников информации о прошлом	№ 6	Могильницкий Б.Г. — История, логика и проблемы современного научного знания	№ 4
Шумилов Е.Н. — Пермь Великая — арена борьбы в XV—XVI вв.	№ 2	Платонов Д.С. — Русская армия накануне Февральской революции 1917 г. в оценке историков Русского Зарубежья	№ 10
ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ		Познахирев В.В. — Турецкие воинские формирования Красной армии в 1918—1920 гг.	№ 7
Андреев А.Н. — Католический приход Петербурга в XVIII в.	№ 10	РЕЦЕНЗИИ	
Башнин Н.В. — Монастыри и окружающий мир в конце XVI—XIX в.	№ 1	№ 12	Аврус А.И. — С.Н. Полторацк. Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. Памяти профессора В.И. Старцева
Валеев Н.М. — Переписка К.И. Невоструева и митрополита Макария	№ 12	№ 5	Акимов С.С. — Н.А. Багровников. Памятники книжной культуры Нижней Германии эпохи Возрождения и Реформации
Газимагомедов Р.И. — Конфессиональная политика Российской империи в Дагестане в середине XIX — начале XX в.	№ 5	№ 4	Антошин А.В. — О.С. Поршнева, М.А. Фельдман. Власть и рабочие России и Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Очерки истории и историографии
Дейников Р.Т. — К вопросу о выводе христиан из Крымского ханства в 1778 г.	№ 4	№ 7	Белоусов И.И. — А.А. Кокошин. Выдающийся военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего
Иникова С.А. — «Записка, поданная духовоборцами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому»: история создания	№ 7	№ 9	Беляев М.П. — Л.И. Ивонина. Спутники Марса: принц Конде и маршал Тюренн ...
Каиль М.В. — Епископ Макарий (Гневушев): судьба архипастыря в эпоху революций	№ 9	№ 1	Богданов В.П. — С.В. Таранец. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII — начало XX века)
Кобзев А.В. — Мусульманское духовенство в СССР в 1940—1980-х гг.	№ 1	№ 10	Еманов А.Г. — Т.В. Куш. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии
Павлушков А.Р. — Нарушения православного клира в конце XV—XVII в.	№ 10	№ 2	Ермолаева О.Е. — А. Рибер. Борьба за евразийские приграничные территории от становления современных империй до окончания первой мировой войны
Соколов А.В. — Министерство исповеданий Временного правительства и православная церковь	№ 2	№ 8	Зверева Т.В. — Е.А. Осипов. Внешняя политика Франции в период президентства Жоржа Помпиду (1969—1974)
— Разгром православных храмов в Петрограде во время февральских событий 1917 г.	№ 8	№ 6	№ 3
Терёшина О.В. — Православная церковь в годы Великой Отечественной войны	№ 6	№ 3	№ 12
Чжун Сечжин — Идеология морицизма в первой половине XIX в. на Северном Кавказе	№ 3	ИСТОРИОГРАФИЯ	
ИСТОРИОГРАФИЯ		№ 6	Белова И.Б. — Военнопленные Четверного союза в России

Ивонина Л.И. — Дж. Паркер. Глобальный кризис: война, климатические изменения и катастрофы семнадцатого столетия	№ 2	Смыкалин А.С. — С.О. Шаляпин. Церковно-пенитенциарная система в России XV—XVIII веков	№ 7
Кретинин С.В. — В. Чу. Немецкое меньшинство в Польше в период между мировыми войнами	№ 7	Толстогузов С.А. — Митани Хироси. Национализм-революция-народ	№ 12
Матисон А.В. — Т.Г. Леонтьева. Священник Иоанн Белюстин: биография в документах	№ 2	Тулибаева Ж.М. — С.В. Любичанковский. Становление и развитие неформальных объединений уральского губернского чиновничества в конце XIX — начале XX вв. ...	№ 5
Некрасова Т.А. — А. Ватлин. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936—1941 гг.	№ 4	Фёдоров П.В. — Т.И. Трошина. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны	№ 6
Носов Б.В. — Польша в XX веке. Очерки политической истории	№ 9	Чижилова А.С. — А.Ю. Петров. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки	№ 1
Осипов Е.А. — Французы в научной и интеллектуальной жизни России. XVIII—XX вв.	№ 11	ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
Петелин Б.В. — Н. Бломе. Ангела Меркель — нерешительность как искусство; Ф. Ресинг. Машина канцлера: как функционирует ХДС	№ 6	Щавелёв С.П. — Дополнения к рецензии А.М. Дубровского	№ 11
Постникова А.А. — В.Н. Земцов. Наполеон в Москве	№ 8	Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2014 году	№ 12

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 12, 2014

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25. 11. 2014. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1800. Заказ 3098. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**